

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

14

1986

14

1986

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

14

1986

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauereg-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Георгий Давыдов

«МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ»

Здесь, на Западе, на городских площадях нередко наталкиваешься на необычные демонстрации. Посреди площади раскинуты складные столы, на них книги, брошюры, листовки, Тут же броские плакаты. На столе кружка для пожертвований. Вокруг столов — кучки людей: читают листовки; спорят, подписывают петиции. Все материалы демонстрантов помечены двумя крупными буквами — AI — Amnesty International.

С помощью таких демонстраций всемирно известная организация «Международная Амнистия» знакомит людей со своими целями, собирает пожертвования и подписи под документами в защиту узников совести.

«Международная Амнистия» возникла в 61 году. Поначалу советская печать отзывалась о деятельности этой организации в сдержанно-одобрительном тоне. Но сдержанности хватало не надолго, и вскоре в адрес «Международной Амнистии» посыпались ругательства и проклятья. Сами же члены групп AI смеются над нелепостью обвинений в их адрес со стороны как крайне правых, так и крайне левых: «коммунисты называют нас антикоммунистами и империалистическим рупором, а крайне правые считают нас коммунистами».

На первый взгляд такие обвинения в «коммунизме» с одной стороны, и «антикоммунизме» — с другой, кажутся несовместимыми. Но это только на первый взгляд. Недаром говорят: крайности сходятся. Вот и здесь фашисты и коммунисты сошлись в своем крайнем неприятии целей и методов «Международной Амнистии».

«Ненавижу Ваши идеи, но готов умереть, чтобы Вы имели право выразить их»,—этими словами Вольтера определяется вся суть деятельности «Международной

Амнистии». Тем, кому известно, что такое фашизм или коммунизм, ясно, что такая нравственная установка «Международной Амнистии» абсолютно неприемлема ни для фашизма, ни для коммунизма.

Цели «Международной Амнистии»:

Во-первых, обеспечить каждому человеку право на свободу убеждений и на свободное выражение их; сделать так, чтобы люди признавали и уважали эту свободу у других; тем самым обеспечить во всех странах мира соблюдение статей 5, 9, 18 и 19 Всеобщей Декларации Прав Человека.

Во-вторых, независимо от каких-либо политических соображений, бороться за освобождение и оказание помощи людям, которые, в нарушение вышеупомянутых статей, задержаны или отбывают заключение, — людям, свобода которых так или иначе ограничена, людям, подвергаемым какому-либо физическому принуждению либо из-за своих религиозных, политических и иных убеждений, либо из-за своего этнического происхождения, языка или цвета кожи — *при условии*, что эти люди сами не применяли насилия и не призывали других к применению насилия». Этим людей «Международная Амнистия» называет «узниками совести».

«Международная Амнистия» — это неправительственная независимая гражданская организация. Она работает независимо от каких-либо политических или религиозных групп или партий. По роду своей деятельности «Международная Амнистия» консультируется с Организацией Объединенных наций, ЮНЕСКО и Европейским Советом. Независимость «Международной Амнистии» в духовной области подкрепляется и ее экономической независимостью. «Международная Амнистия» существует за счет членских взносов, сбора пожертвований, доходов от продажи книг, брошюр, пластинок. Ежегодно «Международная Амнистия» публикует отчет о состоянии проблемы прав человека в разных странах мира и о нарушениях этих прав.

По приглашению ряда групп «Международной Амнистии» мне довелось выступать с сообщениями о правозащитном движении в Советском Союзе и с рассказами об узниках совести в нашей стране. Во время этих встреч я ближе познакомился с другими, нежели демонстрации, формами работы этой организации. Основной рабочей ячейкой

«Международной Амнистии» является группа. Группы возникают стихийно и на добровольных началах, конечно. Они существуют во многих странах мира, но прежде всего в странах Запада. Там, где у власти коммунисты, групп Амнистии практически нет. В 70-х годах в Советском Союзе по инициативе демократически настроенных граждан была создана советская секция «Международной Амнистии», но условия, в которые поставили ее власти, фактически лишили эту секцию «Амнистии» какой-либо возможности выполнять свои задачи.

Однако отсутствие в той или иной стране групп АИ далеко не всегда связано с давлением власти или прямым запретом деятельности этой организации. В Италии, например, действует довольно большое число групп «Международной Амнистии». Но географически почти все эти группы сосредоточены в северной половине страны. Юг Италии равнодушен к деятельности этой организации. На мой вопрос: «В чем причина такого равнодушия?» — председатель Итальянской секции «Международной Амнистии» Чезари Польяно пояснил: «На юге Италии другая психология, другие устроения. Народ здесь малообразованный, уровень жизни низкий. Так что главные заботы людей связаны с улучшением своего материального положения». Видимо, аналогичные причины препятствуют развитию «амнистийного» движения и в странах Третьего мира.

Основной принцип работы каждой группы «Амнистии» — опека конкретных узников совести из трех регионов мира: один из стран с коммунистическим режимом, второй — из стран Запада, и третий — из стран «Третьего мира». Такой подход к защите узников совести обеспечивает политическую беспристрастность деятельности «Международной Амнистии». Причем члены групп (согласно принципам «Международной Амнистии») лишены права выбирать подопечного. Вопрос, *кого* будет опекать та или иная группа «Амнистии», решает Международный секретариат этой организации, находящийся в Лондоне.

Бывают случаи, когда той или иной группе поручается заняться изучением состояния прав человека в какой-либо стране в целом. Так, с приходом в Эфиопии к власти

коммунистов, открыто провозгласивших основой своей внутренней политики «красный террор», «Международная Амнистия» поручила своей Туринской группе (Италия) заняться изучением проблемы прав человека в Эфиопии, опасаясь, что защита организацией конкретных узников совести, приведет к ужесточению репрессий властей против подопечных «Амнистии».

В тех случаях, когда это возможно, «Международная Амнистия» посылает своих представителей для проведения расследований на месте, для наблюдения за ходом судебных процессов, а также для переговоров с правительствами. Помимо этого, группы «Амнистии» стремятся установить связь, прямую или косвенную, со своими подопечными, помогая им и их семьям.

Особое внимание «Международная Амнистия» уделяет проблеме смертной казни. Так в декабре «Амнистия» организовала в Стокгольме «Конференцию по вопросу об отмене смертной казни», приняв по этому поводу 11 декабря 77 года Стокгольмскую декларацию. В этой Декларации «Международная Амнистия» напоминает, что «смертная казнь является крайне жестоким, бесчеловечным и унижительным наказанием, нарушающим право человека на жизнь». «Международная Амнистия», в частности, считает, что «смертная казнь часто практикуется с целью подавления оппозиции...» и провозглашает «свое полное и безусловное неприятие смертной казни».

Некоторые группы «Международной Амнистии» специально занимаются проблемой смертной казни в той или иной стране. Так Туринская группа изучает состояние этой проблемы в Советском Союзе.

В последние годы «Амнистия» уделяет много внимания вопросу о применении пыток.

Периодически рабочие группы «Амнистии» устраивают встречи с бывшими политзаключенными из разных стран или с людьми, подвергавшимися по политическим мотивам преследованиям. Мне приходилось не раз участвовать в таких встречах, рассказывать о своем опыте. Помимо этого, я обычно готовлю небольшие сообщения о национальных, религиозных или иных формах общественного движения в СССР, представителей которых опекает группа, устроившая встречу.

Группы «Амнистии» никак не скованы в своей инициативе. Несколько лет назад я побывал на собрании группы «Амнистии» в Билефельде (Западная Германия), где встретились многие из тех, кто опекает политузников из ленинградской группы «Левая оппозиция», идеологически близкой к еврокоммунизму. В Билефельде собрались члены «амнистийных» групп из Франции, Скандинавии, Австрии и Германии. Я попал в непринужденную рабочую атмосферу — члены групп обменивались информацией о своих подопечных, уточняли неясности, делились опытом наиболее эффективной защиты опекаемых и оказания им материальной и моральной поддержки. Я был поражен прекрасной осведомленностью «амнистийцев» в самых мелких деталях биографий своих подопечных. «Амнистийцы» не только знакомы со всем самиздатом, имеющим отношение к ленинградским «левым», но они также встречались здесь, на Западе, с людьми, непосредственно знающих политзаключенных Цуркова и Скобова. Здесь же, в Билефельде, участники встречи приняли решение написать брошюру о судьбе своих подзащитных. Через год брошюра уже была у меня на столе. Я убедился, что «амнистийцы» не только отлично знают материал, но смогли проанализировать также и юридическую сторону дела — как с точки зрения международного права, так и с точки зрения советского Уголовно-процессуального закона. И сделали это вполне квалифицированно.

Что же приводит людей в эту уникальную организацию «Международная Амнистия», что заставляет человека поддерживать эту организацию денежными пожертвованиями и отдавать работе в «Амнистии» свое свободное время? Приводит людей в «Международную Амнистию» озабоченность судьбами людей, чьи права и чье достоинство подавляется властями по политическим, этническим, религиозным или расовым мотивам.

Авторитет «Международной Амнистии» чрезвычайно высок. И символом высокой оценки гуманистической деятельности этой организации стало присуждение ей в 1977 году Нобелевской премии Мира.

СВОБОДНЫЙ МИР ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТА

Большинство эмигрантов третьей волны живут в демократических странах уже более 4-5 лет. Время достаточное, чтобы познакомиться со свободным миром и попытаться определить свое место в нем.

«Форум» обратился к нескольким известным эмигрантам с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. *Считаете ли Вы государство, в котором живете, правовым государством? Полагаете ли Вы, что права граждан здесь обеспечены в достаточной мере?*

2. *Можно ли западное общество считать обществом равных возможностей? социальной справедливости? Если нет, почему?*

3. *Чувствует ли человек здесь себя свободным? Может ли он реализовать свой творческий потенциал? Чувствует ли он себя уверенно?*

4. *На чем основаны отношения между властью и обществом в свободном мире? Есть ли здесь у рядового человека шанс оказать существенное влияние на политику государства?*

5. *Какова роль капитала в западном мире?*

6. *Как Вы оцениваете место прессы и других средств массовой информации в западном обществе?*

7. *Чем отличаются взаимоотношения между людьми: в СССР и на Западе?*

8. *Каков общий духовный климат в странах свободного мира? Какую роль играет церковь?*

9. *Ваше мнение о месте художника в западном мире? Как складываются отношения*

между художником и читателем-зрителем здесь и в Советском Союзе?

10. Какие ценности западного мира Вам особенно дороги?

11. Способен ли, по Вашему мнению, Запад отстоять свои ценности?

Игорь Бирман

экономист, в СССР — старший научный сотрудник, член научных советов АН СССР, преподаватель. В США с 1974 г. Президент The Foundation for Soviet Studies, редактор журнала «Russia». Автор нескольких книг, в том числе книги «Экономика недостатч».

1. Конечно США — правовое государство. Я бы даже повторил известное — что юристов у нас развелось слишком много и во многих отношениях «обеспечение прав граждан» явно заходит слишком далеко.

В государственных парках купаться можно только лишь в специально отведенных для этого местах и под наблюдением особого стража. Почему? — А потому, что если утонешь, то родственники затаскают администрацию парка по судам.

Или, во многих штатах специальным законом меня заставляют пристегиваться ремнями безопасности в автомобиле. Покушение на мою свободу!

2. Идеал недостижим. Разумеется, в западном обществе нет действительного и полного равенства возможностей, дети богатых родителей, конечно, имеют их больше. Однако ограничений на равенство возможностей в западном обществе относительно немного и не видно, как их преодолеть. То же и про справедливость. Знаменитые слова Картера «жизнь вообще несправедлива», увы, верны. Но западное общество старается навести справедливость, заботится о сырых, старых, увечных.

Давайте так. И равные возможности, и социальная справедливость представляют собой некий недостижимый полностью идеал, но западные общества за последние

десятилетия много сделали по этому поводу и трудно было добиться дальнейших существенных улучшений.

3. В общем да, но все это весьма индивидуально. Далеко не все чувствуют себя уверенно, а безработица — это не сахар. Для реализации творческого потенциала нужно сочетание многих обстоятельств, да и наличие самого потенциала. А мы иногда его переоцениваем.

4. Вопрос бесконечно сложен, а с другой стороны, изжеван. Боюсь скатиться на банальности, но, конечно, индивидуум может оказать существенное влияние на политику государства только если он объединится с другими.

5. Роль капитала огромна, но, честно, меньше, чем я это себе представлял, живя в СССР. В СССР считается, что «буржуи реакционны», настроены антисоветски. Ан нет! Как недавно хорошо объяснил Ричард Пайпс в «Выжить недостаточно», именно представители деловых кругов весьма просоветски настроены, что они буквально месяц назад еще раз продемонстрировали массовым паломничеством к Горбачеву!

6. В чем-то Солженицын прав, говоря о засилье средств массовой информации. Вообще это страшно сложно, но идеологическая позиция Нью-Йорк Таймса, Вашингтон Поста и главных американских телекомпаний мне чужда, да и антидемократична. Судите сами — во время последних выборов все они поддержали Мондейла, против Рейгана.

Можно, конечно, сказать, что есть Уолл Стрит Джорнал, но в целом наиболее влиятельные органы информации в Америке (европейскую печать знаю очень плохо) не отражают настроения и склонности населения в целом, они «левее».

7. Коротко ответить трудно. Намного больше роль семьи, во всяком случае в Америке. Отношения вежливее, цивилизованнее. Но и больше равнодушия в отношениях, меньше душевного участия. Там у людей есть общий враг и они против него спланиваются.

И еще. Эмигранты часто делают ошибочные заключения, забывая об очень простых вещах. Например, людям мучительно трудно общаться с нами из-за нашего чудовищного акцента, из-за культурных различий, из-за отсутствия

общих воспоминаний. В общем, не надо судить об отношении людей между собой по отношению к нам.

8. И этот вопрос очень объемный. Очевидно, что церковь играет несравненно большую роль, чем в СССР; для меня степень религиозности американцев была неожиданно высокой. Надо также не забывать, что церкви (синагоги и т. п.) играют громадную социальную роль, формируя сообщества, устанавливая дополнительные каналы общения.

9. Здесь важна сильная и заметная разница в соотношении систем ценностей в «двух мирах». Опять, вопрос очень объемный, потому крайне схематично. В СССР и в связи с традициями, и как противодействие партийно-государственному давлению, и по невозможности (трудности) проявить себя другими способами, много выше общественный престиж интеллектуальности, некоторых духовных устремлений. Жирующие торгаши достаточно низко стоят на лестнице социальных престижей, а на вечера поэзии не пробиться. Академик -- едва ли не самое престижное звание.

В свободной же Америке вы редко увидите поэта по ТВ, а плохой, но оборотистый врач поплевывает на писателя свысока. Владелец бензоколонки, коли он «делает» свои 100 тыс. в год, по престижу не намного ниже университетского профессора.

В СССР писатель, часто вполне справедливо, пеняет на режим, но и здесь совсем не просто — «слишком интеллектуальное» произведение далеко не обязательно завоевывает рынок.

Оговорившись, что я за всемерную демократию, должен все же сказать, что она неизбежно связана с некоторым снижением среднего интеллектуального уровня, что в некоторых отношениях для науки, искусства, культуры вообще более полезна аристократия.

Обо всем этом надо писать не три абзаца, а книги. Хотя, кто в западном мире будет их покупать?

10. Децентрализация общества, наличие многих и разнообразных центров, неподвластность государству.

11. В прямом военном противостоянии Запад беззащитен, по самой своей демократической природе. Единственная надежда — демократизация противостоящих нам обществ изнутри. Надежда слабая, но другой нет.

Борис Вайль

участник правозащитного движения, бывший политзаключенный. Эмигрировал в 1977 году, живет в Копенгагене, работает в Королевской библиотеке. Автор книги «Особо опасный».

1. Считаю. Вопрос же о достаточной обеспеченности прав граждан в этом государстве можно обсуждать. Например, «право на труд» в условиях безработицы или право на свободу ассоциаций (о последнем см. мою заметку о датских профсоюзах в журнале «Страна и мир» № 6, 1984, стр. 18-19).

2. В основном, да. Хотя иногда некоторые «более равны», чем другие. Социальная справедливость? Надо бы уточнить это понятие. Во всяком случае, здесь, в Скандинавии, больше социальной справедливости, чем в СССР.

3. На все три вопроса — да. Если безработный не может реализовать свой трудовой потенциал, то творческий потенциал он все равно реализовать может.

4. На демократической системе, на свободных выборах. Возможность оказать влияние на политику государства у рядового человека, безусловно, есть — через прессу, через партии, через профсоюзы.

5. Роль капитала в западном мире, безусловно, велика. Но его власть ограничена властью прессы, правительства, законов.

В Дании трудно сказать, кто сильнее: капитал или труд (профсоюзы).

6. Средства массовой информации и здесь, и в СССР играют колоссальную роль. В СССР они — инструмент идеологического контроля партии над страной. На Западе они — средства контроля общества над правительством, капиталом, профсоюзами; важно, что они постоянно стремятся кого-нибудь разоблачить. И все-таки у свободной западной прессы есть и свои издержки: есть бульварная пресса — это вопрос особый, есть порой стремление к сенсации любой ценой и т. д.

7. Я не вижу особых отличий. Но, как говорят иностранцы, только «там» (в СССР) настоящая дружба, настоящее товарищество. Возможно, здесь играет роль

национальный (славянский, еврейский, грузинский...) характер. У скандинавов дружба, действительно, понимается не так, как «там».

8. Поскольку западное общество плюралистично, то трудно говорить о «духовном климате». В принципе, это климат духовной терпимости. Что касается церкви, то в Дании, например, ее посещают только 2% населения, т. е. по видимому Дания — наиболее иррелигиозная страна в Западной Европе. Церковь играет здесь небольшую роль, хотя она и не отделена от государства. При всей иррелигиозности общества протестантская церковь воспринимается здесь как часть национальной культуры. Невозможно себе представить, чтобы кто-нибудь здесь предложил закрыть церкви, поскольку они (почти) не посещаются. Даже просоветская компартия не осмелится выступить с таким предложением. Духовенство здесь уважаемо, и быть священником — престижно. Чтобы стать философом в Дании, лучше всего получить теологическое образование.

9. В скандинавских странах и в Финляндии — на манер Советского Союза — существует государственная поддержка некоторым — наиболее популярным — писателям и художникам. Притом часто такое пособие получают самые непримиримые враги «капиталистического общества». «Они мне платят за то, что я их критикую. И чем больше я буду критиковать капитализм — тем больше они мне будут платить», — так сказал мне один из левых писателей, получающий ежегодное пособие от государства.

10. Свобода. Невмешательство в чужую личную жизнь. Уважение (терпимость) к чужим взглядам и обычаям. Политический плюрализм.

11. Что имеем не храним, потерявши — плачем.

Но все будет зависеть от того, в каких условиях будет происходить это «отстаивание».

Юлия Вознесенская

поэтесса, участница демократического движения в СССР, бывшая политзаключенная. Эмигрировала в 1980 году, живет в ФРГ. Автор нескольких книг.

1. Безусловно. Любой гражданин, считающий, что его

права нарушены, может обратиться в суд, и даже в том случае, если ответчиком он объявит государственное учреждение, полицию или правительство. Если решение суда всех инстанций покажется ему несправедливым, он может обратиться к общественности и даже потребовать перемены законодательства, на основании которого нарушено его право. Например, этого и добиваются коммунисты, протестуя против запрета использовать государственную службу в интересах партии. Другое дело, что большинство граждан ФРГ считает этот запрет справедливым — тут уж право на стороне большинства.

Особенно важным мне кажется то, что возможности гражданина защищать свои права обеспечены гласностью. Вы не нашли газеты, готовой напечатать ваш протест? Издайте свою, новую, небольшим тиражом. Уж если эмигранты как-то выкручиваются, то гражданам ФРГ это сделать еще проще: ведь не за счет же ЦРУ, в самом деле, выходит большинство эмигрантских изданий, среди которых есть и совершенно бредовые, на мой взгляд.

Зато клеветникам тут особенно не разгуляться — за каждое слово надо быть готовым идти к ответу, уж такова природа правовой печати.

2. Равных возможностей при равных способностях их использовать — да. Есть люди, многого достигшие в самом юном возрасте, не имев ни первоначального капитала, ни высокого покровительства. Мы живем в государстве, активно заинтересованном в том, чтобы его граждане много и хорошо работали, достигали успеха в работе. Даже эмигранты могут получать огромные, по советским меркам, кредиты на открытие собственного дела — если они докажут, что в состоянии вести его. Но я знаю людей, годами живущих на приличные государственные пособия и не желающих для себя пошевелить ни руками, ни мозгами. Им, конечно, приходится труднее, но зато у них больше времени задуматься над тем, почему им «не везет?».

Но самым справедливым мне кажется то, что любой гражданин страны, в которой я сейчас живу, может получать помощь от государства — на жизнь, на квартиру, на детей, — если он попал в беду. Он получит и бесплатное (но не дешевое!) медицинское обслуживание, и бесплатные лекар-

ства, ему дадут в виде социальной помощи необходимую одежду и домашние вещи. У меня есть друзья-безработные, имеющие автомобили и живущие в замечательных социальных квартирах. Пусть это все не имеет ко мне отношения, я ничем этим не пользуюсь, но так спокойно себя чувствуешь, когда знаешь, что никто рядом не погибает от нужды.

3. Да, свободным человек себя здесь, по большей части, действительно ощущает. К сожалению, он не всегда понимает границы необходимой человеку свободы. Я видела в Бонне молодых фашистов, страшно возмущавшихся, что полиция не позволила им сорвать акцию Международного общества прав человека в защиту академика Сахарова: они так понимали свое право на свободное выражение своих взглядов!

Для реализации своих творческих возможностей здесь воистину простор необъятный — важно, чтобы они были, эти творческие возможности. Не претензии, нет.

Чувствует ли себя уверенно житель ФРГ? А ведь, пожалуй, не всегда. Наш брат-эмигрант по вполне понятным причинам: нет языка, мало друзей, нет умения сориентироваться в новой обстановке, незнание правил и законов новой жизни. И самое главное — неумение решать все самому, решать и решаться. Столько лет за нас все дядя в Кремле думал, и вдруг — сам думай, легко ли? Там, например, стоишь пятнадцать лет в очереди на квартиру — то-то радости, когда дадут! И выбирать не надо. А тут — бегаешь, ищешь, смотришь, договариваешься, рассчитываешь свои возможности — голова кругом. Какая уж тут уверенность?

Нечто схожее бывает и у немцев. Но у них часто встречается неуверенность от привычки жить всегда и обязательно размеренно и обеспеченно. Я знала безработного инженера, который чуть умом не тронулся, побыв полгода на пособии. Новую работу ему в основном жена искала — он сидел в их собственной квартире и предавался депрессии. Даже не выходил из дому, чтобы прокатиться на своем «Мерседесе», развеемся. Нашел работу и, думаете, повеселел, успокоился? Отнюдь! Он теперь с этой травмой до самой пенсии дожить собирается. Хорошо еще, что жена у него — русская, не даст в случае нового «кризиса» петлю на себя накинуть. А вообще, мне бы его заботы...

4. Конечно, есть. Только не по принципу «А вот найду в Бундестаг и скажу им что-нибудь, а они вдруг возьмут и по-моему сделают.» В Бундестаг-то любой может попасть — на галерею для посетителей, это ведь не заседание ЦК КПСС и не съезд Советов. А чтобы тебя действительно услышали, надо прежде всего иметь, что сказать. Услышали, вот, «зеленых», когда они дело говорили, природу защищали. Ну, а когда увлекаются... А вот коммунистов тут что-то плохо слушают. Видно, доводы у них не очень убедительные, если зеленые мальчишки и девчонки смогли заставить себя услышать, а они — бьются, бьются, а все пробиться в парламент не могут.

5. В этом я плохо разбираюсь. Знаю лишь одно: чем богаче страна, тем выше в ней социальное обеспечение трудящихся и тем меньше коммунистов. И тем более она защищена от вторжения коммунистов иностранных.

6. Когда как. Когда пресса восхищается и тревожится судьбой академика Сахарова — меня радует, но когда газеты и журналы полны перечислением нарядов мадам-товарища Раисы Горбачевой!.. Впрочем, с заявлениями любой прессы можно спорить в прессе же — а это много. Мы, в прошлом самиздатчики, даже увлекаемся возможностями прессы на Западе и порой так ее используем, что только пух и перья летят! К сожалению, не с тех объектов...

7. У нас, по-моему, в личном общении люди теплее, отзывчивее, больше способны на взаимопомощь и даже самопожертвование. Не обязательно диссиденты, просто обыкновенные люди — в семье, в дружбе, на работе. Но в большом коллективе советский человек — ужасен! За редким исключением, когда он вообще не умеет чувствовать себя членом коллектива, а остается личностью даже в трамвайной толпе и в магазинной очереди.

Западный человек в массе совсем не коллективистичен, но порой его индивидуализм превращается в такой эгоцентризм, что до сердца не достучишься. Тем больше меня радует то чувство деятельного и искреннего сострадания, которое многие и многие мои друзья на Западе испытывают к нашим политзаключенным: сколько они для них делают! Это тем больше трогает в молодом поколении, что оно-то, на наш взгляд, вообще тут на Западе никаких

лишений не знало и не ведало. Ну, разве что с любимой девушкой поссорится...

А вот к соседям немцы, мне кажется, нетерпимы: следят друг за другом, доносят чуть что, ничего не прощают. Из-за собачки, пробежавшей по клумбе, могут два года судиться. Их бы в коммунальные наши квартиры — перемелют друг друга в мясорубках на общей кухне через неделю.

8. Я не понимаю, что такое «общий духовный климат» на Западе. Запад настолько разнообразен, что я, путешествуя, влюбляюсь в каждую новую страну и в каждый новый народ — и никак не могу решить, кто мне нравится больше — итальянцы, шведы, голландцы? То же и внутри каждой страны — невероятное разнообразие людей, групп, сообществ. То же можно сказать и о Церкви. Где-то она сильнее (Италия), где-то ее присутствие мало ощутимо, на взгляд путешественника (Франция), а вот в Германии католическая часть населения резко отличается от остальных немцев: и детей у них больше, и жизнь более воцерковленная, и идет большая работа по накоплению духовных ценностей — работает священство, богословы, религиозные философы.

Но самая большая духовная радость, которую я ощутила в ФРГ — это множество новых, недавно построенных и строящихся церквей. Это так не привычно для русской христианки!

Я часто слышу мнение, что Запад (ВЕСЬ! ЦЕЛИКОМ!) бездуховен, что Церковь на Западе замирает, если не умирает совсем. А колокола звонят, а службы идут, и даже в будние дни церкви не пустуют. Мне скажут: «Обряды! Молитва без дел мертва...» А кто печатает на языках СССР Священное Писание миллионными тиражами, из года в год? Кто посылает посылки нашим преследуемым христианам, шлет им письма в лагеря и ссылку? А видели вы колонны грузовиков, везущих в Польшу продукты и одежду? Все это делают западные христиане, а это ли не свидетельства точного следования Нагорной проповеди — накормить голодного, посетить узника...

Я православная, и мне, конечно, жаль что западные христиане отошли от первоначальной общей нашей Церкви. Но что Христос их не покинул, в этом я уверена и душой, и разумом.

9. Мне очень крупно повезло: выезжая, я думала, что творческая жизнь кончена, что никому здесь не нужны русские писатели, — и вдруг оказалось, что я ошиблась. Нас и переводят, и читают, еще и премии присуждают. И читатели тут, по крайней мере в ФРГ, очень благодарные, для них хочется писать и писать. Несмотря на обилие названий, книг покупают много. Моя книга «Женский Декамерон» вышла в мае, а сейчас, в декабре, издателю пришлось выпустить второй тираж — и из него уже треть была запродала заранее. Меня это чрезвычайно удивило и обрадовало. Проходят читательские встречи, чтение глав из книги, и все это — полная неожиданность. Я полагала, что здесь читатель и писатель более отчуждены друг от друга.

Но это касается прозы. В поэзии, несколько я знаю, дело обстоит иначе. Стихов тут читают меньше, чем в Советском Союзе.

Можно издать свою книгу самому и самому же продать. Я знаю одного писателя, который так и делает: сам пишет, сам рисует обложку, сам набирает текст, сам рекламирует и продает. Злые языки говорят, что еще «сам читает и сам критикует». Но ведь живет на это! И ни от кого не зависит.

В Советском Союзе я почти не печаталась, очень рано ушла в самиздат — а там читатель известно какой — самый благодарный! Если он не сотрудник КГБ, разумеется. С этим читателем отношения всегда несколько усложнялись.

10. Свобода, свобода, свобода! Выяснилось вдруг, что я тут подросла на 2 сантиметра: это в моем-то, не скажу каком, возрасте! А потом сообразила, что все-таки физиология остается физиологией, и не выросла я в 45 лет, а просто — выпрямилась.

Быть духовно свободным, верить в Бога, отстаивать свои убеждения и говорить правду, писать, что хочешь — все это можно было и на родине. Трудно, но можно. А вот полностью чувствовать себя свободной для всего этого — для веры, для творчества, для жизни — это я испытала только здесь. Это как подарок судьбы, неоценимый подарок. И не могу себе представить, что когда-нибудь устану этому радоваться.

11. Возможно, если пацифисты не подведут. Но часто я в ответ на вопрос, почему не учу немецкий язык, отвечаю: «А

зачем? В Грузии я говорила по-русски, в Литве — по-русски, на Украине — по-русски. Это вам, с вашей политикой, пора начинать изучение русского языка, а мой немецкий подождет — может, еще придется куда эмигрировать...»

Я убеждена, что на Западе есть силы, способные здесь, в Европе, в США отстаивать свою свободу, свои ценности. Но вопрос-то, мне кажется, состоит в том, что демократию надо защищать там, где ей наносится удар в данный момент — в том же Афганистане, например. А до понимания этого Западу, похоже, еще далеко. Если жить по нашей поговорке «моя хата с краю», то и своя хата может очень скоро оказаться на краю бездны. Впрочем, это уже сто раз до меня говорили...

Зиновий Зиник

писатель, автор романов и повестей: «Извещение», «Уклонение от повинности», «Перемещенное лицо», «Русская служба», «Ниша в Пантеоне», «Русофобка и фунгофил». Эмигрировал в 1975 году, живет в Лондоне.

Ответ на вопрос о месте художника в западном мире.

Невыносимость российско-советской литературной атмосферы в постоянном перезвоне идеологического будильника. Декабристы по-ленински будят Герцена, Некрасов призывает быть не поэтом, а гражданином, Сталин воспринимает молчание на допросе и даже самоубийство поэта как идеологическую диверсию, Пастернак призывает художника не предаваться сну, анти-сталинист Евтушенко тоже отнимает у нас право на молчание, а Солженицын настаивает на запрещении лжи. Эти громогласные окрики и призывы к разбуженной Революцией писательской совести довели русскую литературу до состояния хронической бессонницы. В этом состоянии, как известно, человек готов поставить свою подпись под чем угодно; неудивительно, что господствующий стиль в русской литературе поразительно непоминает книгу жалоб и предложений, в лучшем случае — протоколы допроса. Как прорежимная, так и анти-советская литературная толпа (в отличии от традиционной толпы,

загоняющей поэта в дорогостоящую башню из слоновой кости) отнимает у поэта право на уединение и настырно претендует на роль посредника между поэтом и Богом.

Несмотря на пресловутую пасмурность, английский небосклон уютен хотя бы тем, что здесь у Бога посредников нет, а у литературы, соответственно, нет генеральной линии. Литературная жизнь тут устроена приблизительно как вагон английского поезда: на каждые четыре лавки — своя дверь, и хотя и есть общий коридор-проход, атмосфера отдельного купе со своим выходом соблюдается. Хотя Королева номинально и глава Англиканской Церкви, религия тут отделена от государства, государство — то есть, политика — отделено от литературы. Эта отделенность воспринимается многими, и в особенности русскими пушущими людьми, как одиночество. Таким не хватает враждебного окружения, когда любое твоё слово, по Киплингу, калечит плут, чтоб уловить глупцов. Не хватает той самой атмосферы нетерпимости, когда страница романа равнозначна доносу, а донос превращается в литературный факт. Не хватает обстановки коммунальной склоки, которая почему-то называется горячим читательским откликом. Не хватает пророческой позы, когда человек, надев на голову ведро, кричит благим матом и эхо собственного голоса принимает за широкую общественную огласку. Не хватает «внутренней свободы», которая служила оправданием политической пассивности.

Внутренней свободы нам, действительно, не хватает, как не хватает и внутренней дисциплины. Той самой дисциплины, которая заставляла, скажем, Орвелла, в пустынной и ветреной Шотландии, скрюченными от холода пальцами выстукивать в туберкулезном одиночестве роман «1984» в то время 1948 года, когда интеллигентская толпа Англии крутила роман со сталинизмом. До тех пор, пока до пишущего человека не дойдет, что литература есть сочинительство, а не политическая платформа или кафедра проповедника, это орвелловская уединенность будет путаться с одиночеством. Это не значит, что литератор не может стать политиком или проповедником, и наоборот. Это не значит, что английская литература по своему духу аполитична. Просто напросто, политические или религиозные идеи в

литературе — лишь идеи; и идеи эти персонажны, и меняются от романа к роману, от поколения к поколению, как меняются стиль и манеры светского, то есть мыслящего, общества. Стиль этот неуловим и одновременно конкретен в своей подвижности. Индивидуалистический по своему духу (литература — моральное оправдание эгоизма), стиль этот противится каким-либо обобщениям, будь то география или политический режим. Стиль этот не продиктован ничем, кроме попытки избежать мертвых концов и тупиков литературного мышления, литературщины, когда, в частности, разделение мира на демократию и тоталитаризм, соцреализм и авангард, Ложь и Правду (говорить ложь — в этом, порой, и состоит литературная правда) служит оправданием литературного застоя. Свидетельство тому то, что российская дилемма «Восток — Запад» давно превратилась в тему для литературных пародий; примером этого феномена я и спешу закончить свое выступление:

О ПОЛЬЗЕ КУРЕНИЯ

Игорю Померанцеву и Петру Чаадаеву

Казалось бы, внутри у нас Восток,
а Запад — он снаружи, это так.
Но если взять куренье, ведь оно
лишь внешнее пусканье дыма — яд
для тех, кто как и я, в рот не берет
табак. Я в рот беру вино.
Оно — лекарство внутреннее. Но
свобода внешняя, друзья, невпроворот
Востоку. Западу, замечу между строк,
не в прок свобода внутренняя. Странно:
ведь курево — в традициях Востока,
а в алкоголе утопает Запад. Да,
противоречье налицо. И все-таки,
я с внутренней свободой постоянно
пью виски, водку, джин, кальвадос иногда,
начав с утра. И к вечеру теряюсь:
где Запад — где Восток? внутри или вовне?
Придется закурить!

Лев Круглый

актер театра и кино. Эмигрировал в 1979 г., сейчас живет в Мюнхене.

Отвечая на вопросы, я исхожу из своего положения на Западе — беженец, т. е. из положения человека, который не внедрен в жизнь этого общества и на многое смотрит со стороны.

1. Меня «права граждан» интересуют лишь основные, они мне «обеспечены в достаточной мере».

2. Проблемы «социальной справедливости» в моей профессии играют минимальную роль. Мои же возможности зависят лишь от меня, от умения общаться с людьми.

3. Да.

4. Не знаю.

5. Не знаю.

6. От прессы я получаю все, что нужно (информацию и различные точки зрения).

7. На Западе мои отношения с людьми никем не контролируются (а если кто посмеет в них вмешиваться, то я имею полную свободу пресечь эти попытки). В СССР всё контролируется и поэтому (в частности) легко найти внешнюю причину не сложившихся отношений.

Номо soveticus = духовный раб. Они есть везде, особенно их много среди советской интеллигенции, а на Западе — среди т. наз. интеллектуальных леваков. Точно так же духовно и интеллектуально богатых я встречал как там, так и тут. Граница проходит (в этом вопросе) не по линии «Запад-Восток», а внутри человека.

8. Не знаю.

9. Место художника в СССР — приводной ремень пропаганды, на Западе его место там, куда он сам себя поставит. С попыткой узурпировать мои права я столкнулся в Англии со стороны профсоюза, который взялся диктовать выбор кандидатур актеров для радио-пьесы на Би-Би-Си. Профсоюз в творчестве — нонсенс, «зримые черты социализма», от которого я бежал.

10. Прежде всего тут существуют условия, обеспечивающие духовную и психологическую независимость. И поэтому уже от самого человека зависит возможность их реализовать.

Высокий материальный стандарт. Во всяком случае я не знаю ни одного русского беженца, голодающего и не имеющего крова (подчеркиваю — беженца, т. е. человека потерявшего все накопленные материальные ценности).

11. Истинные ценности — в человеке, и здесь (на Западе) на них никто не посягает, по крайней мере таков мой шестилетний опыт. Один мой знакомый сформулировал: я благодарен этому обществу за его полное равнодушие к факту моего существования. Парадоксально, но хорошо.

Петр Егидес

участник правозащитного движения в СССР, бывший политзаключенный. Эмигрировал в 1980 году, живет в Париже. Автор нескольких книг.

1. Да, считаю. Нет, не полагаю: одно дело — юридическое обеспечение прав (это здесь есть в отличие от СССР), другое дело — материально-экономическое. (Так, у человека есть право иметь квартиру, но если у него нет денег, то осуществить это право он не может и живет в трущобе или в метро, как клошар, — правда, он этим может даже «гордиться», ибо клошары — это «украшение Парижа». Или: у человека есть право, чтобы его обращения были помещены в газете, но опять-таки для осуществления этого нужны большие деньги. Пример: перед приездом Горбачева в Париж «правые» закупили в ведущей французской газете «Le Monde» целую полосу и опубликовали Обращение, в котором требовали, чтобы Горбачев отказался от... коммунистической идеологии, что так же глупо, как предлагать Папе Римскому отказаться от христианства, хотя эти идеологии и несравнимы. Но вот «левые» (80 человек) тоже затеяли опубликовать свое Обращение к Горбачеву, причем с конкретными требованиями освободить политзаключенных, — однако оно опубликовано не было. А почему? По той простой причине, что для этого надо было 100 000 (!) франков, что «правые» выложили, не моргнув и глазом, а левые наскребли лишь 6000. Комментарии, как говорится, излишни).

2. Снова-таки: в юридическом плане возможности здесь у всех равные («Каждый, — уверяет меня мой друг, — может

стать капиталистом»), — но разве равны возможности сына наемного рабочего и сына Тины Анасис, которая ни за что, ни про что (по наследству) получила огромные миллионы? Разве это — социальная справедливость? Западное общество — это кентавр (сочетание демократии и капитализма). Демократия равные возможности дает, капитализм их отнимает.

3. Смотря в каком смысле: свободным говорить, что считаешь нужным, — да, свободным от тюрьмы за высказывание своих мыслей — да, но свободным реализовать свой творческий потенциал человек чувствует себя весьма относительно; уверенным — увы, нет (не уверен человек, что завтра не останется без работы, не уверен, что, уходя из дома, вернется, ибо может оказаться жертвой террористического акта или просто хулиганского, садистского).

4. Определенное влияние на политику государства люди здесь оказывают голосованием на выборах, демонстрациями, но влияние это весьма слабое. Существенное влияние на политику государства граждане могут оказать лишь при непосредственной демократии, — современная же демократия опосредована партийными и корпоративными структурами, общими списками, различными лобби. Для перехода же к прямой, непосредственной демократии нужен более высокий мыслительный и нравственный уровень «масс», нужно сознание саморефлектирующее, свободное от минипулируемости им.

5. Колоссальная, часто решающая. Не зря немцы говорят: *Geld ist die Welt*, а одна наша уважаемая дама меня настойчиво поучала: «Кто деньги дает, тот и музыку заказывает». Один журнал живет, ибо владельцы капитала отвалили ему куш денег, а другой — прекрасный — журнал (например, «Альтернативы») умер от безденежной асфиксии. Или еще пример: приехал Ярузельский в Париж и захотел прокатиться по Сене. Одна речная компания «кораблей-мух» в этом ему отказала, ибо он — душитель свободных профсоюзов, — зато другая речная компания катеров кораблик ему предоставила. Кто же виноват? *Капитал*, капиталистическая конкуренция... Посмотрите многосерийный американский фильм «Династия», и вы увидите, что

проделывает капитал. Словом, без денег (то бишь, без капитала, — хотя понятия эти не идентичные) даже денежное общество невозможно похоронить, как в СССР — в соответствии с одним анекдотом — невозможно оказалось похоронить блат без... блата.

Если же коснуться глобальных проблем, то именно западный капитал способствует укреплению восточного тоталитаризма, своей алчностью он способствует выращиванию в лице тоталитаризма могильщика современной демократической цивилизации.

6. Пресса — весьма выжный рычаг демократии. Поскольку тут отсутствует цензура, то место, роль прессы в жизни общества, ее влияние — огромны. Но при этом из-за деформирующего воздействия капитала она не лишена таких теневых сторон как, например, сенсационность.

7. Наличие демократии делает людей Запада более открытыми в высказываниях, чем людей в СССР; частнособственническая же система делает людей менее общительными и менее способными к взаимопомощи, чем опять же в СССР. Хотя все это далеко не однозначно. К тому же я считаю, что между людьми Запада и Востока больше общего, чем различного: никакого *Ното soveticus*'а нет, — измените режим, и тут же изменится и поведение человека. Поэтому, еще живя в СССР, я оспаривал тех философов, которые утверждали, что существуют не только различные культуры, но даже различные человечества — восточное, западное — с диаметрально противоположными логиками.

8. Духовный климат в современном мире не соответствует уровню материально-технологического развития его. Еще Руссо, отвечая на вопрос Дижонской академии, заметил, что при техническом прогрессе наблюдается нравственная стагнация или даже регресс. Я думаю, что неравномерность развития этих двух сфер человеческой экзистенции может быть преодолена лишь при развертывании серьезного Движения за массовую логико-этическую революцию.

Что же касается церкви, то она, безусловно, играет немалую роль в современном мире. Однако, гораздо меньшую, чем могла бы, если бы ее иерархи более последовательно и более решительно отстаивали заветы Христа. Христианство как религия сыграло, как известно,

роль в смягчении нравов, но христианская церковь не добилась за всю свою многовековую историю ликвидации ни социальной несправедливости и поляризации, ни кровопролитной бойни (до сих пор нет дня, чтобы где-нибудь в христианском мире, не говоря уже о нехристианском, не лилась человеческая кровь).

9. В СССР художнику-писателю есть что сказать читателю, но нет возможности сказать все, что он хочет: между первым и вторым всегда стоит незримый страж режима — кагэбэшник, цензор. На Западе у писателя есть больше возможностей писать свободно, но он скован здесь другим — «необходимостью» учитывать «коммерческую проходимость» своего детища. И поэтому там глубокомысленный писатель вынужден говорить эзоповым языком, языком намеков, что часто до сознания «рядового» читателя не доходит. А здесь писатель «вынужден» порой паясничать в угоду низменным запросам, подменять подлинное искусство порнографическими поделками, ударяться в дешевое пародоксосозидание или плоское остроумие вместо глубокогоумия, которое отличало писателей прежних времен. (Увы, этим объясняется и деградация некоторых наших эмигрантских писателей).

10. Я бы не применил к Западу формулу Лейбница «Мир этот лучший из всех возможных», но зато сказал бы: «Современный Западный мир — лучший из всех доселе существовавших и ныне существующих», поскольку ничего лучшего история нам не преподнесла. Поэтому я в выступлениях здесь говорю людям «Берегите свою свободу, как зеницу ока»: несмотря на деформирующее влияние на нее капитала, здесь особенно дороги такие ценности, как определяющая свобода мысли, неприкосновенность личности со стороны властей, выборность властей, разделение властей, независимость судей, контроль прессы, право на оппозицию, бесконечно более высокий, чем в СССР, жизненный уровень.

11. Способен, если осуществит девиз Сталина «Мир будет сохранен, если народы возьмут дело его в свои руки». Конечно, свой народ тиран из этого списка исключал и имел в виду вовсе не то, что я, — а имею я в виду вот что : при западной демократии народы должны и могут заставить

свои правительства запретить бизнесменам торговать с *любым* государством, как только оно проявляет малейший акт *агрессии*, потребовать в отношении такого государства установления тотального бойкота. Без такой твердости и решимости народов Запад свои ценности отстоять не сможет.

Сергей Солдатов

участник демократического движения в СССР, бывший политзаключенный. Эмигрировал в 1981 году, живет в Мюнхене.

Краткие заметки о Западе

Мы с женой на Западе недавно, и у нас не сложилось еще целостного представления о нем. Поэтому и ответы на вопросы журнала «Форум» будут страдать определенной неполнотой, отражать лишь некоторые личные наблюдения и впечатления.

Волею судьбы ФРГ стала нашей второй родиной. Эта перенаселенная страна предоставила нам политическое убежище и право на работу. В смысле удобств жизни и социальной поддержки, чистоты и порядка, ФРГ, пожалуй, наиболее благоустроенная страна Европы. Это также страна кипучей хозяйственной и общественной деятельности, что выгодно отличает ее, например, от таких природно-красивых, но сонливо-сытых стран, как Швеция и Швейцария. И мы испытываем чувство благодарности к стране, приютившей нас, горемычных изгнанников.

Кроме ФРГ за эти немногие годы нам удалось побывать в Австрии, Дании, Швеции, Бельгии, Англии, Франции, Испании, Монако, Италии, а также в США и Канаде. Накопились *всякие* наблюдения, в том числе огорчающие и малоприятные. О них и поговорим.

1. О правовом государстве и гражданских правах. ФРГ, как и другие страны Запада, конечно же, правовое, но, я бы сказал — *заторможенно-правовое* государство. Например, судебного правосудия тут приходится ждать годами, и судебные издержки настолько велики, что малообеспеченному человеку тяжба, с организациями и с

имуществами — дело безнадежное или недоступное. Решения по делам гражданства, убежища, пенсионного обеспечения, предоставления права на работу для иностранцев и др. приходится, как правило, ждать не менее года, а то и несколько лет. По ходатайству немецкого Amnesty International (нам повезло) мы получили убежище в 3 месячный срок. Но это исключение!

Граждане ФРГ, как и граждане других западных обществ, не в пример советским гражданам, конечно же наделены многочисленными и широкими правами. Но существенная их часть — *трудноиспользуемая, а то и вовсе недоступная*. Много из того что щедро обеспечивается Конституцией и законами, беспощадно урезывается жизнью. Существует, например, право на труд. Но в ФРГ более 2-х миллионов безработных, получающих, правда, большое пособие — более 2/3 последней зарплаты — в течение не менее, чем года. Один безработный обеспеченная безработица такого рода устраивает, но многие серьезно ищут работы и, по многим причинам, не в состоянии ее найти. Сам я, имея высшее образование, зная немного язык, имея преподавательские и журналистские навыки, ждал постоянной работы *15 месяцев* с момента подачи заявления. Моя жена, также имеющая высшее образование и 26-летний стаж библиотечной и диспетчерской работы в Советском Союзе, ждала постоянной работы в качестве обыкновенной машинистки — *20 месяцев (!)* с момента подачи заявления. А оба мы еще с августа 1981 г. обладали *правом* на работу. И помогла нам лишь счастливая случайность, которой могло бы и не быть. Большую часть безработного времени мы получали скудное, по меркам ФРГ, социальное пособие (около 600 марок на двоих). Правда, нам оплачивали крохотную комнату в пансионе. Конечно, могут возразить, что эмигранты первой и второй волны не имели даже этого. Так что не будем гневить Господа!

2. *О равных возможностях и социальной справедливости*. Возможности, конечно, у всех равные, а вот реальности-то у всех разные. Возможность дышать есть у всех людей, а умирают они и в глубокой старости, и в цветущей молодости, и в раннем детстве, и даже при рождении. Социальную несправедливость, которой мы были

сыты по горло в Советском Союзе, пришлось в некоторой мере ощутить и на Западе. Вот 2 примера:

а) После получения политического убежища и права на работу немецкий Арбайтсамт (биржа труда) принял мою жену на учет. Мне же в этом наотрез отказали, ибо последние полгода якобы я нигде не работал. Подневольный труд в советских политлагерях, куда я попал за отстаивание Западных же ценностей, за труд *не посчитали!* Так в глазах почтенного немецкого учреждения я не дотягивал даже до *статуса безработного!* В их глазах я был человеком «дна» и получил скудное пособие вместе с бездомными, алкоголиками, наркоманами, нищими, людьми неопределенных занятий и лицами, освобожденными из немецких тюрем. В конце жизни это нелегко пережить... Но впрочем и этот опыт был по своему поучителен и интересен!

б) Мы с женой оказались на Западе, потеряв все и имея за плечами по полсотне лет. Здоровье моей жены подорвано пережитой Ленинградской блокадой, тяжелой болезнью в детстве и 26-летней работой в СССР. Я окончательно потерял свое здоровье в советских тюрьмах и лагерях. Теперь нам сообщают, что стаж в СССР учитываться не будет, а для получения пенсии необходимо отработать в Германии минимум *15 лет!* Этих 15 лет мы оба вытянуть не в состоянии! И если бы даже посчастливилось дотянуть до пенсионного возраста, то мы оказались бы без немецкой пенсии. Даже в беспощадном Советском Союзе в ряде случаев учитывался стаж в т. н. «буржуазных странах». От гуманно-христианско-демократического общества ждешь как-то большей человечности и справедливости. Конечно, люди, которые родились и выросли в Германии, этих трудностей не знают. Но они ощущают социальную несправедливость в других областях жизни. Да и глубоко сомневаюсь, чтобы на земле когда-нибудь построили общество «всеобщей справедливости».

3. *О свободе, уверенности и самореализации.* По сравнению с Советским Союзом, мы чувствуем себя безусловно свободными, если не считать некоторых ограничений, наложенных работодателем. Но безусловной уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне у нас нет и, возможно, никогда не будет. Реализовать творческий

потенциал не могу и в западном обществе. Советская власть и общество отвергли *все* мои предложения, объявили мою деятельность преступной и наказали многолетним заключением. На Западе я осуществил лишь ничтожную *часть* своих замыслов. Большая часть моих творческих инициатив отвергнута, а деятельность считается многими бесплодной. Лишь по счастливой случайности мне удастся примерно десятую часть замыслов осуществить в повседневной работе. Еще десятая часть осуществлена вне работы, а 80 % все еще не реализованы. Моя деятельность на Западе пока еще, правда, не наказывается, но многими я уже взят на заметку... И снова приходится сказать, что гражданину ФРГ, имеющему поддержку родных, отстроившему связи с нужными людьми и накопившему многолетний опыт западной жизни, самовыражение удастся намного лучше!

4. *О власти, обществе, прессе и культуре.* У меня все увереннее складывается впечатление, что существуют некоторая принципиальная *разница* и некоторая потрясающая *общность* между советским и западным обществами:

а) В советском обществе человека беспощадно используют и заставляют служить интересам господствующего класса. Советский человек постоянно ощущает давление власти и боится ее. Западного же человека оставляют в покое и предоставляют самому себе. Давления власти он не ощущает и довольно равнодушен к ней. Давление власти начинает ощущаться лишь в случае грубых нарушений принятых в западном обществе законов и правил. В этом одно из существенных различий обоих обществ. Но, к сожалению, есть и существенная общность.

б) В советском обществе существует безраздельная *диктатура номенклатурного класса* — ДНК (хорошо описанная М. Джиласом и М. Восленским), скрывающая свою власть и привилегии от общества, имеющая внутреннюю дисциплину и тайные правила игры, строгую цензуру и службу осведомления, применяющая для своих целей карательные или поощрительные средства. Иногда ДНК смыкается или подчиняет себя «родственные» номенклатурные силы в других странах. И тогда власть советского номенкласса становится международной. Противостоять всемогущей ДНК очень трудно, но возможно — путем

многолетнего и кропотливого объединения людей в борющуюся силу. Когда номенклас начинает добиваться своих целей преимущественно уголовными средствами, он превращается в *моно-мафию*. Призрак мономафии — это главная опасность для человека советского общества. Мономафия — вероятная и смертельная угроза всем членам несвободного общества. В западном обществе существуют отдельные *диктатуры номенклатурных групп* (ДНГ), также скрывающих свою власть и привилегии от общества, также имеющих свою внутреннюю дисциплину и тайные правила игры, свою строгую цензуру и службу осведомления, также применяющих в своих целях карательные и поощрительные средства. Западная номенгруппа не может лишить неугодного лица свободы или жизни*, как советский номенклас. Но она может лишить его места работы, лишить состояния и организовать травлю, закрыть ему путь в жизни и уничтожить его влияние.

Этому человеку не дадут печататься, издаваться, выступать и выставляться, его заставят молчать, отстранив от основного русла жизни. Иногда ДНГ смыкается или подчиняет себе номенгруппы и в других странах. И тогда власть западной номенгруппы также становится международной. Всесилию номенгрупп на Западе также трудно противостоять. Но возможно, если опираться на сочувствующих или на дружественную номенгруппу.

Однако поиск, нахождение и вхождение в таковую требует иногда десятков лет, на что человеческой жизни может не хватить. Когда номенгруппа начинает применять для достижения своих целей преимущественно уголовные средства, она превращается в одну из многих мафий. Поэтому призрак *полимафии* — одна из главных опасностей для человека западного общества. Полимафия — это серьезная и вероятная угроза свободному обществу.

Напрашивается печальный вывод. Если в советском обществе поток общественной жизни тормозится единой, железобетонной пирамидой власти, то такую же роль на Западе играет совокупность меньших, но таких же твердокаменных пирамид! Власть и общественная жизнь, пресса и

* Хотя удачные попытки возможны и здесь.

культура могут находиться под их незримым, но жестким контролем.

5. *О роли и влиянии капитала.* Госкапитализм в советском обществе держит население в полунуществе и служит целям бесчеловечной власти. Создается угроза существованию человечества.

Частный капитализм в западном обществе обеспечил значительный уровень благосостояния населения, но служит целям бездушной наживы. Создается угроза бытию человека.

С принципом бездушной наживы, использующим легкоеверие и неопытность людей, наносящим ущерб их здоровью, достоинству и состоянию, я на Западе встречался часто. Но это все-таки легче, чем ежедневная бесчеловечность на Востоке.

Приведу три примера:

а) Оказавшись на Западе, моя жена имела несчастье обратиться за лечением к зубному врачу, имея все зубы в наличии. Этот врач, вместо попытки лечения, вооружившись научным блудо- и многословием, настоял на удалении зубов с заменой их протезом. При худшем состоянии медицинской техники в Советском Союзе, ни один зубной врач там никогда, за полвека, этого не потребовал. Зубы лечили, а не удаляли! Здесь же на Западе моя жена была вынуждена, безо всякой объективной необходимости, перенести физические страдания, заплатив за это еще и бешеные деньги. Секрет был прост — лечение зубов мало оплачивается, за удаление же платят отлично, а протезы стоят здесь иногда 1-2 месячные зарплаты, если принять, что зарплата среднего немецкого рабочего — 2200 немецких марок.

б) С конца 1983-го года я имел несчастье добиваться водительских прав в школе Фр-де. Технология наживы и обмана была очень поучительной. Сначала меня обманули обещанием, что обучение обойдется не более, чем в 1500 марок (это было «наживкой»). Затем 50-60 часов возили на автомашине, практически ничему не уча и беря в час 35 марок (метод «катания на такси»). Потом неподготовленного погнали на заранее обреченный экзамен, причем экзаменатор откуда-то, еще до экзамена, «знал» мою «плохую» езду и проваливал, даже как следует не проверяя (метод «удара лицом об стол»). Наконец, мне стали внушать, что я-де с Востока, в немецкой езде ничего не понимаю, или психологи-

чески к ней не приспособлен, поэтому-де мне надо учиться... годами. Но, ради Бога, не бросать учебы! (метод «промывания мозгов», чтобы дольше платил!)... Пришлось, наконец, и мне применить... метод «крутого поворота», сменить школу, и я, *без замечаний*, сдал на права... Все названные трюки понадобились школе Фр-де лишь для того, чтобы вытянуть из иностранца 2 немецкие зарплаты, что и удалось. За первые полгода обладания правами я объехал на автомобиле 5 стран (ФРГ, Францию, Швейцарию, Данию, Швецию), ездил ночью и в проливной дождь, ездил на предельной скорости по автострадам и кружил по кривым улицам старинных городов, наездил около 10 тыс. километров, и никогда не было ни единого происшествия.

в) В конце 1984 г. у меня впервые был сердечный приступ, и я попал в больницу. Обращение медперсонала было прекрасным, и условия содержания сказочные. Меня основательно и серьезно обследовали. И вдруг... мне упорно начали внушать, во всеоружии все того же научного многословия, чтобы я немедленно позволил сделать операцию на сердце — а то, мол, это будет повторяться через каждые пару недель! Перед приступом я два года занимался спортом, существуют многообразные терапевтические возможности, исключают операцию, есть специальная диета, гимнастика, водные процедуры, особые упражнения и т.д. И я не помню, чтобы какой-либо советский врач после первого же приступа гнал больного на операцию. За год после этого у меня не произошло чудесного исцеления, но не было и ухудшения. Так что *в тот момент* никакой неотложной необходимости в операции не было. А секрет опять-таки был очень прост — за терапевтическое лечение врач получает мало, а операция стоит до десятков тысяч марок. Даже если оперируемый умрет, операция все равно прибыльна, а родным всегда можно высказать вежливое сочувствие!

Вот к чему приводит необузданное стремление к наживе — лишейся всех зубов! отдай почти все, что заработал! умри раньше положенного под ножом хирурга! — лишь бы ты принес прибыль!

6. *Взаимоотношения между людьми.* В отношениях между людьми в советском обществе я часто наблюдал грубость, подозрительность, скрытность и недоброту. В западном же обществе, особенно в ФРГ, бросается в глаза исключительная вежливость, доверчивость, открытость и отзывчивость, даже если разговаривают с иностранцем.

Щедротами никто вас не осыпает, но разумно-необходимую помощь оказывают. Особенно приятно впечатляет корректное обращение немецкой полиции и их серьезно-ответственное отношение к своим обязанностям. О французской или итальянской полиции этого не скажу. Не потому ли некоторые города этих стран буквально кишат назойливой, вездесущей мелкой преступностью. Есть и личный опыт — в парижском метро нас дважды крупно обокрали, а в Италии за скромный завтрак потребовали стоимость «лукуллова пира».

7. *О духовном климате и роли церкви.* Я не считаю, что массовое обращение советских граждан к вере в послевоенные годы можно назвать религиозным Возрождением. Возрождение предполагает не только массовость верующих, но и полное обновление основ веры. Возрождение — явление глубинное и качественное. Поверхностное и количественное здесь второстепенно. Поэтому есть почва, но нет самого явления Возрождения.

Еще меньше я верю утверждениям некоторых диссидентов (напр., Тане Горичевой), что вера на Западе умерла, осталась лишь форма. Церковь Запада мало привержена подвижничеству и мученичеству, но зато деловито охватывает огромные области жизни и оказывает большое влияние на основную массу населения (школы, больницы, дома для престарелых, благотворительность, международная помощь, политическая деятельность и т. д.) Христианские основы Западной культуры не кажутся мне ослабленными. Но я не против и существующего благотворного влияния религии и культов Востока на западное общество, лишь бы они облагораживали и возвышали человеческий дух. А это дано не только христианской вере.

8 *О судьбе писателя в западном мире.*

Я думаю, что судьба писателя, поднимающего серьезные и глубокие по существу, но «скучные» по форме вопросы бытия, очень трагична. Он будет обречен на одиночество и непонимание, особенно если его не поддерживает ни одна влиятельная номенгруппа. Если имя писателя искусственно не раздуто рекламой, если он не пишет детективных или ковбойских историй, любовных или научно-фантастических

романов, его голос услышен не будет. По крайней мере, современниками.

Я сам, не будучи писателем вообще, в своей книге «Зарницы Возрождения» попытался робко поставить вопросы о политическом освобождении Востока, о духовном обновлении Запада, об объединении Запада и Востока в Единую Европу на основе идеалов Свободы и Любви, о возможных путях оздоровления и совершенствования рода людского ... Считаю, что эти вопросы надо поднимать тысячи раз и во всех уголках мира. Но я начинаю понимать, что нигде и никого все это совершенно не интересует...

Все это очень верные предвестники упадка и гибели. Не желающие Возрождения — погибнут в Катастрофе. И можно только признать справедливость и заслуженность той Катастрофы, которая стремительно надвигается на этот закатывающийся мир, на кровавый Восток и недужный Запад, на холодный Север и голодный Юг.

9. О ценностях Запада.

Я ценю в Западном обществе: 1) Возможность увидеть страны свободного и развивающегося мира, т. е. доступ к человечеству. В СССР мы этого не имели. 2) Возможность время от времени высказаться, т. е. свободу слова. В СССР мы были лишены этого начисто. 3) Возможность хоть как-то защитить свои права и интересы, т. е. принцип нормального правосудия. В СССР мы были почти бессильны против произвола и беззакония. 4) Возможность быть свободным от давления власти, т. е. принцип суверенитета личности. В СССР это давление чувствовалось постоянно. 6) Возможность быть свободным от хамства и безобразия, массовой преступности и бесчеловечной власти, т. е. принцип естественного правопорядка жизни и высокой культуры общения. В СССР эта стихия захлестывала все, не давала естественно жить и вызывала постоянное отвращение.

10. О способности Запада отстоять свои ценности.

Полагаю, что Запад способен отстоять свои ценности наполовину. Ибо как показал опрос населения ФРГ, в случае нападения с Востока и серьезного поворота войны 40 % опрошенных готовы сдаться (Р. Пайпс «Выжить недостаточно», стр. 295). Франция и Италия еще более ненадежны, т. к. насквозь пронизаны социалистическими, ультралевыми, а

то и прямо просоветскими настроениями. Другая часть населения равнодушна к политике. Поэтому, если Советы начали бы активное, идеологическое или политическое наступление, то наиболее упорное сопротивление в Европе они встретили бы, вероятно, лишь в Испании и Великобритании. Позиция других стран под вопросом. Что касается населения США, то оно, как мне кажется, хочет не столкновения, но экономически выгодных отношений с СССР. Но если бы столкновение стало бы неизбежным, то оно, несомненно, оказало бы сопротивление. И в тоже время у меня создалось впечатление, которое все больше переходит в уверенность, что определенные политические и экономические круги, определенная часть интеллектуалов, рабочих и фермеров США и Зап. Европы, в силу своих *особых соображений*, очень заинтересованы в неизблемости и сохранности существующего положения в СССР и в Восточной Европе. Но это особая тема.

Вместо послесловия.

Судьба была настолько благосклонной ко мне, что я смог узнать жизнь социалистического, свободного и даже развивающегося мира. Нет совершенного общества на Земле. Да и вряд ли в исторически обозримое время чудесно возникнет на Западе «Царство Божие», если люди сознательно не пожелают этого и не будут стремиться к этому.

Над миром нависла опасность всеобщей Катастрофы. Может произойти крушение всего, и без того расколотого на части, мира. Предотвратить Катастрофу еще не поздно. Это возможно лишь на пути Возрождения народов на основе Единства, Свободы и Любви. Искать этот путь должен каждый человек, желающий спасения рода человеческого и обновления жизни на Земле!

Михаил Хейфец

писатель, участник демократического движения в СССР, бывший политзаключенный. Эмигрировал в 1981 году, живет в Иерусалиме. Автор книг «Место и время», «Украинские силуэты» и др.

1. Я, безусловно, живу в правовом государстве — тем не менее, ответ на вопрос для меня оказался достаточно

сложным и не может сводиться лишь к первой части данного предложения.

Ибо — если быть точным — правовой и демократический порядок распространяется в Израиле не на всех. Несомненно, он распространяется на всех неарабов; несомненно, он распространяется на часть арабов — именно, на друзей и на так называемых «лояльных бедуинов»...

Что касается остальной, преобладающей части арабского населения страны, то оно фактически состоит из «граждан второго сорта». Это — вопреки наличию здесь национальных арабских университетов и школ, печати и телевидения (кстати, телевидение на арабском языке получило в этом году высшую награду страны за развитие местной культуры — Приз Израиля), арабского бизнеса и политики (арабы заседают в парламенте, являются мэрами городов с арабским большинством и т. д.), свободы въезда и выезда из страны и прочих демократических аксессуаров. На самом деле, арабские граждане страны, к сожалению, не пользуются в Израиле фактическим равноправием, вопреки всем предоставленным формальным правам (советским гражданам эта ситуация принципиально понятна).

Специфика ситуации однако в том, что наличие «граждан второго сорта» не устраивает и национальное большинство, которое с радостью отказалось бы от этой недемократической ситуации.¹ Но фактически в нашем регионе идет постоянная, хотя большей частью «невидимая» война между евреями и арабами. В подобной же ситуации во время Второй мировой войны американцы интернировали своих граждан японского происхождения, а французы (до поражения от Германии) — немецкого... Обе страны были и остались демократическими — ситуация войны наложила серьезные фактические ограничения на права граждан, этнически близких народам враждебных государств.

Арабское национальное меньшинство в Израиле зачастую не скрывает своего отрицательного отношения к

1. Например, на последнем заседании Кнессета (парламента) первый заместитель премьер-министра и бывший президент страны И. Навон назвал ситуацию, при которой арабские граждане Израиля разрываются между лояльностью к стране и либеральностью по отношению к своему народу — «трагедией».

данному государству. Понять его чувства можно. Но тогда можно понять и ситуацию государства, которое на практике ограничивает права граждан, в лояльности которых оно не уверено, в условиях фактической войны.

Принципиальное отличие от советской ситуации заключается не только в неизмеримо более широких правах национального меньшинства в Израиле (это отличие скорее количественное), но, прежде всего, в том, что провозглашенное формально равноправие является здесь не демагогическим прикрытием циничного угнетения нацменьшинства, а реальной целью, к которой стремятся и государство, и общество — целью, достижимой лишь по окончании войны. Точно так же, как после окончания Второй мировой войны интернированные граждане демократических стран вновь получили все положенные им права, так и в Израиле окончание арабо-израильской вражды, ключ к которому, в первую очередь, лежит в руках арабских стран, приведет к восстановлению фактического равноправия арабского меньшинства. Если же говорить о моем личном ощущении положения в Израиле, то я думаю, исходя из исторического опыта, что палестинская община, согласившаяся стать не преградой, а мостом между евреями и окружающим арабским миром, будет в моей стране не просто равноправной, но *привилегированной* национальной группой.

Хотя я отнял своим ответом на первый вопрос много читательского времени и журнального места, не могу удержаться от соблазна поделиться одним характерным для здешней сложной и противоречивой действительности эпизодом, который я случайно выловил в израильской прессе. Несколько лет назад диктатор Ливии Каддафи обратился к израильским палестинцам с призывом покинуть сионистское логово и приехать на постоянное жительство в арабскую страну — то есть в Ливию. Часть бедуинов решила принять приглашение и выехала в качестве «разведчиков». Если бы опыт оказался удачным, за ними бы последовали массы соотечественников. Характерно, что мотивом для эмиграции послужило — «надоело жить гражданами второго сорта». В Ливии им дали хорошие квартиры, приличные работы и высокие (относительно) зарплаты — но «пионеры» вернулись обратно. Они привыкли

к ментальности демократической страны, привыкли настолько, что им легче показалось жить в ней на положении граждан второго сорта, чем оказаться в арабском окружении, в привычной культурной, языковой и национальной обстановке, но — в стране авторитарного типа. Этот пример еще раз показывает насколько нестандартна оценка ситуации в нашем регионе и как непросто понять эту трагедию со стороны.

2. Тоже вопрос сложный. Дело в том, что, вопреки Дж. Локку, человек от рождения не равен другому человеку. Могут ли, например, я ждать от здешнего общества материального равенства или одинаковой популярности с Растроповичем, если при рождении ему в его жизненной сфере досталось больше таланта, чем мне — в моей? А ведь он такой же эмигрант в новой среде, как и я, а если точнее, то у меня в моей среде даже больше преимуществ, чем у него в своей...

Кроме того, люди не равны еще и потому, что неравенство есть фактор не чисто биологический, но и исторический. Каждый человек, образно говоря, стоит на плечах своих родителей, на том, что они для него завоевали своим трудом, своей жизнью, что сумели в него вложить. Разумеется, наследник может растратить наследство или вовсе не воспользоваться им, но при прочих равных условиях оно у него есть. И у каждого рожденного на Земле — наследство разное (я подразумеваю, естественно, не только материальное наследство, но и язык, культуру, место в обществе, понимание его ценностей и проч.). Это — нормальная ситуация, но она ведет к неравенству. Например, у нас в Израиле существует масса *фактических* преимуществ для тех, кто прибыл в эту страну раньше. Мне такая ситуация, хотя в данную минуту она мне невыгодна, представляется справедливой. Ведь у моих детей будут когда-то те преимущества, которые завоевал для них я, прибыв в эту страну: знание языка и обычаев, окончание здешнего, а не иностранного университета, масса связей, естественно возникающих у человека, когда он всю жизнь проводит в определенной профессиональной среде, и прочее...

Суммировать, наверно, можно так: в западном обществе, кажется, не существует *искусственных* ограничений личных возможностей и социальной справедливости, но,

безусловно, существует естественное и исторически сложившееся неравенство и вытекающая из него несправедливость. Мы можем осуждать это явление, но искоренить его можно только создав нового человека взамен того, который существует на Земле.

3. Тоже вопрос, на который нельзя дать однозначного ответа — ибо, как не мною было сказано, человек не равен человеку. Солдат менее свободен, чем генерал, зато куда увереннее его: ему всего-то и надо слепо выполнить чужой приказ, а генералу следует безошибочно выбрать правильное решение из многих вариантов, с большим количеством неизвестных данных. То же — и в человеческом обществе. Свобода, то есть право самому выбрать решение в мире, где есть масса неизвестных данных, всегда приводит к неуверенности в окончательной правильности данного выбора. Кому-то нужна в жизни свобода даже такой ценой; другому, прежде всего, нужна уверенность в жизни — и он с радостью передаст свою свободу авторитетному вожаку, лишь бы тот гарантировал ему светлое будущее. В зависимости от этих природных установок (но отчасти и воспитанных тоже) человек доволен или недоволен западным обществом.

Что касается творческого потенциала — опять сложно ответить. Ведь реализация такого потенциала зависит не только от формальных для этого возможностей, но и от потребности данного, конкретного общества в данном конкретном потенциале, а также в исторически обусловленных возможностях той или иной страны использовать этот потенциал. Например, Эйнштейн был сионистски настроен и в любой момент мог получить кафедру в Иерусалимском университете, но он, взвесив всё, решил, что полезней для него и для науки жить в Принстоне. И, наверно, был прав. Великолепный дирижер Аранович не нашел места в Израиле: население страны тут меньше, чем жителей в одном Ленинграде, а оркестров, кажется, раз в пять больше, и у каждого уже был свой дирижер... Несомненно, что отъезд Арановича из страны (он сейчас дирижирует в Швеции и ФРГ) был большой потерей для нас и, несомненно, что он не сумел реализовать в Израиле свой потенциал... Но такова жизнь — и не нам ее изменять, как говорили в одной

советской пьесе. Есть человек с талантом, есть противостоящее ему общество, т.е. потребитель талантов, и — дальше идет игра сил. Не каждому повезет выиграть! Это ведь игра: если бы каждый выигрывал, это называлось бы по-другому.

4. Основное различие между западным и тоталитарным обществом, как оно видится мне, — защита на Западе прав независимого меньшинства. Власть имеет право требовать от гражданина исполнения его обязанностей перед государством, которые определяются большинством, победившим на выборах. Но пока меньшинство выполняет действия, предписанные ему государственной властью (т.е. представителями большинства), оно сохраняет право на независимое мнение, право на пропаганду этого мнения и соответственно право на возможность сделать это оппозиционное мнение со временем мнением большинства. Например, в начале Ливанской войны большинство израильского народа безусловно поддерживало военную политику правительства. Но меньшинство даже в условиях войны — корректно исполняя военные обязанности — тем не менее сохранило право критиковать войну, и когда ошибочность решения Бегина-Шарона стала очевидной, это параллельное мнение стало господствующим в народе: именно поэтому новое правительство сумело вывести войска из Ливана.

Что касается влияния рядового человека на политику властей — вопрос, конечно, упирается в то, какой именно это будет человек. Думаю, как правило, рядовой человек не может серьезно влиять на принятие политических решений: политика все-таки — профессиональная сфера и требует квалифицированного, а не любительского подхода. Иное дело, что в условиях западного общества рядовой человек чувствует себя гораздо более комфортно в случае несовпадения его взглядов с политикой его правительства. Например, в СССР я считал преступной и вдобавок идиотской для СССР политику оккупации Чехословакии в 1968г., но сделать ничего не мог и поневоле являлся как бы соучастником этого мерзкого деяния — в качестве гражданина Союза. Только нелегальное действие, за которое я был впоследствии арестован, сняло с меня чувство моральной вины перед народом Чехословакии. Иная ситуация сложи-

лась у меня же в Израиле: я смог выступить в печати против Ливанской войны, которую считал ошибочной и вредной для моей страны, и хотя выступление против собственной победоносной армии, да еще ведущей борьбу с врагом, который открыто заявил, что его конечной целью является уничтожение моего народа и государства, — вещь нелегкая не только в тоталитарном, но и в самом демократическом обществе — это считалось здесь вопросом личного выбора, а не «антигосударственной позицией». Соответственно, события в Чехословакии отдалили меня от моей родины — России, и наоборот, Ливанская война укрепила мою духовную связь с Израилем.

5. Думаю, очень значительная. Дело не только в деньгах — как ни странно, они, по-моему, играют здесь меньшую роль, чем в Союзе. Но в западном мире сфера бизнеса непрерывно отсасывает в себя из общества самых способных, твердых, хватких людей, обладающих организаторскими талантами, талантом привлекать людей, вести их за собой. Естественно, конгломерат таких людей должен уже в силу их природных дарований оказывать очень значительное влияние в общественной сфере, а поскольку эти люди еще располагают деньгами (кровью политической жизни), то их роль увеличивается всё больше.

6. По моей личной оценке, это место неизмеримо преувеличено самими средствами массовой информации и теми силами, которые заинтересованы в том, чтобы их подлинное господствующее положение в обществе было скрыто — они охотно распускают слухи о всемогущей прессе, которая на самом-то деле исполняет то, что этим невидимым силам нужно. Разумеется, нет правил без исключения, и зависимость прессы от этих сил есть длинный и мягкий поводок, а не жесткая узда, как в Союзе. Но ни одна по настоящему важная новость не попадает на страницы газет, если этого не захотел тот или иной общественный или политический босс, имеющий доступ к этой закрытой информации и пожелавший, чтобы она стала известной — правда, не от его имени. Другое дело, что, так как боссов много и интересы их противоречивы, в печать попадает — рано или поздно — почти всё!

7. На Западе — не знаю. Если сравнивать с Израилем, то, в среднем, израильтяне менее агрессивны, более добры и расположены друг к другу, более раскованы на людях и одновременно более терпимы друг к другу, чем советские люди. Но мне кажется, это объясняется не принципиальной разницей в психологии, а тем, что жизнь в Союзе трудная, изматывающая, нервная, а здесь, в среднем, человеку (я имею в виду рядового гражданина) жить куда легче и проще. Здесь не дергают людей постоянно по мелочам. Ну, и, конечно, религиозные люди, которые в ретивом рвении иной раз агрессивны свыше меры, но в большинстве случаев, исполняя заповеди, делают публично массу мелких услуг окружающим (укажут дорогу, назовут остановку, помогут женщине донести ребенка, подвезут на такси, если у попутчика нет денег т. д.) и тем самым оказывают, по моей оценке, очень сильное и благотворное влияние на духовный климат значительной части населения, порядком повосточному диковатого...

8. Мне кажется, я ответил на этот вопрос выше.

9. Мне кажется, место художника в западном мире естественное, именно ему свойственное; в Советском же Союзе это место *излишне* выпячено, и это — признак нездоровья советского общества. Понимаю, что странно слышать такое от человека моей профессии, но „Платон мне друг...”

В СССР общественная жизнь считается монополией партии, хотя и нарушаемой время от времени «партизанами общества». Но особенностью этой монополии является то, что она *скрыта*. Как подлинное правительство — Политбюро — скрыто за декорацией Совмина, как подлинный «парламент» — аппарат ЦК — прикрыт Верховным Советом, так и монополию партии на духовную жизнь общества предпочитают прикрывать именами и фамилиями мнимых творцов этой жизни. Если на Западе телевидение непрерывно интервьюирует политиков, то в СССР право на редкое интервью обычно имеет либо генсек, либо его доверенный представитель: я ни разу не видел на экране, скажем, секретаря обкома, зато деятели искусства почти полностью заполняют то время, которое на Западе отдано

политикам... Если на Западе личная жизнь политиков и общественных деятелей находится под присмотром прессы, то в СССР это опять же привилегия писателей и поэтов: например, никто из нас не знал, был ли женат Сталин после смерти Аллилуевой (да и о той люди узнали только после ее гибели), а на ком женат Симонов — знали все читатели. И на ком были женаты Евтушенко или Вознесенский... Короче, в СССР вакуум, который возникает в обществе из-за анонимности тамошних общественно-политических сил, заполняется «излучениями» деятелей литературы и искусства.

Это, по-моему, ненормально для общества, хотя лестно для художников. На Западе же деятели искусства занимаются лишь их непосредственным делом: настоящие творцы стараются воздействовать на души человеческие, а ремесленники обслуживают нужду в развлечениях у массового потребителя. Это не так престижно делать, как быть художником в СССР, зато осознаешь, что занят *своим* делом, а не забрался на чужое место. Меня лично это устраивает.

10. Прежде всего, плюрализм, то есть право каждого на собственное мнение. Отсутствие мелочной государственной опеки, недостойной взрослых и цивилизованных людей. Право на инициативу. И — это лично меня касается, и я понимаю, что не каждому такое здесь дано — право искать и находить истину. Мне пока что ни разу не пришлось в здешних исследованиях идти на сделку с совестью: от меня требовали только выяснения научной истины. Недавно в одной книге мне попался рассказ некоего канадского профессора, советского шпиона, который во время визита в Москву был удостоен визита Андропова, лично расспросившего его о некоторых проблемах. Профессор не знал, кто его высокий гость, а когда, после его ухода, узнал, то сильно разволновался: отвечал-то он откровенно... Но сопровождавший гебист успокоил: «Вы должны говорить то, что есть, то, что вы знаете. Иначе — зачем разведка?» Так вот, то, что в СССР, по-видимому, является привилегией разведки, привилегией высоко ценимой, здесь в западном мире является моей привилегией. Без которой для меня не

существует стоящей работы, то есть одной из важнейших ценностей жизни.

11. Я убежден, что Запад на самом деле намного сильнее Советского Союза и его сателлитов. Все разговоры о достигнутом паритете сил — пропаганда. Советскому Союзу она выгодна, потому что придает ему нужный «имэдж» в глазах и собственного населения, и окружающего мира, а на Западе есть масса мощных фирм, концернов, комплексов, заинтересованных в раздувании слухов о советской военной мощи, чтобы обеспечить себе большие заказы, прибыли, влияние. Так совпадают якобы противоположные интересы...

Сила Советского Союза в его способности жертвовать своими людьми и своими богатствами бесконечно долго, не считаясь с временными затратами. В непринципиальных для него вопросах Запад в ситуации конфликта всегда уступал, потому что у него как раз находились альтернативные и более важные дела. Но если дело дойдет до вопросов, где Запад будет замотивирован жизненно, например, в случае нападения СССР на него — разгром СССР обеспечен. Сокрушительное поражение советского оружия в Ливанской войне доказало это. И не стоит фантастические успехи израильтян (92 сбитых сирийских МИГа против двух израильских «Фантомов», шестьсот уничтоженных сирийских танков Т-62 и Т-72 против двадцати израильских) списывать исключительно на разницу в качестве солдат: в 1973 г. сирийцы сбили десятки израильских самолетов и подбили свыше ста танков, те же самые сирийцы, разве что хуже подготовленные! Да и каждый, живущий на Западе, знает: люди здесь отнюдь не мягонькие, люди тут закалены в жизненных схватках и столкновениях, и в случае боевого будущего эти их качества проявятся на поле боя. Впрочем, по моему, существует доказательство тезиса о подавляющем превосходстве вооруженных сил Запада, очевидное для всякого советского человека: если бы СССР действительно на каком-то участке обладал военным превосходством, что бы удерживало его от удара? Что бы помешало, например, захватить Западный Берлин, если бы не было трезвого сознания в генштабе *для самих себя*, что в случае боя Советская армия будет разбита? Если уж с афганцами

справиться шесть лет не могут, неужели под силу справиться с бундесвером?! В СССР это понимают.

Нет, за будущее западного мира, пока он поддается иллюзии, что Советский Союз очень силен и Западу необходимо крепить собственные вооруженные силы, я спокоен абсолютно.

Новая книга:

Варлам Шаламов

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛИСТВЕННИЦЫ

О ВОСПИТАНИИ И ДЕМОКРАТИИ

«Хаос вместо демократии» — так называлась напечатанная в 36-м номере журнала «Время и мы» статья Доры Штурман, посвященная проблемам школьного образования. Хотя проблемы воспитания и школы волнуют в первую очередь родителей и педагогов, они по сути касаются всего общества, которое в конечном счете является продуктом господствующей в нем системы воспитания. Поэтому так важно широкое и всестороннее обсуждение этих проблем, которые свободная русскоязычная печать не балует, увы, своим вниманием. Тем более актуальной показалась мне вышеназванная статья, на которую я решил откликнуться нижеследующими заметками, продолжив, таким образом, обсуждение этих серьезнейших проблем нашего времени.

*

Прежде всего я должен сказать, что не являюсь профессиональным педагогом или специалистом в области образования, и хотя в настоящее время преподаю в высшем учебном заведении в Англии, мой непосредственный интерес к проблемам образования связан главным образом с вопросом воспитания моих детей. Именно выбор соответствующей системы образования, т.е. школы для детей, явился для нашей семьи определяющим фактором при решении вопроса о месте жительства и других важных вопросов жизнеустройства. Более того, я сам оказался вовлеченным в школьную жизнь, в обсуждение и решение как конкретных повседневных задач, так и более общих проблем образования. Этот небольшой, но непосредственный опыт и делает для меня возможным высказаться по двум затронутым в статье проблемам: процесс воспитания как таковой и внутришкольная демократия.

Состояние дел в современной педагогике характеризуется в статье следующим образом: охватить в полном объеме все аспекты воспитания невозможно, и вообще точных знаний в этой области практически нет, поэтому процесс воспитания во всем мире идет вслепую; а коли так, то всякие попытки целенаправленного и сознательного решения глобальных вопросов воспитания являются ничем иным, как невежественным произволом, альтернативой которому может быть лишь интуитивный поиск частичных решений. Короче говоря, поскольку фундаментальной, основанной на точном знании науки о воспитании, которой мог бы руководствоваться педагог, нет и быть не может, то ему остается пробираться сквозь педагогические джунгли путем собственных стихийных исканий.

Прежде всего, мне кажется, что стихийность, которую автор статьи расшифровывает как интуитивные решения и свободные искания, т.е. как *творчество*, всегда должна сопровождать любую деятельность, в том числе и физическую работу. Другое дело, опирается ли такая творческая деятельность на точные знания и понимание или же основана на одних лишь инстинктах. Последние не обязательно должны быть чем-то неполноценным, но на них одних далеко не уедешь, что особенно хорошо видно именно на примере воспитания, где, как справедливо пишет Дора Штурман, всё сегодня идет вслепую. Но идет вслепую не потому, что невозможно стать зрячим, т.е. овладеть пониманием сути и знанием фундаментальных основ воспитательного процесса. Беда в том, что большинство воспитателей не ведают о наличии такого знания, не ищут его достаточно настойчиво или даже избегают его. О наличии его, о существовании глубокой и всеохватывающей науки о воспитании — вот о чем мне хочется сказать в настоящих заметках. Наука эта — не теория о том, как, говоря словами статьи, «радикально исправить всё и раз навсегда», не набор абстрактных догматов или перечень спасительных методов, а живой источник, из которого путем *творческих* усилий можно добыть ответы на три кардинальных вопроса воспитательного процесса — что? как? когда? — при этом всегда зная *почему*.

Основоположником этой науки, которая применительно

к школьному образованию называется, по имени первой основанной на ее принципах школы, Вальдорфской, является европейский ученый, философ и педагог Рудольф Штейнер (1861-1925 гг.), о жизни, учении и деятельности которого я кратко рассказал в 13-ом номере «Форума». Что касается Вальдорфской педагогической науки, мне представляется возможным дать здесь лишь самые общие представления о ее истоках и сути, которые неотделимы от личности ее создателя и его миропонимания и миропознания.

Осознанные ответы на три вышеприведенных вопроса — что делать? как делать? когда делать? — воспитатель может получить лишь исходя из ясного понимания как объекта, так и цели своей деятельности, т. е. понимания в полном объеме, что такое человек и в чем смысл воспитательного процесса. По поводу того и другого существует немало теорий, которые приходят к совершенно различным или даже противоположным выводам, от марксистского, с одной стороны, видящего в человеке общественное животное, а в его целенаправленном воспитании — основную задачу общества, до самого «прогрессивного», с другой, считающего всякое вообще воспитание вредным. И то, что мы имеем сегодня в мире в области воспитания, является проявлением либо этих двух крайностей, либо их причудливой смеси.

Если проявления эти столь огорчительны, то причину этому надо искать в том общем, что объединяет большинство этих различных теорий — в материалистическом миропонимании. И именно в миропонимании и миропознании лежит коренное различие между этими теориями (да и всей вообще материалистической наукой) и тем, что дал Штейнер. Его научно-просветительская деятельность проходила в период триумфа материализма и господства материалистического взгляда на человека, мир и эволюцию. Штейнер, который овладел вершиной научно-материалистических знаний в различнейших областях, выявил при этом их неполноту и односторонность. Они имеют дело лишь с материальным, физическим миром, а этот мир, познаваемый с помощью органов чувств и характеризуемый понятиями меры, веса и числа, является лишь частью нашего бытия, причем производной и ограниченной. Основой же, перво-

основой всего сущего является мир духовный, нематериальный, сверхчувственный, который не только не менее реален, но неизмеримо богаче и сложнее, чем физический. Каждый физический феномен, будь то предмет или событие, рожден из духовного и имеет свой духовный прототип.

Что касается человека, то он состоит из сложнейших духовных субстанций, а его физическое тело является лишь их носителем. Более того, в человеке заложены пока еще дремлющие способности, точнее, неразвитые органы сверхчувственного восприятия, которые он может и должен развить для познания духовного мира и активного участия в нем, т. е. во всем уже мироздании, а не в его физической только части. У Штейнера эти способности были развиты в высшей степени, что позволило ему в течение всей жизни познавать и исследовать, наряду с физическим, и духовный мир, и результаты этих познаний он облек в доступную мышлению современного человека форму духовной науки, которую он назвал антропософией. Я сейчас не буду касаться эпистемологического и других аспектов этого феномена, но лишь укажу на те основные сообщения духовной науки о человеке и его развитии, которые необходимы для правильного воспитания ребенка.

Человек в основе своей является существом тройственным — физически-душевно-духовным, и о наличии двух последних элементов мы, не обладающие сверхчувственным восприятием, можем судить лишь по их проявлениям — характеру, темпераменту, душевным качествам, вкусам, интересам, способностям человека и т. п. Эти элементы — душевное и духовное тела человека, как и его физическое, находятся в непрерывном развитии и для правильного, здорового развития нуждаются в соответствующих условиях. Как, скажем, грудного ребенка можно погубить грубой «взрослой» пищей, а сердечника — тяжелой физической нагрузкой, так и преждевременное или неправильное интеллектуальное развитие может пагубно отразиться на душевно-духовном и даже на физическом здоровье человека. Чтобы воспитать ребенка физически здоровым, надо создать для его организма определенные условия, что возможно лишь на основе знаний человеческого организма и методов его укрепления. Чтобы воспитать ребенка, здорового в

душевно-духовном и нравственном отношении, необходимо гармонично развить его ум, чувство и волю, для чего, в свою очередь, необходимо знание этих и других сверхчувственных элементов человека, а также методов их правильного развития.

Этим точным знанием о человеке и его развитии духовная наука располагает в полной мере, и на него в первую очередь опирается Вальдорфская педагогика. Но антропософия предоставляет в распоряжение педагога также свои знания об эволюции человека и земли, об интимнейшей связи человека со всем живым и различных периодов в его жизни — с определенными культурно-историческими эпохами в эволюции человечества, и именно эти знания, а не фантазия или произвол, лежат в основе учебного процесса. Кроме того, она учит воспитателя понимать, с какими задатками и способностями, с какими чаяниями приходит в жизнь каждый ребенок, чтобы именно этим нуждам ребенка служил воспитательный процесс, а не целям какой-либо идеологии или чьим-либо прихотям или требованиям. Духовная наука исследует также проблемы и задачи нашего времени и пути их решения — вопросы, которые сегодня не может себе позволить обойти ни один педагогический процесс, тем более Вальдорфская педагогика. Ее смысл очень хорошо передан следующими словами из программы первой Вальдорфской школы: «Преподавание в Вальдорфской школе основано на духовном знании о человеке, так что в мир она посылает учеников, которые осознают, что означает быть человеком в истинном смысле слова и служить священным задачам человечества».

Нет никакой возможности описывать здесь саму систему воспитания Рудольфа Штейнера, о которой написаны тома и которая успешно осуществляется на практике вот уже 66 лет — в настоящее время в 350 школах в 22 странах всех континентов (имеется и большое количество основанных на этой системе специализированных школ и лечебных заведений для ненормальных детей и взрослых). Желаящие узнать больше о Вальдорфской системе образования или о самой духовной науке — антропософии или же о ее практическом применении в других областях — от медицины до сельского хозяйства — могут обратиться к источникам, указанным мною в предыдущей статье.

Проблема демократии в школе — основная тема статьи Доры Штурман, и эта проблема, как её понимает автор, является частью более широкой проблемы всего общества. Отсюда важность её решения на школьном уровне — не для школы только, но и для общества в целом.

Безусловно соглашаясь с принципиальным выводом Доры Штурман о связи школы с обществом и о наличии у них общих проблем, я вместе с тем считаю, что следует провести четкую грань там, где аналогия кончается, где требуются совершенно различные решения школой и обществом в целом проблем с одинаковыми внешними симптомами. Для этого надо прежде всего однозначно определить, какое содержание мы вкладываем в понятие, которым пользуемся, и какое именно понятие соответствует рассматриваемому нами явлению. Начать здесь лучше не с понятий, а с действительности, а именно с того реального и основного, на чем построена жизнь современного общества — с потребностей человека.

Эти потребности разделяются на три основные категории: материальные, духовные и правовые. Материальные потребности (в продуктах питания и других товарах) определяются прежде всего необходимостью физического существования, а также другими запросами человека. Удовлетворяются эти потребности в результате совместного труда людей, состоящего в переработке природных ресурсов в нужные людям изделия и доставке их потребителю. Процесс этот, называемый экономикой, характеризуется разделением труда и взаимозависимостью, когда каждый пользуется плодами труда другого. Если бы люди на деле захотели признать этот факт, то в сфере экономики, в которой участвует каждый в качестве либо производителя, либо во всяком случае потребителя, они построили бы свои отношения не на шантаже и принуждении, а на договоренности, сотрудничестве и братской взаимопомощи.

Духовные запросы человека сугубо индивидуальны, они не определяются наличием у других подобных же или иных запросов, не зависят от отношения к ним других или от прочих факторов — ни от чего вообще, кроме его

собственной индивидуальности. Поэтому в этой области не может быть взаимозависимости, уравниловки или конформизма, и для удовлетворения своих духовных потребностей человек должен пользоваться полной и безусловной свободой, идет ли речь о его воззрениях или образовании или же о творческой деятельности — художественной, научной, педагогической и т. д.

Правовые потребности человека определяются его желанием иметь равные с другими возможности в различных жизненных сферах, равные права при решении вопросов, касающихся всех и каждого, и равные обязанности по отношению к другим и к обществу в целом. Эти потребности — быть равным среди равных не зависят ни от способностей человека, ни от его вкусов или интересов, ни от профессии или других индивидуальных или социальных различий и должны быть удовлетворены на единой для всех основе — равенство всех перед законом.

Хотя эти три вида потребностей отражают разные категории интересов человека, почти каждая жизненная ситуация, в которую вступает человек, является сосредоточением их всех. Поэтому и удовлетворяться они должны в каждой такой ситуации, а не только в масштабах всего общества. Но удовлетворяться не произвольно, а на основе трех соответствующих им принципов — братства (в труде), свободы (индивидуальной) и равенства (перед законом). Если же три эти принципа и соответствующие им отношения не находят места в жизни, это неизбежно приводит к хаосу, чем и является современное состояние нашего общества. Это состояние было бы очень интересно проследить подробно, но нашей темой является школа, поэтому ею я и ограничусь.

Центральным определяющим для школы, краеугольным камнем ее существования является педагогический импульс, поэтому так важно, в каких условиях живут и развиваются рожденные им педагогика и педагогический процесс. Последние суть ничто иное, как практическое выражение творческой индивидуальности учителей, и поэтому никто не может (по крайней мере — не должен) указывать им, что и как преподавать, как никто не должен говорить художнику, что и как рисовать. Учитель, как и художник, как и всякая вообще творческая индивидуаль-

ность, должен пользоваться полной творческой свободой и возможностью ее осуществления — он сам знает и решает, какими сегодня должны быть воспитание и образование и как практически организовать учебный процесс. Если не знает и ждет указаний от других, он не должен быть учителем. Если же эти другие действительно озабочены проблемами образования и знают лучше учителей, что и как должно быть сделано в этой области, то вместо того, чтобы давать руководящие указания, они сами должны стать учителями. (Если художника, смешивающего краски и наносящего мазки по указанию других, трудно представить даже в условиях тоталитарной страны, почему же учитель, охотно работающий по указке — типичное явление даже в самых свободных странах?!)

Но индивидуальная духовная свобода имеет еще и другой аспект. Как каждый человек должен быть свободен в своем творчестве, он должен быть столь же свободен в своем отношении к творчеству других. Он волен любить и поощрять творчество свободного художника — волен и отвергнуть его. То же и с образованием — каждый человек должен быть свободен в выборе системы образования для себя и своего ребенка. Если в обществе каждый педагог и каждый учащийся будет иметь неограниченную возможность: один — создать и предложить обществу, другой — выбрать и принять систему образования, которую они считают лучшей, то это и будет фактическим осуществлением равного права на свободное образование. Пока такая возможность редчайшее исключение, ибо государства накладывают на образование те или иные ограничения — идеологические и финансовые. Если государство решает, как, например, в СССР, каким должно быть образование, это означает отсутствие свободы образования. Если же государство допускает такую свободу, как, например, в Англии, но вместе с тем путем финансово-законодательных мероприятий делает ее доступной лишь для части общества, это означает отсутствие равного права на свободное образование*.

* В Англии государство не вмешивается в процесс обучения даже в государственных школах, не говоря уже о полной свободе преподавания в

Но это факторы внешней связи школы с государством, ее, так сказать, положения в обществе. А как обстоят, вернее, должны обстоять дела внутри самой школы? Кто и в каком качестве участвует в школьном процессе, на каких принципах должны быть основаны эти взаимоотношения и решаться различные школьные проблемы?

Кто — эти четыре категории людей: ученики — центр школьного «мироздания», учителя — творцы этого «мироздания», административно-технические работники школы — неизменные помощники учителей и, наконец, родители, которые выступают во всех трех категориях — и воспитателей, и помощников профессиональных воспитателей, и учеников — в области педагогики.

Школа — это прежде всего место встречи учителя и ученика, куда первый приносит свой свободный, творческий дар — педагогику, и где второй, так нуждаясь в нем, принимает его так же свободно и творчески. И если действительность далеко не так идиллична, то все же суть взаимоотношений учителя и ученика, суть того процесса, в котором они совместно участвуют, определяются именно понятиями «свобода» и «творчество», и она никак не может основываться на каких-либо обязательствах или принуждении.

Но в педагогическом процессе в масштабе всей школы участвуют совместно все учителя, родители и школьный персонал, и вот здесь их функции и взаимоотношения, как педагогические, так и административные, должны быть результатом *совместной договоренности*. Эта договоренность о *сотрудничестве* должна основываться не на сухом законодательстве, а на доверии друг к другу, на понимании школьного процесса и роли в нем каждого участника.

Само собой разумеется, что все участники школьного процесса, каковы бы ни были их функции и отношения в нем, являются кроме того гражданами своей страны, и в качестве

многочисленных частных школах; с другой стороны, родители имеют очень ограниченное право в выборе государственной школы, для своих детей, которая определяется местом жительства, а в частных школах не получающих государственной помощи, могут обучаться дети только обеспеченных родителей.

таковых подпадают под ее законодательство там, где это касается их *правовых отношений* друг с другом или с кем-либо вне школы.

Так жизнь единого и здорового школьного организма основана на трех сферах человеческих интересов, на трех жизненных процессах, поддерживающих и дополняющих друг друга, но самостоятельных в самих себе и действующих каждый в соответствии с присущими ему принципами. (Не то же ли имеет место и в человеческом организме, жизнеспособность которого поддерживается самостоятельными, но взаимосвязанными процессами систем дыхательной и кровообращения, нервно-мозговой и обмена веществ?) Если этот реальный факт не находит отражения в школьном процессе, если у участников этого процесса нет ясного представления о принципиальном различии составляющих его компонентов и о том, к какому именно должна быть отнесена та или иная из школьных задач и проблем, то школе вряд ли удастся справиться с ними. Как же в этом смысле обстоят дела с тем комплексом школьных проблем и задач, который охватывается традиционным понятием «дисциплина» и сегодня, по наблюдению Доры Штурман, неразрывно связан с понятиями свободы личности, прав человека, демократии?

Прежде всего, сами понятия эти отнюдь не однозначны и принадлежат к разным категориям. Так, свобода личности имеет лишь смысл как свобода духовная, ибо свобода по смыслу своему может быть лишь полной, неограниченной и безусловной. Права же человека никак не могут быть синонимом его свободы, ибо регулируя его отношения с другими людьми, они всегда однозначны, ограничены и обусловлены его обязанностями, правами других людей и многими иными факторами. В школе свобода человека, прежде всего учителя и ученика, должна находить выражение в творческом участии в педагогическом процессе; права же человека — в возможности такого участия, во-первых, а во-вторых, в равноправии всех участников школьного процесса во всем, что касается их гражданского статуса и человеческого достоинства.

Говоря о демократии применительно к школе, следует четко уяснить, что понимается под демократическими

принципами, какие из них и в каком именно аспекте школьной жизни могут и должны найти воплощение. Прежде всего надо отделить все то, что хотя и подпадает очень часто под понятие демократии, на самом деле относится к сфере свободы или прав человека. То, что остается как присущее исключительно понятию демократии и что нас может интересовать в контексте школы, есть ничто иное, как демократическая форма правления. При таком правлении решения не являются творческим актом свободной индивидуальности и не вытекают однозначно из каких-либо законоположений, но принимаются волеизлиянием всех заинтересованных лиц в соответствии с ими же установленной процедурой.

О «правлении всех» речь может идти лишь там, где эти все принимают участие в общем деле. Таким общим делом в школе является педагогическо-административная деятельность — о ней и о ее участниках уже говорилось выше. Несомненно, каждая школа должна иметь возможность устанавливать свою форму управления в соответствии со своими условиями и нуждами. В качестве примера я могу сослаться здесь на Штейнеровские школы, с которыми знаком лучше. Хотя эти школы имеют в основе своей единый педагогический и духовный импульс, их структура различна даже в пределах одной страны. Однако общим для них является то, что административное управление школой осуществляется совместно учителями и родителями. В школе, где обучались мои дети, даже владение школой, т. е. ее довольно значительным движимым и недвижимым имуществом, тоже совместное — всем этим владеет и распоряжается так называемая Ассоциация, состоящая из равного числа учителей и родителей. Педагогическое руководство школой осуществляется, применяя привычный нам термин, Педагогическим советом. В школе нет директора, а Педагогический совет избирает из своего состава председателя, который по истечении определенного срока заменяется другим учителем. Совет собирается раз в неделю и обсуждает как текущие дела, так и вопросы общей школьной политики и находится в тесном контакте с управленческими подразделениями школы. Каковы бы не были остальные детали такой административно-педагогич-

ческой структуры, демократический принцип ее устройства очевиден: она может быть вызвана к жизни и изменена лишь самими участниками школьного процесса.

Но к какой же сфере школьной жизни должна быть отнесена дисциплина, какова природа того волшебного средства, с помощью которого можно решить эту проблему проблем воспитания? Совершенно очевидно, что дисциплина, поведение ученика, или беря шире, весь комплекс его школьной активности, лежит в самом центре педагогического процесса, и никакими иными средствами, кроме педагогических, эта проблема решена быть не может и не должна. Я хорошо осознаю, как сравнительно легко придти к такому выводу, с которым в принципе может согласиться любой здравомыслящий человек, но как трудно или даже невозможно бывает осуществить его на деле. Но все же трудность какого-либо пути не означает его неверности. А коль путь верен, но труден, естественным становится поиск средств его облегчения. Если педагогу в его деятельности совершенно не на что опереться, кроме как на спасительный метод проб и ошибок, положение его и его учеников незавидное. Но если он кроме того опирается на научно-педагогические знания, то он имеет надежного помощника в пути, который в любом случае должен проделать сам. Было бы, вероятно, уместным показать, как Вальдорфская педагогика и духовная наука помогают педагогу на его нелегком поприще. Но это тема особого разговора для компетентного специалиста. И все же, для наглядности, я приведу один пример того, как истинные знания о существовании человека могут помочь педагогу справиться с проблемой дисциплины в классе.

Опытный педагог Вальдорфской школы обладает интимнейшими знаниями о четырех темпераментах, которые живут в человеке, взаимодействуя друг с другом и трансформируясь. Он знает, что следует стремиться к их гармоничному развитию, но что в человеке, особенно в ребенке, как правило превалирует один или два темперамента — с этим надо считаться и этим надо уметь пользоваться при воспитании. В частности, очень важно рассадить детей в классе в зависимости от их темпераментов так, чтобы взаимодействие детских индивидуальностей

сливалось в гармоничную мелодию их совместной активности, а не порождало невыносимую какофонию. Также при нарушении учениками дисциплины подход учителя к каждому будет сугубо индивидуальным — одного он отвлечет, на другого накричит, третьего похвалит, четвертого возьмет в помощники, пятого завалит работой, на шестого вообще не обратит внимания и т. д.

Несомненно, что такие или другие педагогические методы применяют, и очень успешно педагоги не только Вальдорфских школ. А каких чудес в обращении с детьми достигают педагоги-самородки, которые сами даже «гимназиев не кончали»! Или взять такого педагога как Макаренко, воспитательный метод которого базировался на далеко не лучшей комбинации научного материализма и партийной идеологии, но который на основе своего природного педагогического и человеческого чутья очень часто находил верные решения и получал замечательные результаты.

Но что делать в ситуациях, когда никакие педагогические методы, никакой педагогический талант не в состоянии справиться с нарушителями и разрушителями педагогического процесса? Разве для его восстановления и поддержания не позволительно в таких случаях ввести внешний регулятор в виде если не законодательных мер, то уж строгих правил, принятых всеми и обязательных для всех? Ведь в конце концов общество вынуждено же в особых случаях даже изолировать малолетних «возмутителей спокойствия», помещая их в особые учреждения и применяя к ним специальные меры.

Все это так, но чтобы даже эти спецмеры оказались успешными, они должны быть мерами воспитания и лечения, а не наказания и пресечения. А если речь идет не о детях с психическими или другими отклонениями, а о детях нормальных, то здесь истинный смысл применения непедагогических мер в школьном воспитании может сразу стать очевиден из примера сравнения школы с семьей.

Отношения в семье, так же как и в школе и в обществе в целом, тоже носят тройственный характер. Прежде всего, это нечто сугубо индивидуальное, спонтанное и уникальное, а именно взаимная любовь и внутренняя близость, на основе которых два человека принимают свободное решение

соединиться в семью. Эти их отношения — краеугольный камень существования семьи. Образовав семью, они путем взаимной договоренности организуют свою семейную жизнь, распределяют обязанности и т. п., и эта договоренность покоится на их любви и уважении друг к другу, на понимании значения семьи и своей роли в ней. И, наконец, они оба, будучи гражданами своей страны, подпадают под соответствующее законодательство, регулирующее отношения между гражданами и супругами.

Если в семье возникает конфликт, то совершенно естественно, что любящие супруги пытаются разрешить его именно на основе взаимной любви и здравого смысла. Если же семейный конфликт заходит так далеко, что решается не полюбовно — на семейном совете, а юридически — на суде, то это означает конец того, чем в самой основе своей является семья — союзом сердца и духа. Внешне такая семья может продолжать существовать и функционировать в силу инерции, юридического казуса или на основе «джентельменского соглашения» — из престижных, финансовых, религиозных или других соображений. Но без своего основного и исключительного по характеру содержания — без любви — она превращается в некий безликий гражданский институт*.

Так же и школа. Как только вопросы дисциплины и другие педагогические проблемы начинают решаться не педагогическими, а административно-законодательными мерами, это означает конец педагогики, а значит и школы, хотя внешне, как общественное учреждение, она продолжает функционировать. Тот факт, что очень и очень много школ и семей ведут сегодня такое внешнее существование, говорит о весьма печальном состоянии дел в нашем обществе. Тот же факт, что для большинства из них только такое существование и возможно, есть признак трагедии общества.

Что касается школы, то причин этой трагедии, как и путей ее преодоления, три. Во-первых, это педагогика. Современная педагогика заводит учителя в тупик, оставляет

*Имеются, естественно, люди, которые вообще отрицают наличие или важность такого содержания, как есть люди, которые считают, что воспитание бесполезно или вредно. В мою задачу здесь не входит полемизировать с этими или другими точками зрения. Я лишь пытаюсь представить и пояснить ту, которой придерживаюсь сам.

его беспомощным и одиноким на милость стихийных и неуправляемых сил, жертвой которых он неминуемо становится. Только педагогика, способная вооружить воспитателя цельной картиной мира и путей его развития, дает ему достаточно сил и знаний для тяжелейшей борьбы за будущее каждого ребенка и всего человечества. Второе — это сам воспитатель. Никакая, даже самая лучшая педагогическая система не способна помочь тому, для кого воспитание — случайное ремесло и кто, не имея педагогического призвания или таланта, не желает и не умеет стать настоящим педагогом. Наоборот, она может помочь стать таковым человеку даже с очень скромными педагогическими данными, если он готов положить на алтарь педагогики искренность своих намерений и настойчивость своих усилий.

Но даже лучшие педагоги и воспитательные системы не в состоянии одни решить проблем воспитания, ибо действуют они не в вакууме, а в определенной духовно-социально-экономической среде, каковой является наше общество. Эта среда должна быть благоприятной для жизнедеятельности педагогики и восприимчивой к ее воздействиям. И тут мы попадаем в заколдованный круг: состояние общества зависит от действующей в ней системы образования и воспитания, а последняя сама зависит от состояния общества. Бессмысленно решать, что должно измениться первым, или пассивно ждать возможных изменений. Выход из этого порочного круга один: каждому человеку, независимо от его профессии и положения в обществе, всеми силами бороться за торжество тех человеческих ценностей, с которыми связаны понятия правды, добра и красоты. От того, как мы распознаем эти ценности в жизни, как понимаем правду, добро и красоту и как боремся за их торжество, зависит будущее человечества.

СОЦИАЛ-ПРАВОСЛАВИЕ: ЦЕЛИ И МЕТОДЫ

«Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: «легион», потому что много бесов вошло в него».

Лук., 8. 30.

В №2 журнала «Вече» главный идеолог ВСХСОН Евгений Вагин сетует на то, что его плохо встретили на Западе. Он пишет о себе: «Что греха таить — думалось, что появление в свободном мире одного из членов этой „тайной организации“, разгромленной КГБ, вызовет некоторый интерес, — и тогда можно будет громко, на весь мир, сказать, наконец, о Игоре Огурцове и истинном смысле созданного им движения. Увы, ожиданиям этим не суждено было сбыться. Не было толпы фотографов и журналистов... Был грязный пансион на окраине Вены...» (стр. 6-7)

Не справедливо, конечно, что главный идеолог крупнейшей русской подпольной военно-политической организации оказался в небрежении. Стоило бы проявить больше интереса к ВСХСОН. Поэтому я постараюсь восполнить этот пробел и показать истинный смысл социал-православия, ссылаясь на Программу организации, высказывания ее лидеров и рядовых членов, а также ее несомненных друзей, игнорируя при этом мнения тех, кто вызывает малейшее подозрение в том, что он душою не совсем русский, а также тех, кого социал-православные и их друзья считают презренными «либералами» и «плюралистами». Ну, о евреях — вообще не может быть речи, поскольку в России, по словам Е. Вагина, сталкиваются интересы русских и евреев.

Нам, народам советского Туркестана, хотелось бы видеть в русском народе союзника в борьбе за установление демократического строя в империи и получить, наконец, реальные гарантии на национальное самоопределение. Поэтому хотелось бы верить, что социал-православие — курьезный анахронизм в русском национальном сознании.

Но вот, к сожалению, свидетельство русского писателя Леонида Бородина. Он пишет, что появление этой военно-политической организации, ВСХСОН — не «исторический анахронизм» и не «рецидив отживающего», но «уверенное заявление о себе определенной национальной тенденции.» Бородин продолжает: «Социальная характеристика членов организации, их определенный интеллектуальный уровень, еще не поддающаяся формулировке, но все же уже явно осязаемая закономерность духовной эволюции каждого, большее (в сравнении с другими нелегальными группами) количество участников, сочувствующих и в той или иной степени связанных с организацией людей, относительная продолжительность существования и, разумеется, в первую очередь, характер программных документов, их преемственная связь с определенными явлениями прошлого — все это исключает возможность характеристики „Социал-христианского союза“ как исторического анахронизма или социальной случайности.» («Вече», N 13, стр. 167-168).

Если Л. Бородин прав, то нельзя просто отмахнуться от социал-православия, а надо обстоятельно разобраться: что это за феномен, который угрожает не только русским, но и другим народам — насильственной русификацией и православицей.

В N 12 журнала «Форум» я уже дал краткую характеристику ВСХСОН. Но Е. Вагин расценил мои слова как клевету на его организацию. Это вынуждает меня подробнее рассмотреть вопрос, используя только те материалы, которые заслуживают полного доверия самого Е. Вагина.

Заговор и военный переворот

Я не осуждаю ни заговор, ни военный переворот, ни вообще подпольные методы борьбы, ибо не согласен с генералом Григоренко, что «в подполье можно встретить только крыс». Но методы борьбы за власть — характеризуют организацию.

Программа ВСХСОН утверждает: «Освобождение народов от коммунистического ига может быть достигнуто только вооруженной борьбой.» И: «Для полной победы народу необходима своя подпольная армия освобождения,

которая свергнет диктатуру и разгромит охранные отряды олигархии. Народная армия освобождения должна быть организована под руководством политического ядра, которое может придать всенародной борьбе целенаправленный характер, выработать революционную стратегию и тактику.»¹

Из этого ясно только одно: коммунистический режим должен быть свергнут вооруженной борьбой. Есть указание на то, что это свержение произойдет в ходе «всенародной борьбы», но в дальнейшем мы увидим, что «всенародная борьба» — чистейшая демагогия. А что собою представляет «народная армия освобождения» и ее «политическое ядро» — не ясно и нигде в Программе это не разъясняется. Можно предполагать, что «народная армия освобождения» и есть ВСХСОН, но тогда что за «политическое ядро»? Эти загадки немного проясняет Л. Бородин: «Структура Союза, согласно Уставу, должна была соответствовать своей основной цели: вооруженному свержению существующего строя. Отсюда структурные единицы: боевые группы, отделения, взводы, батальоны, корпуса.» («Вече», N 13, стр. 173) Похоже на то, что «народная армия» и есть ВСХСОН, но почему она «народная»? Допустим, что это — демократический довесок, и тогда, как будто, все ясно: общенародную борьбу возглавит по-военному организованный ВСХСОН, который имеет свое Политбюро и политкомиссаров. Но Владимир Осипов свидетельствует: «Среди вещественных доказательств фигурировал один ржавый пистолет образца 1898 года.»² Неужели «армия освобождения» собиралась свергнуть власть коммунистов, обучившись только приемам каратэ?! Не так уж они наивны — эти социал-православные. А что же тогда?

Хотя народ для них, по Л.Бородину, «лишь сфера приложения сил», но ВСХСОН никогда не думал допускать его к участию в свержении коммунистического режима. И не потому, что ВСХСОН-овцам жалко народа, и не потому, как утверждает Бернад Караватский, что его участие в революции «влечет за собой катастрофические последствия»,

1. Сб. «ВСХСОН», YMCA-PRESS, стр. 34.

2. Там же, стр. 115.

но потому, я думаю, что руководители ВСХСОН боялись, что в ходе народной революции могут появиться соперничающие с ним политические партии, а ВСХСОН ни с кем не хотел делить власть. Поэтому он рассчитывал только на *заговор*.

Руководители ВСХСОН говорили мне, что переворот должны были осуществить по их плану военные из высшего советского офицерства. Поэтому понятно, что не нужны были ни приемы каратэ, ни ржавый пистолет. Это подтверждает Б. Караватский: переворот «легче всего может реализовать группа высокопоставленных военных чинов советской армии, недовольных существующей системой управления государством. Вариант «хунты» приемлем, однако, только в том случае, если военные займутся армией...»³ Иначе говоря: если они не будут претендовать на власть. За это Программа им обещает: «Должно быть коренным образом улучшено положение кадрового состава вооруженных сил и, в частности, положение офицерского корпуса».⁴ При этом надо иметь в виду, что Программа не предусматривает улучшения положения никого в отдельности, кроме военных. Но известно, что военные и в СССР являются привилегированным сословием. По-видимому, ВСХСОН хотел создать еще более военизированное государство, чем СССР, где возросла бы роль военных и одновременно — их привилегии.

Государство

«В Программе ВСХСОН — пишет Л. Бородин — делается попытка построения конкретной национальной модели христианского государства, полагая в ее основу три главных, определяющих принципа:

1. Христианизация политики. 2. Христианизация экономики. 3. Христианизация культуры.» («Вече», N 13, стр. 170) Здесь Л. Бородин допускает две неточности: 1) ВСХСОН создал не национальную, а наднациональную модель. Это не вызывает никакого сомнения, ибо модель

3. Там же, стр. 205.

4. Там же, стр. 78.

распространяется на все народы империи и 2) под «христианизацией» понимается *православизация*, ибо в тексте Программы имеется в виду православие, православное духовенство и православная церковь. Такое уточнение необходимо для анализа Программы ВСХСОН, которая гласит:

«Верховная власть должна быть представлена:

законодательная — Народным Собранием и Главой Государства,

исполнительная — Главой Государства и Кабинетом министров,

блюстительная — Верховным Собором,

судебная — Верховным судом.»

Важно иметь в виду следующие два обстоятельства:

1) «Глава Государства — представитель народного единства (т. е. социал-православный — М. К.) — должен избираться Верховным Собором и утверждаться всенародным голосованием.» (Не напоминает ли это советскую систему «выборов», где партия намечает кандидатов, а народу предоставляется почетное право утвердить их?) 2) «Верховный Собор должен состоять на одну треть из лиц высшей иерархии Церкви и на две трети из выдающихся представителей народа, избираемых *пожизненно*⁵ (подчеркнуто мною — М. К.). Это значит, что самый могущественный орган государственной власти будет состоять из православного духовенства и членов ВСХСОН. Или тех, кого ВСХСОН рекомендует. Ведь и в Верховном Совете СССР не все коммунисты, а часть его — «беспартийные большевики». Надо признать, что кое в чем ВСХСОН далеко переплюнул советский режим, который еще не додумался до пожизненного избрания в органы государственной власти.

Судя по общему духу Программы, в «Великой России» партия и духовенство должны слиться с государственным аппаратом в центре и на местах. Должно сохраниться их морально-политическое единство, основанное на социал-православной идеологии.

Владимир Осипов свидетельствует, что в Программе

5. Там же, стр. 74-75.

«верховным органом власти провозглашался Всероссийский Верховный Собор.»⁶ А в самой Программе сказано, что Верховный Собор «должен располагать правом вето, которое он может наложить на любой закон или действие». Так обрисовано в Программе партийно-теократическое государство будущего, которое является более тоталитарным, чем советское.

Л. Бородин пишет, что сама военно-политическая организация, ВСХСОН, «должна была стать первичной ячейкой, неким прообразом будущего общества.» («Вече», N 13, стр. 172) Л. Бородин понимает, что ВСХСОН отрицает коммунистический тоталитаризм, но не тоталитаризм вообще, поэтому он пишет: «... как показал опыт, негативное настроение вполне может являться лишь разновидностью отрицаемой идеи по причине ощущения несоответствия между существующим и должным.» (Там же, стр. 176)

Тоталитарная ориентация Программы выражена и в имущественных отношениях: «персоналистическая (т.е. частная — М. К.) собственность предоставляется всем и контролируется государством.» И: «Земля должна принадлежать всему народу в качестве общенациональной собственности, не подлежащей продаже или иным видам отчуждения. Граждане, общины и государство могут пользоваться ею на правах ограниченного держания.»⁸ Это значит, что фактическим собственником земли будет, как и в СССР, государство, которое может в любое время отнять или урезать землю, как частных граждан, так и общин.

В соответствии с тотальной идеологией социал-православия, ВСХСОН ставит под государственный контроль и личную жизнь граждан. В Программе сказано: «государство только в исключительных случаях может быть допущено (кем? — М. К.) к вмешательству в те широкие области, которые являются полем действия общественных и личных сил.»⁹ Надо полагать, что тоталитарное государство всегда найдет повод считать случай исключительным. Программа

6. Там же, стр. 114.

7. Там же, стр. 75.

8. Там же, стр. 68 и 66.

9. Там же, стр. 63.

продолжает: «Сознавая всю серьезность общей проблемы воспитания и *не отказываясь* от действенного влияния на духовное, умственное и физическое формирование человека, социал-христианство... предоставляет основную роль семье *в первоначальном* воспитании детей (везде подчеркнуто мною — М. К.)». ¹⁰ Заметим, что не родители имеют право, а им отводится роль. Щедро! Известно, что после захвата власти аппетиты возрастают, но Программа уже теперь заявляет, что бдящее око социал-православных не оставит никогда ни детей ни взрослых.

Однопартийность

В Программе сказано: «Союз Освобождения Народа сознает себя патриотической организацией самоотверженных представителей всех национальностей Великой России, которая борется за интересы всего народа и не является партией ни в классовом, ни в тоталитарном смысле.» ¹¹ Эта формулировка вызывает ряд недоумений:

1. «Патриотическая организация» и вдруг «всех национальностей»?! Коль «всех национальностей», то следовало бы назвать себя всеимперской организацией, подобно КПСС. Ясно, что в Программе речь идет об имперском патриотизме бывших совпатриотов.

2. *Социал-православные* хотят представлять и *неправославные* народы империи. Разве это совместимо? Совместят, когда придут к власти.

3. Вполне понятно, что ВСХСОН хочет представлять все народы империи (и в конечном счете — все человечество). Но зачем же тогда отказываться от тоталитаризма?

4. И наконец, ВСХСОН имеет Устав и Программу и является сугубо политической организацией, или партией. Вот и Л. Бородин считает ВСХСОН «нелегальной военно-политической организацией.» («Вече», N 13, стр. 166). И В. Осипов считает его «политической организацией.» ¹² Зачем же отречься от этого?

10. Там же, стр. 65.

11. Там же, стр. 77.

12. Там же, стр. 120.

Можно в конце концов не спорить о термине: Партия — ВСХСОН, или не партия? Главное в том, что он претендует на выражение «интересов всего народа». В этом смысле он настолько же и партия и не партия, как и КПСС.

Программа утверждает, что социал-православие должно быть положено не более и не менее, как «в основу всей социальной жизни народа.»¹³ Но Программа не указывает на место ВСХСОН в системе власти. Там есть только намеки на то, что глава государства («представитель народного единства») и две трети Верховного Собора («выдающиеся представители народа») являются членами ВСХСОН. Безусловно, ВСХСОН в «Великой России» не будет продолжать свое подпольное существование и не самораспустится, а займет достойное место в системе государственной власти, как единственная легальная партия и только тогда, разумеется, ее идеология может быть положена «в основу всей социальной жизни народа». Но совершенно неясным остается вопрос: обязано ли будет духовенство состоять в партии и допускается ли коллективное членство в ней? Пожалуй, будут и партийные и беспартийные служители культа, но вряд ли ВСХСОН допустит аполитичность среди них, ибо идеологию социал-православия должны будут принять все, и, скорее всего, в первую очередь — православное духовенство, конечно.

ВСХСОН и КПСС — близнецы. Л. Бородин отмечает «ортодоксально-марксистскую установку» ВСХСОН: «против заговора (большевиков — М. К.) — антизаговор, против переворота — антипереворот силами надпартийной военной организации. Волюнтаризм против волюнтаризма. Сама же нация при этом — лишь сфера приложения сил, а по существу нация вообще исчезает...» («Вече», N 13, стр. 175).

Если ВСХСОН — ясно выраженная политическая партия, зачем понадобилось ему объявлять себя надпартийной организацией? Очевидно, для того, чтобы претендовать на монопольную власть и иметь повод запретить другие политические партии. Руководители ВСХСОН говорили мне откровенно, что в «Великой России» будут запрещены все

13. Там же, стр. 76.

политические партии. В Программе это выражено осторожнее: «В целях свободного проявления мнений и благотворного воздействия на решение насущных дел смогут беспрепятственно образовываться политические течения и движения, не имеющие, однако, характера партийной организации.»¹⁴ А кто будет определять, имеет ли политическое движение «характер партийной организации», если не социал-православный КГБ?

Если допускается свобода мнений, то кому какое дело — будет ли это оформлено в партийную организацию. Далее: что это за допускаемые политические движения, если Верховный Собор имеет право вето на *любые* действия? Не трудно догадаться поэтому, что всякая свобода мнений и движений будет находиться под контролем партии и государства. А для чего нужны тогда эти вроде бы свободные движения? Ну, мало ли для чего?! Например, надо будет организованно встретить какого-нибудь Фиделя Кастратова в Огурцовграде (бывшем Ленинграде) или организованно потребовать смерти «врагам народа».

Программа вполне логично признает, что в «Великой России» будут политэки. Там сказано: «При персонализации собственности должны быть учтены права тех, кто временно не связан с производством (военнослужащие, политические заключенные и пр.)»¹⁵ Как долго будут политэки — не известно. Видимо, до тех пор, пока не будет достигнуто морально-политическое единство всего народа (всех народов), когда с чистым сердцем по социал-православному можно будет сказать: «Партия и Народ — едины».

Надо полагать, что среди политэков «Великой России» будут не только «политики» и иноверцы, но и те православные священники, которые не захотят стать «социалами» огосударственного православия, а попытаются остаться вне политики и идеологии. Скажут: «Кровушкой пахнет!» Впрочем, ВСХСОН не предъявляет невозможных требований — все зависит от самого человека: стоит перевоспитаться политэку, как он будет не только

14. Там же, стр. 64.

15. Там же, стр. 78.

освобожден, но даже наделен «персонифицированной ответственностью». Умилительно до слез!

Православие — официальная идеология

Если Программа ВСХСОН предусматривает тотальную православизацию и политики, и экономики, и культуры во всей империи, то, разумеется, не должно быть в ней места иным религиям. Православную церковь должны будут содержать все народы империи. На это прямо указывает Программа: «Церковь должна быть обеспечена средствами, достаточными для ее нужд, из общенациональных фондов.»¹⁶ Это значит, что и католики, и мусульмане, и буддисты, и иудеи империи должны содержать православную церковь. Поэтому никто не поверит единственной фразе в Программе, голосовно провозглашающей свободу всех религий, ибо вписана она временно и по расчету. Надо полагать, что в «Великой России» будут притесняться или преследоваться все религии, кроме официального православия.

Можно вообразить что произойдет с «нехристями» в «Великой России». Добровольные народные дружинники ВСХСОН загоняют палками «нехристей» для крещения в Днепр (а Каспийское море годится?), а тех кто будет очень сопротивляться — прямехонько в исправительно-трудовой лагерь. Если казахи теперь слышат от русских: «Мы вас научили плакать по-русски», то в «Великой России» всем «чучмекам» придется еще доучиваться плакать по-вээсхасэновски. Не приведи, Господи!

Национальный вопрос

Напрасно Л. Бородин упрекает в «типично марксистском игнорировании национального фактора в социалистических построениях.» («Вече», N 13) Такой фактор есть. Это — православно-русский шовинизм, для которого нет ни других равноправных народов, ни других религий: все народы должны русифицироваться и принять православие. Поэтому *ВСХСОН не признает права наций на самоопреде-*

16. Там же, стр. 73.

ление и после переворота устанавливает границу «Великой России» в пределах СССР к тому времени. Б. Караватский пишет: «Из разговоров... с руководителями организации вытекало, что они намеревались сохранить государство в существующих границах...»¹⁷ Когда я спросил И. Огурцова: мог бы Казахстан отделиться от России, он дипломатично ответил: «Зачем вам отделяться? Мы будем проводить такую политику, которая устроит вас.» Когда в мордовском лагере Николай Драгош спросил Е. Вагина: отдали бы они японцам Курильские острова, то Е. Вагин возмутился такому наглому вопросу и заявил, что эти острова — «наша кровная земля». Судя по этому, ВСХСОН не откажется и от Афганистана. Зачем отказываться, когда Программа гласит: «Завтрашний день основан на христианских (точнее: социал-православных — М. К.) идеалах.» И: «Социал-христианство отводит важное место Церкви (православной — М. К.) ... которая, минуя все границы, собирает людей в единое целое...»¹⁸ Это уже вам не «собрание Руси», а нечто подобное «Мировой Советской Социалистической Республике» большевиков. Из этого видно, что ВСХСОН хочет осчастливить непременно все человечество. Иначе и жить не хочет.

Говорят, что в мордовских лагерях вожди ВСХСОН поняли, что многое роднит их с КПСС, и поэтому включились в яростную борьбу против евреев-политзэков. Один из вдохновителей этой кампании, Е. Вагин следующим образом оправдывает русский антисемитизм. Он цитирует Н. Бердяева: «в глубокой основе нелюбви русских к евреям лежит чувство, что не место на земле двум мессианским народам.» Главный идеолог тут же скромно уточняет Н. Бердяева: «Не знаю, как на земле, но в России, действительно, двум мессианизмам ужиться невозможно — не об этом ли вся проповедь А. Солженицына?» («Вече», № 9, стр. 204)

Не место скромничает Е. Вагин — в разрез с самим собой и Программой, которая пестрит выражениями: «мир может объединиться», «завтрашний мир будет основан на христианских идеалах», «сверхнациональное единство»,

17. Там же, стр. 206-207.

18. Там же, стр. 34 и 65.

православная церковь «минуя все границы», ее «духовная миссия» и т. п. А Вагин пишет, что в России «будут решаться судьбы мира.» («Вече», N 2, стр. 16) Как же после всего этого можно не претендовать на мессианизм во всем мире?!

После приведенного выше печатного высказывания Е. Вагина о правомерности антисемитизма невозможно не поверить лагерным слухам о том, что социал-православные хотели выгнать из «Великой России» всех евреев. Следовательно, шовинизм социал-православия прямо связан с мессианскими претензиями.

Спрашивается: неужели русские не хотят жить, как, скажем, шведы или голландцы — свободно путешествовать, жить, где нравится, благоустраивать жизнь у себя на родине — в меру своих сил и без мессианской одержимости? Неужели русским хочется жить впроголодь, глушить самогон и мечтать о мировом господстве? Нет, народу русскому, пожалуй, этого не хочется. Но его цари и вожди всегда были и сейчас заинтересованы в том, чтобы подвластный им народ жил не для себя, а для служения их навязчивым идеям, потому что нация для них — «лишь сфера приложения сил». Конечно, нельзя отрицать того факта, что царям и вождям удалось изрядно развратить часть русского народа и заразить ее духом шовинизма. Может быть это дает основание Л. Бородину считать, что социал-православие коренится в русском народе и ВСХСОН является «уверенным заявлением о себе определенной национальной тенденции».

Внешняя политика

В Программе есть единственная фраза, прямо относящаяся к внешней политике ВСХСОН. Это: «Странам, в которых временно находятся советские (?! — М. К.) войска, может быть оказана помощь в национальном самоопределении на основе социал-христианизма.»¹⁹ Это значит, что социал-православные не собираются немедленно отзываться свои «советские» войска из стран-сателлитов. Видимо, ВСХСОН полагает, что та армия, которая помогла установить коммунистический режим в этих странах, может

19. Там же, стр. 78.

или даже обязана установить там социал-православный режим. Интересно отметить, что ко времени принятия Программы (1964) советские войска находились в восточно-европейских странах уже 20 лет. И это — «временно».

Из свидетельства Б. Караватского можно понять, что вожди ВСХСОН хотели объявить врагом № 1 — Китай, «который оставался бы со своей агрессивной политикой единственным очагом возможной мировой войны», прекратить помощь слаборазвитым странам, а «договор о взаимопомощи с Европой и Америкой должен был стать одним из первых актов внешней политики.»²⁰ Это дает нам довольно полную картину внешней политики социал-православия, а именно: 1) сохраняется империя в границах СССР ко времени переворота; 2) советские войска «временно» продолжают находиться в ряде стран, пока не потребуется их помощь для установления там социал-православного режима; 3) врагом № 1 объявляется Китай; 4) Европа и Америка нейтрализуются путем заключения договора; 5) экспансия социал-православия распространяется на слаборазвитые страны Азии, Африки, Центральной и Южной Америки; 6) уничтожается Израиль; 7) уничтожается Китай, а может быть и вся желтая Азия; 8) сперва Европа, а затем Северная Америка просят принять их в «Великую Россию»; 9) устанавливается всемирное социал-православное правительство; 10) русский язык становится единственным официальным языком, а православие — обязательной для всех религией. На этом кончаются всякие политические недоразумения и неразумная предыстория человечества.

Жаль, что все это детально не отражено в Программе, хотя она могла бы быть более содержательной даже в существующем объеме (48 стр.), если бы две трети этого объема не было отведено зряшной критике коммунистической идеологии и режима. Вместо этого можно было бы определить первоочередные и последующие задачи социал-православия, т.е. разработать программы минимум и максимум хотя бы для внешней политики, что особенно волнует народы мира. Идея программы-минимума для социал-православия существует давно. Хотя бы эта:

20. Там же, стр. 205.

«Москва и град Петров*, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.»

Тютчев, «Русская география», 1848 год.

А Даниил предрек, что будет четыре царства. «И во времена тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно.» (Дан., 2, 44)

Стихи Тютчева импонируют агрессивным намерениям КПСС и ВСХСОН, поэтому они были переизданы в Москве в 1965 году — почти одновременно с принятием Программы ВСХСОН (1964). Жаль, что борьба за власть сделала врагами столь родственные души.

Патриотизм

Социал-православные считают русский патриотизм чем-то исключительным и отводят особую роль русскому народу, но на каком основании? На основании пресловутой «русской духовности»? Но когда она возникла и в чем выражается — не известно.

Нет чистой нации. Казахи, например, — смесь монголоидов и европеоидов.** Русские — то же самое, хотя и в другой пропорции. Было время, когда русские князья считали за честь породниться с половцами, например. Татаро-монголы оставили свое потомство и среди русского

* Под *градом Петровым* Тютчев подразумевает Рим. Об этом см. в книге К. Пигарева «Жизнь и творчество Тютчева», стр. 130.

** «Антропологически современные казахи обладают ясно выраженными смешанными чертами, в их составе можно выделить два компонента — европеоидный и монголоидный. (О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, изд. «Наука», Алма-Ата, 1970, с. 147).

дворянства.* А дворянин и гениальный русский поэт. А. Фет был внебрачным сыном гамбургского еврея. И т. д. По мере расширения русской империи русский народ поглощал многочисленные и разноплеменные большие и малые народы. Затем сами русские мигрировали на окраины огромной империи и растворялись там и расово и духовно. Любопытно отметить в этой связи, что сам журнал «Вече» проводит мысль о том, что с расширением российской империи возростала колонизация России (!?) другими народами (№ 4, стр. 195). Но в данном случае от перестановки мест слагаемых сумма не изменяется.

Русский губернатор Татищев в своей истории российской империи, написанной в середине 18 века, отмечает, что нет русского государства, а есть российская империя. Чтобы убедиться в этом, писал он, достаточно взглянуть на карту империи — как она расширялась. Но тем не менее, скажу от себя, Россия существует и поныне, значит есть место и русскому патриотизму. Она существует, конечно, не в границах СССР и даже не в границах РСФСР, а в пределах собственной России, которая не включает в себя не только Казахстан и Украину, но ни одной автономной республики и национального округа.

А теперь послушаем Е. Вагина: «Не случайно присяга, которая произносилась при вступлении в ВСХСОН... начиналась словами: „Я, сын Великой России...” Имелась в виду, естественно, не Великороссия (в пределах, которые нам определяют представители некоторых национальных движений), и не просто Россия „единая и неделимая” — но Россия, как таковая, которая в сознании всех нас — и прежде всего для Игоря Вячеславовича — была и должна оставаться *великой*.» («Вече», № 2, стр. 15-16).

Похоже на то, что даже главный идеолог не знает, где границы его отечества: и «не Великороссия», и не империя — «единая и неделимая», но «Великая Россия», которая будет и

* В конце XVI века московский военно-служилый класс, который позднее стал называться столбовым дворянством, состоял: «фамилий русских, оказывается, — 33 %, происхождения польско-литовского... — 24 %, происхождения немецкого... — 25 %, происхождения татарского и вообще восточного — 17 % и 1 % остается неопределенным.»

В. О. Ключевский. Сочинения, т. 2, с. 205-206, М., 1957.

не на земле, а «в сознании всех нас». Как говорится, язык дан дипломату, чтобы скрывать мысли. Но мысли этого дипломата обнаруживаются из других его высказываний и программных заявлений о вселенских претензиях России и социал-православия. Поэтому, надо полагать, что границы «Великой России» будут определяться всегда по-разному. Это как раз то, что «в сознании всех нас». Следовательно, ВСХСОН — организация вовсе не патриотическая. Социал-православным маска патриота нужна для того, чтобы создать видимость, будто они борются за национальные права русского народа. О таких «патриотах» сказал один русский поэт прошлого века: «Нет, не патриоты — мракобесы тут: из своих расчетов голос подают.»

Патриотизм в действительности — противостоит шовинизму и расизму. Недавно погибший в советском концлагере украинский патриот Василь Стус писал: «Я украинский литератор, пишу стихи, перевожу стихи русских, белорусских, немецких, испанских, французских поэтов... Да, я люблю мой украинский народ, ощущаю себя верным сыном его. Именно поэтому я с большим уважением отношусь к другим народам.» («Русская Мысль», N 3590) По отношению к другим народам патриот следует древней заповеди: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» (Мф, 7, 12). Этого духа христианства нет у социал-православных.

Штрихи к портретам вождей

Вожди социал-православия имеют две характерные особенности: 1) какое-либо вероисповедание, включая православие, для них — не обязательно; 2) все они — продукт типично советского воспитания.

В. Осипов пишет: «В ВСХСОН не все были верующими. Православными были: Огурцов, Садо, Вагин, Коносов, Бородин, Ивойлов, Баранов. Остальные — либо атеисты, либо колеблющиеся. Ярым атеистом был один Петров, который при вступлении воскликнул: „На черта мне нужен ваш Бог“». ²¹ И все-таки его приняли, что показывает насколько

21. Сб. ВСХСОН, УМСА-PRESS, стр. 120.

атеистической была сама организация. Я понимаю В. Осипова, как православного, который *хотел* видеть в рядах «славного» социал-православия больше верующих. Он и не скрывает этого: «В освещении дела ВСХСОН я был, конечно, субъективен и пристрастен.»²²

Помню, что во Владимирской тюрьме первые вожди ВСХСОН — И. Огурцов и М. Садо не только никогда не молились, но в них нельзя было даже заметить ничего похожего на молитвенное сосредоточение. Они никогда не вели бесед на религиозные темы. Любил И. Огурцов лежать на своей верхней койке и высказываться о политике, а М. Садо — сидеть в углу и рассказывать забавные случаи из своей жизни. И. Огурцов был серьезен, сдержан и предельно дисциплинирован, а М. Садо был балагуром, шутником. Оба они были хорошо развиты физически и регулярно делали физзарядку. Оба были внешне симпатичны.

Приведу одну характерную шутку М. Садо, Был у них профессор, рассказывал Садо, который имел своеобразную манеру знакомиться со студентами на лекции. Он начинал спрашивать:

— Вы кто по национальности?

— Грузин.

— Ну, как у вас там в Грузии?

Доходит очередь до М. Садо:

— А Вы кто по национальности?

— Ассириец.

— А как у Вас там в Ассирии? (Смех в аудитории.)

М. Садо часто подтрунивал над своими земляками-ассирийцами по различным поводам. Говорил, что их кровная профессия — чистить туфли. Много веселого рассказал нам М. Садо, сам смеялся и мы смеялись вместе с ним. И. Огурцов же не только никогда не смеялся — я не замечал даже улыбки на его лице. Оба они были очень хорошими сокамерниками, что для зэка — больше половины тюремного счастья.

На отсутствие веры (религиозной) у И. Огурцова намекает и Е. Вагин: « В годы нашего знакомства с Игорем

22. Там же, стр. 121.

Вячеславовичем, он не был церковным человеком в строгом смысле этого слова...» («Вече», N 2, стр. 16-17) По-видимому, религия для вождей социал-православия не была самым главным в их жизни. Однако нельзя сказать, что у социал-православных вообще нет никакой веры. Все они глубоко верили в «Великую Россию», мессианство русского народа и в особую «русскую духовность». На этих «трех китах» держится вся социальная доктрина ВСХСОН. Эта вера определила жизненный путь его лидеров.

Вот строки из письма И. Огурцова: «Интересно, что в нашей семье как бы соединились две великие реки — Волга и Днепр, две жизненно важные артерии страны — путь из варяг в греки на Западе и Волга на Востоке, и соединяющим центром вышел Питер, с которым связано и становление новой России Петра, и вся наша послепетровская культура. Для меня все это имеет существенное значение.» («Вече», N 2, стр. 15)

И, наконец, о Е. Вагине. Его политический портрет — ясен. И все же не мешает привести здесь слова Вячеслава Репникова — в прошлом друга Е. Вагина: «Не условия жизни, не положение личности, не отношения между людьми в *нынешней* России, не состояние умов и душ людских, т. е. не то, что в конечном итоге определяет будущую Россию, а сохранение „Великой Единой Неделимой“ — вот что, оказывается, волнует Евгения Вагина, бывшего политзаключенного. Грустно и жутковато становится от такого открытия. По какой шкале ценностей ты измеряешь «величие», Женя?.. И говорить от имени всех русских ты, Женя, не имеешь никакого права!» («Поиски», N 4, стр. 250)

Подводя итог, можно сказать, что мировоззрение социал-православия отличается от большевистского, как зеленый черт от красного. Это подтверждает Л. Бородин, который усматривает у ВСХСОН «ортодоксально-марксистскую установку» по всем основным вопросам. («Вече», N 13, стр. 175) Он пишет: «При ознакомлении с материалами следствия и суда обращает на себя внимание факт, что степень экстремизма каждого участника организации нахо-

дилась в прямой зависимости от глубины и качественности его прошлой веры в идеалы коммунизма.» («Вече», N 13, стр. 167). Но мы знаем, что все они прошли хорошую школу большевистского воспитания и большинство из них не смогло избавиться от комплекса советскости, даже перейдя в оппозицию к советской власти, что осознал из бывших членов ВСХСОН, пожалуй, один Л. Бородин.

Выше мы видели, что циничное отношение к людям, экстремизм, неразборчивость в средствах для достижения цели — все эти большевистские качества перенял ВСХСОН. Вот образцы лицемерия Программы: 1) «Марксистско-ленинское положение о единстве партии, монополизировавшей власть, неизбежно приводит к культу вождя партии, который превращается в деспота.»²³ Но разве ВСХСОН собирался допускать раскол в своих рядах или делить власть с другими партиями?! Разве ВСХСОН не создал культ своего вождя Огурцова всего-то за 3 года?! А что касается превращения в деспота, то это зависит от личных качеств царя или вождя в тоталитарном государстве.

2) «Марксистско-ленинское требование идеологического единства и тоталитарного коммунистического воспитания народа вызывает жесточайшее моральное угнетение всего общества, развращает людей в атмосфере всеобщего лицемерия.»²⁴ Но Программе ВСХСОН не чужды требования ни идеологического единства, ни тотального социал-православия народа, что порождает те же последствия.

Я не мог остановиться на всех противоречиях и демагогических утверждениях Программы. Этого не позволяет объем журнальной статьи. Но я хочу заметить, что, увы, есть люди, склонные видеть во всяком оппозиционном движении в СССР нечто отрадное, тогда как в социал-православии нет ничего гуманистического: ни демократизма, ни антитоталитаризма, ни христианства. Поэтому я хочу предостеречь прежде всего русских: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.» (Мф, 7, 15)

23. Там же, стр. 37.

24. Там же, стр. 37.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Едуард Беккер

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

(НЕМЦЫ В РОССИИ И СССР)

Национальная программа рабочей демократии: ни каких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т. е. государственном отделении их вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие... проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным — и любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу.

Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

Библия. Екклезиаст, глава I.

Часть I

И повел Моисей народ свой из плена египетского на землю предков своих: Авраама, Исаака и Иакова. И сорок лет шли они через моря, горы и пустыни, огнем и мечем прокладывая себе дорогу через враждебные государства. И с ними был Бог.

Случается иногда, что история как бы повторяется в

существенных чертах. Это сходство разновременных, далеко отстоящих друг от друга исторических событий выявляется лишь ретроспективно. Если отбросить все мистическое и иррациональное в библейской трактовке истории еврейского народа, то его добровольное переселение в Египет из-за голода и вынужденное возвращение назад из-за непрекращавшихся притеснений, является сегодня как бы прообразом тех же проблем, возникших у немцев, более двух веков назад переселившихся из Германии в Россию в поисках лучшего удела. Проблема эта — возвращение на свою историческую родину, к исходному началу, возвращение на круги своя. Ибо отрыв от своих национальных корней той части народа, которая добровольно или принудительно покидает свою страну и пытается укорениться в чуждой ей инонациональной среде, всегда оборачивается на практике трагедий: либо утратой языка, культуры и национального самосознания, т.е. ассимиляцией (как правило, насильственной), либо антагонистическим столкновением на национальной почве с коренным населением, к травле и преследованиям, ведущим в конце концов к различного рода гражданско-правовым ограничениям.

*

В царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I Россия утвердила свои границы — с одной стороны, до Урала, а с другой, до Кавказа. Все вновь приобретенные громадные степные пространства предстояло оживить оседлым земледельческим населением и сделать эти приобретения выгодными, прочными и безопасными. Колонизация исключительно русскими силами тогдашних окраин России потребовала бы слишком больших усилий и времени — что казалось правительству несовместимым с пользой и потребностями государства. Вот откуда, собственно, берет начало идея привлечения колонистов из-за границы.

Краеугольным камнем всей колонизационной политики послужил манифест императрицы Екатерины II — от 22 июня 1763 года. В нем с благоволения императрицы

колонистам даровались следующие привилегии: свободный выбор места жительства, рода занятий, свободное отправление веры по уставу и обряду верующих (одновременно запрещалась религиозная пропаганда); колонистам разрешалось строить церкви и колокольни, иметь нужное число пасторов и церковных служителей; им даровалось тридцатилетнее освобождение от платежа налогов в казну (в городах сроком на пять лет) и предоставлялся беспроцентный кредит на строительство домов, обзаведение скотом, сельскохозяйственными инструментами и т. д. на десять лет, с первым погашением долга через три года; им также даровалось свободное внутреннее самоуправление (исключалось какое бы то ни было вмешательство русского начальства во внутренние дела колоний), но с обязательным соблюдением русского гражданского права; колонисты были освобождены от военной и гражданской службы, принявшим русское подданство колонистам гарантировался свободный выезд из империи (но с обязательной выплатой в казну пятой — для проживших в России от 1 до 5 лет — или десятой части своего имущества — для проживших в России 10 лет, после же 10 лет проживания в России колонистам разрешалось выезжать свободно в любое место).

Всеми льготами, говорилось в манифесте, имеют право пользоваться не только приехавшие в Россию колонисты, но и оставшиеся их дети и потомки, хотя бы они и в России рождены были.

Существует мнение, что Екатерина II своим манифестом призывала в Россию в первую очередь немцев, так как сама, будучи немкой, хорошо знала их трудолюбие, практичность и высокий культурно-хозяйственный уровень. Россия же, по ее мнению, могла предоставить немцам-колонистам широкий простор для их деятельности по превращению пустыющих и бесплодных районов Нижнего Поволжья и юга России в цветущие и плодоносные земли. Как бы там ни было, но основная масса колонистов, прибывшая в Россию по приглашению, была из Германии. Нужда и религиозные гонения, а также тяжелые и разорительные для значительной массы крестьян последствия семилетней войны (1756-1763) побудили их покинуть свою родину и отправиться на далекую и неведомую им чужбину в поисках лучшего удела.

В истории немецкого переселения в Россию можно выделить три большие волны: колонизация при Екатерине (1764-1774). В этот период были основаны поволжские колонии на территориях Саратовской и Самарской губерний. Колонизация при Александре I (1803-1823). Заселялся преимущественно юг империи (Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии). Колонизация при Николае I и Александре II (1830-1870). Заселялись, в основном, Волынь и Кавказ.

В так называемый екатерининский период колонисты пользовались льготами. Тем не менее колонизация в целом дала плохие результаты. Колонисты дошли до полного несостояния и изнеможения. Сохранились свидетельства колонистов первой волны из Екатериноштадтского округа на Волге об их бедственном положении в первое десятилетие пребывания в России. Главная причина была в следовавших подряд неурожайных годах, в суровом и непривычном для колонистов климате, а также в многочисленных набегах кочевников-киргизов, грабивших и угонявших в рабство колонистов. Доведенные до отчаяния нуждой и набегами некоторые из колонистов надумали бежать из России обратно в Германию, сговорившись предварительно с местными русскими крестьянами, которые обещали проводить их до польской границы. Когда по уговору первая партия явилась в деревню Березняки, расположенную на правом берегу Волги у Екатериноштадта, крестьяне переправили их ночью на остров и там убили. Не найдя в Березняках ушедших, следовавшая за ними партия почуяла недоброе и вернулась обратно в свои колонии. Вскоре тела убитых были обнаружены на острове. С этого времени за ним осталось название «остров убийств».

Не лучше обстояли дела и у колонистов юга России в первые годы поселения. Они вынуждены были осваивать дикие и нетронутые целинные земли. Пустынные бескрайние степи, покрытые местами густой и высокой травой, старые заброшенные колодцы и бесконечное небо над головой, летом раскаленное от нестерпимого зноя, а зимой выстуженное ледяными буйными ветрами — вот с чем встретились первые колонисты, вступившие на эту землю. Селились они в вырытых ими же землянках, тесных, неудобных и холодных

зимой. Среди колонистов начались массовые эпидемии. Умерших грузили в телеги и без всяких похоронных обрядов и гробов зарывали в землю. В некоторых семьях доходило до того, что дети насмерть забивали своих родителей за то, что те завезли их сюда на верную гибель.

Правительство, как и колонисты, также не было довольно результатами колонизации. Колонисты полагали, что русское правительство обеспечит им безбедное существование без особых с их стороны трудов. Они мечтали найти в России чуть ли не молочные реки в кисельных берегах. А им пришлось селиться в стране, едва затронутой культурой, где нужен был тяжелый труд на целине, где пришлось столкнуться с неподготовленностью местной администрации к приему массы переселенцев. Главная же беда заключалась в том, что сами колонисты оказались малопригодными для той роли, которая им предназначалась: городские пролетарии, ремесленники, всякого рода неудачники, опустившиеся представители интеллигентных профессий, пьяницы, азартные игроки и лентяи составляли, по-видимому, немалый процент среди колонистов.

Один из колонистов так называемой первой волны (1764-1774), офицер Платен, оставил описание не только своего путешествия из Любека в Саратов, но и своего бедственного положения на родине. «Город Любек, писал он, то место, где вербовали переселенцев... Мои же обстоятельства дошли до крайности в то время: не было у меня ни одежды, ни денег, ни имущества; стыдно было перед людьми; я ходил босой, не на что было даже выпить рюмку шнапсу. Вот и взяло меня раздумье: не попытать ли счастья в России? Наконец, решившись, являюсь к комиссару и говорю ему: я офицер хорошего дворянского происхождения и желаю служить императрице».

При Александре I было принято новое дополнение к манифесту, на основании которого производилась дальнейшая колонизация. К переселению в Россию допускались теперь только хорошие земледельцы и мастеровые, имевшие надлежащие свидетельства о том, что они добрые хозяева и могут вывезти с собой в наличном капитале или товарах не менее 300 гульденов. Льготы колонистам давались по новому положению только на десять лет.

Чтобы как-то упорядочить организацию управления колониями и дисциплинировать беспокойную массу колонистов, приучить их к земледельческому труду, а также обеспечить исправную уплату колонистами лежащего на них казенного долга, правительством была разработана специальная инструкция.

Колонистам воспрещалось всякое излишество на свадьбах, крестинах и других пиршествах. На свадьбу не должно было съезжаться более десяти человек гостей, и колонисты не должны были обмениваться подарками, пока не выплатят казне своих долгов. Браки между колонистами заключались только с разрешения конторы опекунства. Им запрещалось убивать скот или продавать его. Свобода передвижения колонистов строго ограничивалась. Не только поведение, но и вся хозяйственная жизнь и деятельность колонистов строго была поставлена под опеку инструкцией. Местное начальство должно было постоянно контролировать все подготовительные работы колонистов к пахоте, сенокосу и уборке хлебов.

Лишь десятилетия спустя жизнь в колониях стала постепенно налаживаться. Колонисты не только выплатили казне долг, но и стали поставлять на рынок различные сельскохозяйственные продукты и мелкие промышленные изделия. Некогда пустынные земли благодаря трудолюбию колонистов превратились в цветущий оазис. Такого прочного благосостояния и экономической силы колонисты достигли не только благодаря своему трудолюбию и дисциплине, а прежде всего потому, что им было даровано самоуправление в сфере сельскохозяйственного общинного быта; над ними был контроль местной попечительной власти, знакомой с действительными нуждами колонии. Затем в жизнь был введен принцип недробления «двора хозяйства», благоприятно сказавшийся на развитии хозяйств колонистов. Колонисты были также избавлены от «опеки» местных властей.

Этих благотворных условий было лишено русское крестьянство. Крепостные находились в положении, не благоприятствующем развитию общественного порядка и культуры: рабство никого и никогда не вело к прогрессу.

По мере упрочения быта и роста материального благосостояния колонистов, расширения землевладения и заметного вrastания в общественно-экономическую жизнь страны — в русском обществе возникло так называемое движение против немцев-колонистов. Негативное отношение к иностранной колонизации существовало еще в екатерининский период (1764-1774). Очень нелестный отзыв о первых немцах-колонистах дал граф Орлов — первый президент канцелярии опекунства иностранцев. Он обвинял их в лени, пьянстве и неумении вести сельскохозяйственные работы. Такого же мнения о колонистах был астраханский губернатор Кречетников. Оба считали, что колонизация не оправдывает себя и принесет государству одни убытки. Но практика показала всю ошибочность подобных взглядов. Немцы-колонисты с честью выполнили свою историческую миссию, которая была возложена на них русским правительством: они освоили значительную часть огромных просторов Нижнего Поволжья и юга России.

Казалось бы, видеть в этом вред для России, доказывать это — значит утверждать явную несообразность, вступать в противоречие с самой действительностью. Но несмотря на явную абсурдность такого утверждения движение против немцев-колонистов с каждым годом приобретало все больший размах, достигнув своего апогея в Первую мировую войну.

Кажется достойным удивления сомнительный и крикливый патриотизм некоторых публицистов, которые, не зная, кто такие поселяне-собственники (следует отметить, что с 1871 года с немцев-колонистов было снято их обособленное положение, они были приравнены к сельским обывателям и подчинены местным крестьянским учреждениям; теперь они должны были вести на русском языке всё делопроизводство в общественном управлении; в школах стали изучать два языка: немецкий и русский; воинская повинность стала обязательной для всех русскоподданных немцев-колонистов), не зная их прошлого, их жизни в России, возбуждали против них чувство племенной ненависти.

Эти «патриоты»-публицисты обвиняли немцев в полити-

ческой неблагонадежности. Они уверяли, что немцы-колонисты представляют из себя армию в несколько сот тысяч человек, которые только и ждут удобного случая, чтобы открыть дорогу германскому войску. В подтверждение этих слов приводились следующие доказательства: в комнатах колонистов висят портреты Вильгельма и Бисмарка.

Почему и как возникло в русском обществе движение против колонистов и каковы социальные корни этого негативного отношения ко всему немецкому? В России исторически подготавливалось естественное нерасположение к «немцу». Политика экспансии, направленная прежде всего на территориальное расширение, активно проводившаяся как Россией, так и Германией, очень часто сталкивала их интересы. Проблемы решались отнюдь не всегда дипломатическим путем. Вся экономическая и культурная история развития России тем или иным образом тесно переплеталась с Западом. Германия по своему влиянию на европеизацию общественной жизни России занимала одно из первых мест. В русском обществе всегда находились влиятельные оппозиционные силы, настроенные против какого-либо иностранного влияния. В самосознании русского общества — разумеется, не без помощи идеологов — исторически это закреплялось в форме негативного отношения ко всему немецкому, якобы вносящему элемент жестокости и грубости в самобытную русскую жизнь и представляющему собой потенциальную угрозу независимости страны.

И первой причиной возникновения антиколониистского движения было смешение понятий: немец-иностранец и немец-колонист, переселившийся в Россию в конце 18-начале 19 веков. Немецкие колонии густонаселенным архипелагом вклинивались в обширную русскую империю в самых различных местах, продолжая оставаться по языку, культуре, самосознанию населения и укладу жизни инородным телом в России. Вот эта-то национальная обособленность, противостоящая ассимиляции, несмотря на тотальное давление со стороны государства и общества в целом, и была причиной появления неприязненного отношения ко всему немецкому.

Укреплению и развитию антиколониистского движения, повсеместно начавшейся травле лиц с немецкими фамилиями содействовал ряд тенденциозных сообщений некоторых органов печати, в которых факты и вымыслы комбинировались таким образом, чтобы на немцев-колонистов пала густая тень. Пресса уверяла общественное мнение в том, что правительство, предоставляя льготы колонистам, превратило их в волков в овечьей шкуре, пожирающих коренное население. Отсюда-де необходима охота на этих волков в овечьей шкуре.

Действительно ли русские крестьяне испытывали экономическое давление со стороны бывших колонистов? Действительно ли культурно-образовательное значение колонистов не имело никакого положительного воздействия на русских крестьян?

По мнению Каменского П. В., близкое соседство бывших колонистов с русскими крестьянами оказывало благотворное влияние на весь уклад их жизни: хаты чистые, опрятные, с удобной и правильной архитектурой. Амбары и риги заполнены хлебом. Немецкое хозяйство, по словам Каменского, пользовалось всегда большим авторитетом у русских крестьян. Недаром они говорили: «Не делаем так потому, что немцы не делают, смотрим на немцев».

В 1895 году, резюмируя свои размышления о так называемом немецком засилье, Каменский писал: «Грустно и противно видеть это, ничем не вызванное со стороны поселян (т. е. немцев-колонистов), глумление над ними... В настоящее время уже может быть всеобщим достоянием идея о первенствующем значении в общежитии начал правды и справедливости. Всякий акт жестокости и несправедливости оставляет ряд горестных последствий, приносящих ущерб государству и обществу. И этот ущерб будет весьма ощутимым для нашего государства, если против одной части его верноподданных сынов будут подняты подозрения, несправедливые ограничения в правах, т. е. всё то, что создает особенное положение, подрывающее чувство любви к своей родине, убивающее сознание гражданского равноправия. Трудно, впрочем, допустить, чтобы государство, создав из призванных им иностранцев образцовый по своей

честности, трезвости, трудолюбию класс ныне русских граждан, вдруг вздумало выбросить их из новой родины».

Призыв к охоте на волков в овечьей шкуре (т.е. на немцев-колонистов) с новой силой прозвучал в Первую мировую войну, благо, это занятие стало поощряться теперь самим правительством. Германофоб Ренников писал:

«В России немецких колонистов около двух миллионов... не ясно ли отсюда, что Россия — самая серьезная и богатая немецкая колония?.. Мы самая большая германская колония — и мы до сих пор молчим. В нас не проснулся еще дух освобождения, не поднялся свободный голос за самостоятельность родины, за освобождение земли от унижительной роли колонии».

В русском обществе, твердо заявляет Ренников, сложилось желание подписать с немцами мир только в Берлине. Но пусть русское общество не забывает, предостерегает он, что Берлин есть не только в Германии, но и в России. Германский Берлин наши доблестные войска, без сомнения, возьмут. Но сломят ли наши доблестные канцелярии русский Берлин? Русский Берлин, по мнению Ренникова, гораздо опаснее германской столицы. И если Россия действительно поставила себе задачей освободить Европу от Берлина в Германии, то не мешало бы ей... совершенно ликвидировать Берлин у себя дома.

Шовинистический угар, искусно раздуваемый прессой посредством фальсификации фактов и их тенденциозного подбора и освещения, имел в итоге последствия, чреватые бедой для немцев-колонистов. Бесспорно, пресса внесла значительную лепту в дело подготовки правительством ряда репрессивных мер против немцев-колонистов, взвинчивая без конца общественное мнение всякого рода слухами об измене и политической неблагонадежности их, возбуждая в сознании русского общества чувство ненависти ко всему немецкому.

Но не только пресса занималась травлей русскоподданных немцев. Тем же чувством ненависти пронизаны и выступления многих общественных деятелей, мнения которых играли зачастую решающую роль при разработке определенных правительственных мероприятий. Так, князь

Святополк-Мирский, член Государственной Думы, заявил в своем публичном выступлении по поводу так называемого немецкого засилья следующее: «Мне кажется, что в связи со всем свершившимся, в связи с неизбежным характером будущих русско-немецких отношений, в России больше не должно быть места ни для чего немецкого. Слово «немец» отныне у нас должно означать подданный враждебной нам державы. В России не должно быть русскоподданных немцев. У нас есть или лица, носящие немецкие фамилии, вполне обрусевшие, духовно и культурно слившиеся с великим русским народом, или лица, даже и теперь не желающие порвать с враждебной нам кровожадной культурой. В России не должно быть отныне и не может быть места ни для чего немецкого, в том числе и для немецкого языка.

Лиц, упорствующих в своей враждебности к русскому языку и культуре, мы не можем заставить отказаться от своего немецкого языка и культуры в домашнем их обиходе, но зато, по крайней мере, они отныне не могут претендовать на применение и употребление немецкого языка во всех тех отраслях жизни, которые подлежат контролю государственной власти, а именно в сфере жизни коммерческой, школьной, общественной и государственной...

Нет ли в принудительной ликвидации немецкого колониетского землевладения чего-либо противоречащего этическим началам? Справедливо ли теперь гнать немецких колонистов с русской земли? Ведь в свое время мы их сами вызывали, сами наделяли землей, предоставляли возможность сладко жить здесь и благоденствовать. Но колонисты знали цель приглашения — это делалось в надежде, что они принесут пользу стране, их принявшей. Колонисты же в отношении России стали в положение неблагодарного приемыша, сердце которого неспособно смягчить никакое благодеяние».

Нужно было просто не желать ничего знать о культурно-хозяйственном вкладе в жизнь России, сделанном немцами-колонистами за свое более чем вековое пребывание в этой стране, чтобы заявить подобное с трибуны Государственной Думы. Это сделал ярый противник всего немецкого, князь Святополк-Мирский.

С трибуны Государственной Думы звучали также призывы к полной ассимиляции немцев с коренным населением. Немцы, как национальная, культурная этническая общность, должны полностью слиться по языку и укладу жизни с русским народом. Наиболее примечательна в этом отношении речь министра внутренних дел Н. Б. Щерба-това на одном из заседаний Думы. «Нельзя отрицать, что вековая, местами даже полуторавековая свобода, широкое гостеприимство, которое было оказано Россией этим пришельцам, не оправдались. Они пользовались полной свободой в отношении религии, школы, своих внутренних учреждений, и в награду за это часто... мы видим, при полном отсутствии стремления к ассимиляции, лишь презрение к русским коренным обычаям и привычкам. Теперь приходится думать не только о том, каким образом ограничить их землевладение (я думаю, что это вопрос второстепенный), а о том, какие нужно принять меры, действенные и энергичные, к тому, чтобы это население было действительно ассимилиро-вано».

2 февраля 1915 года был издан закон о землях немцев-колонистов, согласно которому русскоподданным немцам-колонистам сельских и волостных обществ, хотя бы последние и даже их отцы, деды и прадеды числились русскоподданными, воспрещалось впредь покупать, арендовать, нанимать и брать в залог где бы то ни было в России недвижимое имущество. Действие настоящих правил, оговаривалось в законе, не распространяется на лиц, православных от рождения и принявших православие не позже как за полгода до настоящей войны, а также на дедов, отцов, сынов и внуков, павших на войне, либо добровольцев или награжденных знаками военного отличия.

13 декабря 1915 г. был издан закон о ликвидации всего немецкого землевладения. Все русскоподданные немцы-колонисты должны были в течение десяти месяцев продать добровольно свое недвижимое имущество (внегородские немецкие земли). Предельный срок продажи земель истекал к первому января 1917 г., а аренда земли прекращалась с 13 декабря 1916 г. По истечении указанного срока все непроданные земли немцев-колонистов насильственно отчуждались в пользу государства без возмещения ущерба.

В чем же усматривало правительство реальную угрозу для безопасности страны от немецкого землевладения, опасность от немецкого элемента в России вообще?

Согласно официальной версии, германские правители давно уже обратили внимание на русскоподданных немцев-колонистов. Они, де, сообразили, что целые губернии России, и притом важные в военном отношении, густо заселены потомками их бывших соотечественников, которые, хотя сами уже родились в России и считаются русскоподданными, однако, по языку, верованиям и духу все же остаются чистокровными немцами. Германия, якобы, решила извлечь из этого определенную пользу. В Германии, утверждалось далее, был принят закон о двойном подданстве, согласно которому, всякий немец, хотя и принявший русское подданство, остается, несмотря на это, и германским подданным. Затем германское правительство стало, якобы, внимательно следить за расселением немцев-колонистов по разным местам России и направляло своих выходцев туда, где это могло быть выгодно для германских военных властей. В Германии-де учреждались особые кредитные банки и общества, которые снабжали колонистов деньгами на покупку русских земель в нужных для нее местах. С началом войны с Германией это, дескать, стало всем ясно, и именно поэтому правительство приступило к изданию закона о выкупке у немцев-колонистов всей земли.

С точки зрения исторической, версия о том, что немцев-колонистов будто направляли туда, где это было выгодно для германских военных целей, надуманна и грубо тенденциозна. Выбор места заселения определялся не колонистами, а русским правительством; оно же при этом руководствовалось одной единственной целью: заселить пустующие земли империи оседлым земедельческим населением и превратить их в выгодные для государства благоустроенные владения.

В самом начале войны административные и военные власти, руководствуясь правительственными установлениями применяли к немецким колонистам меры репрессивного характера: исходили из предположения о том, что они могут быть опасны, а потому из местностей пограничных все немцы поголовно были высланы в отдаленные губернии.

Высылка осуществлялась, как правило, этапом (немцы ехали вместе с уголовными преступниками) и была сопряжена с невероятными страданиями. В числе высланных оказался даже бывший член Государственной Думы Бракман, старик 74-х лет.

С самого начала войны в стране было организовано доносительство в таких размерах, которое едва ли знала когда-нибудь история.

Существовавшая в стране атмосфера острой антипатии, острой вражды и подозрительности ко всему внутри-немецкому создала почву для разработки тотальных репрессивных мер против немцев-колонистов. Царское правительство уже накануне своего краха подготовило постановление о высылке всех русскоподданных немцев из европейской части империи в отдаленные губернии. План этот не был осуществлен: царь Николай — был вынужден отречься от престола и был сослан Временным правительством в Тобольскую губернию, куда, по замыслу его верноподданных министров, следовало выслать немцев-колонистов.

Временное правительство отложило решение вопроса о высылке немцев до созыва Учредительного собрания, которое, как известно, было разогнано большевиками как контрреволюционное. Окончательно постановление о высылке русских немцев было отменено после установления в России Советской власти. Однако спустя двадцать четыре года, в начале Второй мировой войны, Сталин с невероятной жестокостью реализовал царский указ, депортировал поголовно всех немцев в отдаленные районы страны.

Итак, как же оценивали полуторавековую историю пребывания немцев-колонистов в России те общественные силы, которые определяли политику, экономику и культуру государства.

Увы, следует сказать, что оценка в общем была негативной. Несмотря на свой, очевидно огромный, культурно-хозяйственный вклад в историю развития России, немцы-колонисты так и остались для многих русских неблагодарными приемышами и чуждыми пришельцами с Запада, поскольку не желали ассимилироваться и сохранили свой, резко отличный от русского, национальный уклад

жизни, в чем усматривалось их тайное стремление к государственной измене и т. д. и т. п. О том, что такая негативная оценка немцев-колонистов в русском обществе доминировала над всеми остальными, свидетельствует ряд дискриминационных указов царского правительства применительно к русскоподанным немцам.

Было бы заблуждением, однако, полагать, что абсолютно все русское общество плохо относилось к немцам-колонистам.

*

Сразу после Октябрьской революции декретом Совнаркома в Саратове был создан Комиссариат по делам немцев Поволжья. Под руководством этого комиссариата в июне 1918 года в Саратове состоялся первый съезд Советов Немцев Поволжья. На втором съезде немецких советов в октябре 1918 года был получен и оглашен декрет о провозглашении Автономной трудовой коммуны области немцев Поволжья. Это был первый акт советского правительства такого рода, первая проба осуществления национальной политики и программы Советов:

«В целях укрепления борьбы за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты Поволжья, развивая принципы, положенные в основу устава Поволжского Комиссариата по немецким делам... а также в согласии с единодушно высказанными пожеланиями I-го Съезда Совдепов немецких колоний Поволжья Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Местности, заселенные немцами-колонистами Поволжья и выделившиеся ... в уездные Советы, образуют в порядке статьи II основного закона Росс. Соц. Рес. областное объединение с характером трудовой коммуны, в состав которого входят соответствующие части территорий уездов Камышинского и Актарского, Саратовской губернии, и Новоузенского и Николаевского, Самарской губернии.

2. Все вопросы, вытекающие из образования нового территориального объединения с немецким населением, разрешаются в установленном порядке, причем Поволжский Комиссариат по немецким делам и Самарский и Саратовский Губернские Совдепы обязываются немедленно избрать

ликвидационные комиссии для оформления в кратчайший срок этого объединения.

3. В точном соответствии со статьей II основного закона Съезд Совдепов на выделенной территории с немецким населением избирает Исполнительный Комитет, являющийся центром Социалистической Советской работы среди немецкого трудового населения, следящий за правильным проведением в жизнь декретов и распоряжений Советской власти и дающий в этом отношении все необходимые директивы на местах.

4. Вся власть на местах в пределах, указанных ст. 61 основного закона, в объединенной, согласно п. I территории, принадлежит Исполнительному комитету, избранному Съездом Совдепов немецких колоний Поволжья и местным Советом немецких рабочих и немецкой бедноты.

5. Все мероприятия Советской власти, направленные к проведению в жизнь диктатуры пролетариата и бедноты, а также к переустройству всей политической и экономической жизни на социалистических началах, проводится в указанной выше области, заселенной немцами-колонистами, через Исполнительный комитет Совдепов немецких колоний Поволжья.

Почему бы не учиться и у немцев? Общеизвестна была их дисциплинированность, трудолюбие, практичность и высокий культурно-хозяйственный уровень. Такие надежные рабочие руки и нужно было привлечь на свою сторону еще неокрепшей молодой Советской власти для восстановления экономики (в первую очередь, сельского хозяйства, так как страна стояла на грани тотального голода). Декрет Народных Комиссаров, разом отменивший все гражданско-правовые ограничения, введенные для немцев-колонистов правительством Николая II, и конституционно гарантировавший им национальное самоопределение, экономическое, политическое и культурное равенство с другими нациями России, укрепил доверие немцев-колонистов к Советской власти и стал в тот момент наилучшим стимулом их трудового и политического энтузиазма в деле созидания нового общества.

Немцы-колонисты активно защищали революцию на фронтах гражданской войны. После образования Автономной области приступили к организации национальных

красных войск. Осенью 1918 года за короткий срок был сформирован 1-й Екатериноштадтский коммунистический полк (2000 штыков), который отправился на фронт, на оккупированную тогда германцами Украину. Весной 1919 года был сформирован 2-ой (Бальцерский) добровольческий пехотный полк. В том же 1919 году сформирован и 1-й немецкий кавалерийский полк, выросший позже в кавалерийскую бригаду. В январе этот полк отправился на фронт — на борьбу с Врангелем, Махно и поляками в составе армии Буденного. В августе 1920 года на Врангелевский фронт из Маркштадта отправился немецкий пехотный батальон.

6 января 1924 года Автономная область немцев Поволжья была преобразована в Автономную Социалистическую Советскую Республику немцев Поволжья (АССР НП).

Исходя не только из политических деклараций первых лет Советской власти, но и из реальных фактов, необходимо констатировать, что в плане решения национальных проблем было сделано уже много существенного и позитивного. Иначе и быть не могло. Россия — государство многонациональное, и жизнеспособность новой системы зависела в первую очередь от внутривнутриполитического решения национального вопроса.

В первые годы своего существования Советская власть решала национальные вопросы очень глубоко и тактично: система тогда еще недостаточно окрепла экономически и политически, чтобы игнорировать подлинно национальные интересы народов в угоду конъюнктурным интересам. Это потом, накопив силу и опыт, власти предрержащие стали решать национальные проблемы при помощи большой дубинки.

Радикальное изменение правового, национального и политического статуса немцев-колонистов, осуществленное Советской властью, выработало и укрепило в их сознании иллюзию о том, что они, перестали, наконец, быть чуждыми пришельцами с Запада и неблагодарными приемными детьми России, что, наконец-то, обрели утраченное чувство родины, реальное равноправие во всех сферах общественной жизни и национальную автономию. Эта иллюзия надолго ослепила

немцев и сделала свое дело: мобилизовала немецкие трудовые массы на хозяйственно-культурное строительство.

Но в середине 30-х уже началась за кулисами Кремля скрытая подготовка к тому, чтобы обвинить советских немцев в пособничестве Гитлеру: фабриковались мифические улики и вещественные доказательства их вины. Соответствующие органы обрабатывали и обобщали этот материал. Главным дирижером всей этой авантюры был вождь народов — Иосиф Сталин.

Такое недоверие к советским немцам было обусловлено в первую очередь сложившимся международным положением. С приходом к власти Гитлера, Германия, в которой вот-вот ожидалась пролетарская революция по образцу Советской, превратилась для Советского Союза в коварного, опасного и жестокого врага. И незамедлительно же над советскими немцами стали сгущаться тучи политического недоверия. Проницательный вождь народов априори заключил, что в будущей неизбежной схватке между двумя тоталитарными государствами, советские немцы окажутся своего рода пятой колонной в непрочном и беспокойном тылу. А так как вождь народов никогда не ошибался и не испытывал головокружения от успехов, то участь советских немцев была предрешена. Соответствующие органы бесшумно приступили к проведению «профилактических мер» среди немецкого населения Поволжья и других мест: обезвреживались «шпионы и диверсанты», которые по директиве фашистской Германии готовили различные диверсионные акты и т. д. и т. п. Этому усиленному террору против советских немцев способствовала и общая атмосфера подозрительности и репрессий, царившая в стране.

Страна с жесткой однозначностью разделилась на надзирателей и поднадзорных. Показателем лояльности и гражданской сознательности становился донос на родных, друзей и знакомых. Вся страна во главе с вождем бодрствовала по ночам. Надзиратели хватали, сажали, допрашивали, расстреливали, а поднадзорные либо писали друг на друга доносы, либо подслушивали у чужих дверей и окон, либо в страхе не спали по ночам, ожидали уверенного стука в дверь.

Начавшаяся война разом положила конец мнимому

социальному благополучию АССР немцев Поволжья, ее так называемым экономическим и культурным достижениям и выявила истинное отношение власти имущих к этому национальному меньшинству — ведь немецкий народ с его «замечательным социалистическим сознанием» был огульно обвинен в пособничестве фашистской Германии и депортирован в отдаленные районы страны — Сибирь, Урал, Казахстан, Алтай.

Трагическому событию в судьбе советских немцев предшествовал указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»:

«Согласно точным сведениям, полученным военными органами, — говорилось в указе, — среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи диверсантов и шпионов. По сигналу, данному из Германии, должны проводиться взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья. О наличии такого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья ни один из немцев, проживающих в районах Поволжья, не сообщил советским органам, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает наличие среди них врагов советского народа и советской власти. Но если в случае указания из Германии немецкие диверсанты и шпионы будут проводить диверсии в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, то, во избежание кровопролития, советское правительство будет вынуждено, согласно законам военного времени, предпринять меры ко всему немецкому населению Поволжья.

С целью предотвращения этих нежелательных явлений и чтобы не допустить серьезного кровопролития, Президиум Верховного Совета СССР нашел необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, при этом наделить переселенцев землей и оказать государственную помощь в устройстве в новых районах.

Для поселения предназначены богатые пахотными землями районы Новосибирской, Омской областей, Алтая и Казахстана, а также других соседних областей.

Согласно этому, Государственному комитету обороны страны немедленно произвести переселение всех немцев Поволжья и обеспечить землей и земельными участками в новых районах».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин, Секретарь Президиума Верховного Со-
вета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль, 28 августа 1941 г.

Пароксизм страха и недоверия сделал свое дело: вождь и учитель народов накинул петлю на горло республики. Операция по выселению немцев Поволжья проводилась с неслыханной поспешностью. В течение очень короткого времени территория АССР НП была очищена от «враждебного и неблагонадежного» немецкого элемента. Отряды НКВД заградительным кольцом охватили всю территорию республики, блокировав все выходы за пределы населенных пунктов. Прекратились все полевые работы, горы обмолоченного хлеба лежали на токах и под открытым небом; колхозные стада, оставленные без присмотра, поедали зерно. Остановились заводы, фабрики. Пустовали колхозные мастерские, школы и учреждения. Суды не выносили больше приговоров, издательства прекратили выпуск газет, журналов и книг. Поспешно вывозились под строгой охраной ценности и архивы республики. Правительственно-партийная верхушка автономной республики была репрессирована.

По пыльным степным дорогам Поволжья потянулись к ближайшим железнодорожным станциям вереницы подвод с людьми и вещами. Заранее подогнанные товарные вагоны битком загружались людьми, и под бдительной охраной НКВД составы один за другим отправлялись к месту назначения.

Невозможно, пожалуй, выразить всю глубину нравственного потрясения, охватившего нацию. Ни у кого не было больше никакой надежды — только отчаяние. Произошла беспрецедентная в истории человеческой цивилизации социальная метаморфоза: вся нация от мала до велика стала поднадзорной. В этой ситуации нужно было либо смириться, продолжать жить, приняв позор и ужас действительности, либо взбунтоваться и подписать себе тем самым смертный приговор. И народ смирился.

Медленно и долго шли товарные поезда. Под стук колес умирали старые и больные, их наспех хоронили на коротких стоянках и без слез и причитаний снова возвращались в

эшелоны, чтобы продолжить свой путь. Заботливые руки на виду у всех принимали роды — жизнь продолжалась.

Новая книга:

ВЕСТИ ИЗ СССР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF

HUMAN RIGHTS

Редактор Кронид Любарский

Wolfratshauer Str. 68/III · 8000 München 70 · Tel. (089) 723 25 34

Editor Cronid Lubarsky

**СПИСОК
ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ
СССР**

ВЫПУСК 7

**ПО СОСТОЯНИЮ НА
30. 10. 1985**

Published by DAS LAND UND DIE WELT e.V.
Schellingstrasse 48, 8000 MÜNCHEN 40, BRD. Tel. (089) 272 28 99.
Telex 5218017 unbt d

ИСМАИЛ-БЕЙ ГАСПРИНСКИЙ И НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ ДЖАДИДОВ В РОССИИ

В апреле 1883 года, через сто лет после аннексии Крыма Российской империей, в бывшей столице Крымского ханства Бахчисарае, который к тому времени превратился в обычный провинциальный город, вышел первый номер газеты «Терджуман» («Переводчик»). Редактором газеты был молодой крымский татарин Исмаил-бей Гаспринский. Всего лишь несколько лет спустя Гаспринского уже называли «величайшим мусульманским реформатором XIX века», «человеком, пробудившим тюркский мир». Год выхода I номера «Переводчика» можно считать годом начала культурного и политического возрождения тюрок-мусульман царской империи.

Именно Гаспринский и его газета стали той животворной силой, что преобразила сознание мусульманской интеллигенции в России. Для того, чтобы понять причину этого глубокого воздействия, нужно рассмотреть деятельность Гаспринского в широком историческом контексте.

*

Русские войска оккупировали Крым впервые в 1736 году, затем — в 1771, и наконец, окончательно, в 1783 — в тот год бывшее ханство было включено в состав империи. Политика Екатерины II по отношению к Крыму считалась более осторожной и более либеральной, чем та, которую проводил двумя столетиями ранее Иван Грозный, захватив татарские и башкирские земли на Средней Волге. Надеясь избежать ошибок Ивана Грозного, Екатерина утверждала, что не будет проводить принудительную политическую ассимиляцию крымских татар, а Русской православной церкви было

* Статья из книги «Исмаил-бей Гаспринский. Русское мусульманство», Society for Central Asian Studies, Oxford, 1985 (перевод с английского).

предложено воздержаться от миссионерской деятельности в Крыму. Мусульманам была фактически гарантирована полная свобода вероисповедания. Все исламские религиозные институты времен ханства остались нетронутыми. В 1794 г. муфтий Бахчисарая был официально признан духовным лидером мусульманской общины. Однако, как муфтий, так и все прочие мусульманские духовные лица в Крыму находились под контролем русских властей.

Введение новых правил означало, что муфтий, так же как и другие мусульманские иерархи (кади аскер и кадий, например) больше не избирались мусульманским населением, а назначались самой царицей из среды «заслуживающих доверия и законопослушных граждан». Собственность церкви осталась практически нетронутой — ее не реквизировали, как на Средней Волге при Иване Грозном, и доходы от этой собственности поступали в руки мусульманского духовенства: оно могло распоряжаться ими по собственному усмотрению. Такой либерализм Екатерины гарантировал сохранение крымскотатарского духовенства как сильной и богатой части населения Крыма, инстинктивно консервативной, лояльной по отношению к дому Романовых, не желающей никаких реформ, которые могли бы угрожать их привилегиям.

Подобную политику (которая, правда, оказалась не долговременной) Екатерина проводила и по отношению к крымскотатарской знати: местной аристократии были гарантированы такие же права и привилегии, как и русскому дворянству. В начале XIX века этому классу, составлявшему не более пяти процентов населения Крыма, принадлежало 60% обрабатываемых земель. Однако вскоре крымскотатарская знать убедилась в том, что она не может конкурировать с русскими, особенно с фаворитами Екатерины и важными государственными чиновниками, которым императрица предоставила исключительное право владения обширными пространствами на севере и в центре Крыма, а также вдоль южного побережья, — такую политику проводили все русские правители, вплоть до наших времен.

После 1789 г. крымскотатарская цивилизация оказалась под угрозой также и из-за наплыва большого числа колонистов различного происхождения и даже разных рас, в

частности греков, армян, румын и молдаван, украинских казаков, немцев-менонитов, евреев из Польши, болгар. Александр I — большой любитель классической древности — даже хотел объявить Крым греческой территорией. По его приказу власти пытались уничтожить все следы, напоминавшие о Крымском ханстве. Еще раньше, с 1784 г., Крым перестали называть Крымом и стали называть эти земли Тавридой. Старые тюркские названия изменили на греческие: так, Ак-Мешит превратился в Симферополь, Эски-Крым стал Левкополем, Гёзлеве — Евпаторией, Кефе — Феодосией и т. д.

В условиях постоянного давления татарская знать постепенно теряла благополучие, многие обеднели. Из этой среды обедневшего татарского дворянства и вышли в конце XIX века выдающиеся реформаторы и идеологи пантюркизма, в том числе Исмаил-бей Гаспринский.

Татарские крестьяне еще в большей мере, чем дворяне, страдали вследствие проводимой русскими политики. Не имея возможности оказать русским вооруженное сопротивление, многие попытались воспользоваться более подходящей альтернативой — эмиграцией в Оттоманскую империю. И действительно, наиболее заметными вехами в истории Крыма XIX века были периодические миграции тысяч татар — обычно в ужасных условиях, стоивших многим из них жизни.

Первый исход был относительно небольшим — в 1784-87 гг. в Турцию бежало около 8000 человек. Второй, больший исход начался после подписания Ясского договора (6 января 1792 г.), завершившего русско-турецкую войну 1787-1791 гг. Этот договор для татар означал конец всяким надеждам на восстановление утраченной независимости: от 100 до 300 тысяч татар — главным образом, кочевников из степного центрального и северного Крыма — бежали в Оттоманскую империю. На их место пришли русские колонисты. В 1812 г., после завершения еще одной русско-турецкой войны, эмигрировала из района Перекопа в Турцию Ногайская орда.

Еще одна большая волна эмиграции приходится на 1860-63 гг., — время после Крымской войны. Из страха перед репрессиями русских приблизительно 140 тысяч крымских

татар — около двух третей всего мусульманского населения Крыма — покинуло свою родину. В 1864 г. татарская община Крыма составляла менее 120 тысяч человек. Как и прежде, опустевшие земли доставались русским и украинским поселенцам. Две дополнительные волны эмиграции во второй половине XIX в. еще более уменьшили численность татарской общины Крыма. 60 000 татар покинули Крым в 1874-75 гг., опасаясь как набора в русскую армию, так и принудительного обращения в христианство. Еще 20 тысяч татар из-за бедственных условий жизни покинуло Крым в 1891-1902 гг.

Во время переписи 1897 г. все население Крыма составляло 525 тысяч, из которых только 188 тысяч (36%) были татары: в основном бедное сельское население, живущее под постоянной угрозой ассимиляции. Русские обозреватели в это время пришли к совершенно логичным выводам, что оставшиеся татары будут либо ассимилированы, либо вытеснены из Крыма русскими и прочими «европейцами» — иммигрантами из других частей Российской империи.

Даже находясь под сильным прессом, крымские татары не были совершенно изолированы. Они были частью большой (в несколько миллионов человек) мусульманской общины России, интеллектуальное и политическое руководство которой осуществлялось преимущественно казанскими татарами. Когда русская армия заняла значительную часть Восточной Анатолии и захватила Эрзерум в 1878 г., тюрки-мусульмане остро почувствовали опасность оказаться один на один с технологически более сильными «неверными» — особенно после того, как начали быстро таять надежды на помощь разваливающейся Османской империи. Это ощущение общей угрозы порождало различные еще неясные тенденции в национальном сознании мусульман России, основанные на понимании того, что без объединения, пусть даже в слабо выраженной форме, они обречены на рабство и ассимиляцию.

Проявлением этих тенденций стало мусульманское реформистское движение, известное под названием *джадидизм*. Оно искало пути модернизации мусульманского общества в сфере языка, образования, политики и культуры.

Инициаторами движения джадидизма были казанскотатарские интеллигенты — Шихабеддин Марджани (1815-1889), Абдул-Хайюм Насыри (1824-1907), Хусейн Фейзхани (1826-1866) и многие другие. Вскоре, однако, руководство движением перешло преимущественно к крымским татарам. Это произошло вовсе не случайно, а благодаря активной деятельности одного из наиболее дальновидных, особо выдающихся людей в современной тюркской истории — Исмаил-бея Гаспринского.

*

Исмаил-бей Гаспринский (по-татарски, Гаспдали) родился в 1851 г. в деревне Гаспра, в Крыму, в семье обедневшего дворянина (мурзака). После окончания сельской школы (мектебе) он был отправлен в Москву, где, вероятно, получил образование в кадетском корпусе. В Москве молодой Гаспринский дружил с известным славянофилом Катковым. Через Каткова Гаспринский познакомился с русским национализмом и с русским либеральным и радикальным политическим движением. Тогда же он познакомился с работами Герцена, Чернышевского, Белинского и Писарева.

В 1867 г. Гаспринский вернулся в Крым, где начал работать преподавателем русского языка в известном медресе Зинджирали и в мектебе Деренкоя. Его первые опыты не были по достоинству оценены: из-за смелой критики традиционных методов преподавания он подвергся нападкам со стороны консервативно настроенных учащихся и коллег-преподавателей. В результате он вынужден был оставить оба места работы.

В 1871 г. Гаспринский уехал из Крыма и некоторое время путешествовал за границей. Сначала он прибыл во Францию, где познакомился с французскими либералами и социалистами. (Гаспринский был одним из первых мусульманских писателей, интересовавшихся проблемами социализма — см. его памфлет «Критический взгляд на европейскую цивилизацию»). В 1875 г. Гаспринский покинул Францию и уехал в Турцию, где встречался с лидерами движения «младотурок», идеология которого глубоко повлияла на его собственное мировоззрение.

После возвращения в Россию в 1877 г. Гаспринский был избран городским головой Бахчисарая. В это время он поставил перед собой задачу, достойную Геракла, — создать научную базу для зарождающегося тюркского национально-го движения. Будучи признанным авторитетом в области просвещения, лингвистики, истории и литературы, Гаспринский имел достаточные основания взяться за это дело. Его политический кругозор был необычайно широк для молодого мусульманина, оригинален и многопланов. Во время своих путешествий Гаспринский воспринял идеи многих иностранных общественных движений, в том числе — идеи русских славянофилов-народников, французских либералов и умеренных социалистов, пантюркизм младотурок и немецкий романтизм. Но в центре идеологии Гаспринского всегда был только ислам. По мнению Гаспринского, никакая серьезная политическая доктрина или культурная программа не может быть создана только на основе чужих идеологий. Какие-либо иностранные идеи могут быть с успехом использованы для решения проблем мусульманских народов России лишь в том случае, если решающее влияния (или роль катализатора) будет оставаться за исламом.

Основные проблемы, которыми занимался Гаспринский: модернизация мусульманских общин при помощи реформ образования; духовное и политическое единство тюрков-мусульман Российской империи, поиски определенной формы сотрудничества, которое должно быть установлено между русскими мусульманами и Западом, представленном в первую очередь Россией.

«Новый метод»

Гаспринский взялся за решение первой проблемы с присущим ему энтузиазмом, используя все свои знания и опыт. Не удивительно поэтому, что исламская модернизация при помощи реформы образования оказалась наиболее успешным его предприятием. Гаспринский начал проводить реформу образования по «новому методу» (усул-у джадид), который впервые применил в организованной по собственному замыслу школе в районе Кайтаз-Ага, в Бахчисарае. «Новый метод» затем вытеснил «старый метод» (усул-у

хадым) во всех мусульманских образовательных учреждениях. Как пишет Эдуард Ладзерини («Jadidism at the Turn of the Twentieth Century», *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, v. XVI, N 2, IV-VI 1975, p. 254), «старый метод» требовал, чтобы учащиеся учили наизусть Коран и другие религиозные тексты — это был, по мнению религиозных учителей, единственно достойный способ приобретения знаний. Метод заучивания наизусть препятствовал получению всесторонних знаний. Более того — учить на память нужно было с арабского, что было особенно трудно для тюркских детей, поскольку они чаще всего не знали этого языка.

«Новый метод» Гаспринского заключался в замене методики заучивания текстов их изучением и во введении нерелигиозных предметов, до того не включенных в программы мусульманских школ, — арифметики, русского языка, географии и истории. С самого начала новый метод показался столь привлекательным, что, как пишет Ладзерини, «несмотря на сильную оппозицию местных традиционалистов, сорок новых учащихся записались в школу уже спустя два месяца. Когда слухи о новой школе распространились за пределами Крыма, муллы с Кавказа и Волги начали приезжать в Бахчисарай для того, что познакомиться с новым методом и, вернувшись домой, применить его в своих мектебе. К концу 1880-х годов во всех русских провинциях уже было по две-три таких школы». К 1916 г. в Российской империи было более чем 5000 реформированных, согласно джадиду, школ, где применялся «новый метод»: во всех городах с мусульманским населением на Средней Волге, на Кавказе, в Туркестане и в казахских степях (A. Bennigsen, Ch. Lemerrier, «Islam in the Soviet Union», London-New York, 1967, p. 39.).

Система образования Гаспринского нашла приверженцев и подражателей и за пределами Российской империи, в частности — в Турции, Персии и даже в Индии. В результате реформ Гаспринского уровень образования и культуры мусульманской элиты Российской империи значительно вырос. Многие мусульманские города — Казань, Бахчисарай, Оренбург, Баку, Уфа, Троицк — стали настоящими культурными и интеллектуальными центрами, конкурирующими со Стамбулом, Каиром или Бейрутом.

Единство тюрков-мусульман России

Гаспринский выразил свои идеи о необходимости единения мусульман-тюрков Российской империи одной фразой: «Единство языка, образа мыслей и действий». Он видел в пантюркизме и панисламизме единственное спасение (не только для маленькой нации крымских татар, но и всех тюркских народов империи) от растворения в большой массе русских.

И другие мусульманские лидеры, до и после Гаспринского, выдвигали подобные пантюркистские теории, но Гаспринский был первым, кто дал этой теории практическую основу: общий тюркский язык. На этом языке издавалась его газета «Переводчик». Базой нового языка был турецкий, но допускались также слова из арабского и персидского — с тем, чтобы язык был понятен всем тюркским народам от Балкан до Китайской стены или, как говорил сам Гаспринский, чтобы его могли понять «одинаково хорошо и лодочник на Босфоре, и погонщик верблюдов в Кашгаре».

Язык был оружием Гаспринского: «Переводчик» представлял его во многих мусульманских районах империи, когда он сам оставался дома. Первый номер «Переводчика» вышел 10 апреля 1883 г. в Бахчисарае. Сначала это был двухмесячник и имел тысячу подписчиков, но к 1912 г. «Переводчик» стал ежедневной газетой с 5 тысячами подписчиков в России и за границей: в Египте, Турции, Иране, Индии и даже в странах Магриба.

Гаспринский был главным редактором, но он же следил абсолютно за всем, вплоть до малейших деталей, в этом издании. В издание «Переводчика» внесли свой вклад многие мусульманские интеллигенты России и Турции. Благодаря щедрой поддержке некоторых мусульманских промышленников, в особенности братьев Хусейновых из Оренбурга и Зейнул-Абиддина Тагиева из Баку, «Переводчик» был финансово обеспечен.

По тем временам («Переводчик» выходил вплоть до 1918 г.), газета издавалась на очень высоком литературном и научном уровне. В первом номере журнала было опубликовано редакторское обращение, в котором сказано, что главная цель издания — познакомить тюрков-мусульман с их собственным культурным наследием и достижениями совре-

менной технической западной цивилизации. Другая цель — способствовать тому, чтобы мусульманские идеи и мусульманскую культуру узнали и поняли русские. Престиж «Переводчика» был очень высок, и было просто невозможно отрицать его огромного влияния. Среди тех, кто признавал его необычайно сильное воздействие на сознание тюрской интеллигенции, были и советские историки. Джемаладдин Валидов, например, мог написать в «Очерках истории образованности и литературы татар до революции 1917 года» (Москва-Ленинград, 1923 г.), не прибегая к гиперболе, что «влияние этой маленькой газетки было в тысячу раз большим, чем влияние „Нового времени“ или даже знаменитой британской „Таймс“».

«Переводчик» был умеренным консервативно-реформистским и панисламистским журналом и поэтому он не устраивал более радикальных молодых интеллигентов, которые выдвинулись на передний план в крымскотатарской политической жизни во время русско-японской войны и которые образовали, где-то в 1905 г., политическую группировку «Молодые татары». Эта подпольная (по крайней мере, в начале своей деятельности) группа была смоделирована по образцу «младотурок», но косвенно на нее оказывали влияние и русские социалисты-революционеры. У «молодых татар» был энергичный руководитель — учитель из Карасубазара Абдуррашид Мехдиев. Их мало волновала судьба мусульман вне пределов Крыма и, хотя они и были связаны с образовательной и культурной работой Гаспринского, их главной заботой была борьба за освобождение крымских татар от русского господства. В 1906 г. «молодые татары» начали издавать в Карасубазаре еженедельную газету «Слуга отечества», которая вскоре стала, по представленным в ней политическим взглядам, основной альтернативой «Переводчику».

«Слугу отечества» довольно скоро, в 1908 г., русские власти закрыли. (Ее редактор Хасан Сабри Айвазов, один из лучших крымских журналистов, был, вероятно, ликвидирован Сталиным в 1930-е годы за «национализм».) Но газета просуществовала достаточно долго для того, чтобы успеть энергично атаковать Гаспринского и его идеи. Гаспринский вскоре убедился, что его возможности влиять на молодое и

более радикальное поколение мусульманских интеллигентов при помощи «Переводчика» ограничены. Тогда он в 1906 г. приступил к изданию в Бахчисарае еженедельной газеты «Миллет» («Нация»), такой же панисламистской, как и «Переводчик», но более радикально националистической, более «левой» и более враждебной по отношению к Российской империи. В 1908 г. Хасан Сабри Айвазов стал редактором «Миллета».

В это время Гаспринский начал выпускать еще три издания:

«Алем-и-Нисван» («Мир женщины») — иллюстрированный еженедельник, редактором которого была дочь Гаспринского Шефика. Журнал выходил до 1910 г.

«Алем-и-Сибийан» («Детский мир»), выходил вплоть до 1915 г.

«Ха-ха-ха!» — иллюстрированный сатирический еженедельник, который часто довольно остро высмеивал царский режим, а так же турецкое и иранское правительства за их видимое равнодушие к проблемам иностранного господства над мусульманскими землями.

В новеллах, которые Гаспринский писал под псевдонимом Молла Аббас Франзави, он также развивал идею исламского единства. Книга Гаспринского «Мусульманская земля счастья» — научно-фантастическая утопия, изданная в 1891 г. в Бахчисаре, — была исключительно популярной. Перевод этой книги на персидский язык, сделанный для говорящих на фарси туркестанских интеллигентов Абдуррауфом Фитратом, был издан в Петрограде в 1915 году.

Отношения с Россией и Западом

Третья и наиболее противоречивая часть программы Гаспринского касается вопроса об отношении к западной цивилизации, прежде всего к России. Гаспринский никогда не считал, что спасение мусульманских народов в рабском подражании европейской цивилизации. В отличие от многих своих соотечественников, он глубоко верил в потенциальные возможности ислама и был убежден, что упадок мусульманского мира лишь временный. Гаспринский верил, что ислам, особенно тюркский ислам, — это дорога в будущее.

В то же время он хорошо понимал, что всякий преждевременный конфликт с постоянно посягающей на чужие права Российской империей закончится трагедией для крымских татар и других мусульманских народов России. Он советовал идти на компромисс, на обусловленное сотрудничество с русским правительством ради завоевания всего мира. Гаспринский искренне верил, что Россия (слабее в социальном плане развитая, чем другие европейские нации), менее опасна для мусульманского мира, чем Британия или Франция. Но он предлагал русским не покорных мусульман, а равных партнеров.

Гаспринский развивал эту тему в одной из своих первых работ — памфлете «Русское мусульманство», опубликованном на русском языке в Симферополе в 1881 г. Эта же тема часто звучала и на страницах «Переводчика» и особенно четко в книге Гаспринского «Русско-мусульманское согласие», изданной в Бахчисарае в 1895 г. Подход Гаспринского был консервативным, он всегда стремился подчеркнуть свою лояльность к монархии и из-за этого, как уже было сказано, подвергался в начале XX века нападкам более радикальных националистов. Ахмед Зеки Велиди Тоган, национальный башкирский лидер, писал в книге «Современный Туркестан и его история» (Стамбул, 1947 г.):

«Я помню разговоры... что Исмаил-бей (Гаспдали) раболепствует (перед русским правительством)... что это опасно для нас, т. к. вдохновляет русских выступать перед нами в облике большого брата... демонстрирующего любовь к нам, чтобы предать нас» (с. 556)

Другие молодые мусульманские интеллигенты критиковали Гаспринского за его, как им казалось, аполитичность. Некоторые даже считали его деятельность помехой на пути исторического процесса, согласно которому мусульмане России неизбежно должны двигаться в направлении социализма и разрыва с Россией.

Большинство этих критиков позднее признали свои ошибки и изменили точку зрения. Гаспринский был реалистом, как пишет в статье «Russian Jadidism and Islamic World: Ismail Gasprinski in Cairo, 1908» (*Cahiers die monde Russe et Soviétique*, vol. XVI, nos. 3-4, VII-XII 1975) Томас Кэттнер:

«Он был мастером искусных маневров с целью смягчить тяжесть руки (русского) цензора, но ценой молчания и отказа от права откровенно высказывать свои политические цели» (с. 385).

Когда у него была возможность откровенно высказать свое мнение, Гаспринский проявлял себя как искренний националист и даже прямо выражал свое враждебное отношение к России. Но он редко делал это публично. Возможно, его наиболее серьезным «грехом» была арабоязычная газета «Аль-Нахда» («Возрождение»), выходявшая в Каире в феврале-марте 1908 г. В ней он энергично выступал в защиту идеи общемусульманского единства и необходимости сотрудничества с Западом. Кэттнер резюмирует точку зрения Гаспринского:

«Под Западом Гаспринский понимает Европу и Америку, где общественная жизнь характеризуется двумя основными чертами — модернизацией и хорошо организованным государственным управлением. Благодаря модернизации Запад считается учителем всего мира в области науки и технологии. Второе (просвещенное управление) — результат развития «вдохновляющих идеалов» и «великих социальных принципов», на которых базируется западное общество... Запад кажется Гаспринскому примером, которому, безусловно, следует подражать».

В статьях, опубликованных в «Возрождении», Гаспринский подчеркивает, что Запад — это на самом деле Великобритания, Соединенные Штаты, Франция и Германия, но не Россия. Но тем не менее, египетские власти нашли основание, чтобы запретить издание «Возрождения» после выхода трех номеров газеты.

Странно, что планы сотрудничества с Россией (пусть даже временного и обусловленного), предлагаемые Гаспринским, не нашли поддержки у царского правительства или правых монархистов. Его предложения попросту игнорировались. В 1905 г. мусульманские интеллектуалы предложили идеи Гаспринского о русско-мусульманском сотрудничестве более либеральной партии конституционных демократов. Представлял проект нового альянса известный политический деятель, близкий друг Гаспринского, крымский татарин Юсуф Ахура, который возлагал надежды на политическую

эволюцию России в сторону либеральной демократии. Ахура верил, что требования мусульман будут законным образом удовлетворены Государственной думой — то, что это была фантазия, стало очевидным, когда почти все без исключения «либералы» продемонстрировали отсутствие какого-либо интереса к национальным устремлениям мусульман империи. Разочаровавшись, Юсуф Ахура в 1908 г. эмигрировал в Турцию.

Исмаил-бей Гаспринский умер в 1914 году, в канун Первой мировой войны. Он был видным деятелем мусульманского либерального движения и играл важную роль в организации работы трех мусульманских съездов, а также в создании «Мусульманского союза» («Иттифак-уль-муслимин») — мусульманской политической партии, с которой были связаны все надежды мусульман-либералов, но у которой не было шансов сохраниться в эпоху столыпинской реакции, начавшейся в 1908 году.

*

Даже после отказа российской монархии и русской либеральной буржуазии сотрудничать с ними как с равными партнерами, некоторые мусульманские лидеры продолжали надеяться, что русские будут сотрудничать с ними, — только в качестве «русских» теперь выступали эсеры и меньшевики. Такие надежды были особенно выражены у молодых татарских революционеров из созданной весной 1906 года группы «Тангхылар», которую возглавляли Айаз Исхаки, Фуад Туктар и Абдулла Давлетшин. Это была последняя, в дореволюционное время, попытка связать судьбу мусульман России с русским политическим движением. Вероятно, заранее уже обреченная, эта попытка закончилась так же неудачно, как и все предшествующие. Когда правое крыло русских социалистов пришло к власти после февраля 1917 года, их отношение к мусульманам разваливающейся империи было почти неотличимо от отношения их предшественников — великодержавных шовинистов и монархистов.

Оставалась лишь одна возможность решить национальные проблемы путем сотрудничества между мусульманами и русскими — союз с Лениным и большевиками.

Некоторые радикальные мусульманские националисты, среди которых были казанские татары Мирсаид Султан-Галиев и Галимджан Ибрагимов, крымский татарин Вели Ибрахимов и туркестанцы Турар Рыскулов, Файзулла Хояев, связали свою судьбу с РКП(б), поверив, что большевики могут действительно предоставить их народам свободу. До 1928 г. эти люди, как и некоторые другие, играли решающую роль в установлении большевистской власти на тюркских территориях. После этого Сталин всех их уничтожил как «буржуазных националистов» — так начался предпоследний акт трагедии.

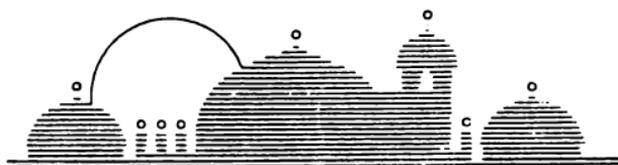
Среди первых жертв Сталина были крымскотатарские революционеры — в прошлом наиболее энергичные критики умеренности Гаспринского. В июле 1918 г. они образовали политическую партию «Милли-Фирка», которая в 1920 г. целиком волилась в состав РКП(б). В январе 1928 г. руководитель этой партии Вели Ибрахимов, в то время первый секретарь Крымского обкома, был арестован по обвинению в «буржуазном национализме». В мае следующего года его расстреляли. Это было началом длительного периода репрессий, продолжавшихся вплоть до 1938 г. В это время была уничтожена вся дореволюционная крымскотатарская интеллигенция. Вместе с откровенными националистами в русских тюрьмах и лагерях исчезли мусульманские священники, бывшая буржуазия, землевладельцы, «кулаки», торговцы и просто верующие мусульмане.

Все это ослабило и уменьшило общину крымских татар, для которой Сталин уготовил страшный конец — финальный акт 1944 года: геноцид оставшейся крымскотатарской общины, численностью в 250-300 тысяч человек. Коллективно обвиненных в сотрудничестве с немцами, всех крымских татар погрузили на грузовики и в поезда и депортировали в Сибирь и пустынные районы Казахстана. Никого не щадили — ни коммунистов, ни тех татар, что воевали в Красной Армии. 30 июня 1945 г. Крымскотатарская автономная республика была ликвидирована. В феврале 1954 г. Крым присоединили к Украинской республике. Позже с татар было снято обвинение «в измене родины», но вернуться им в Крым не позволяют до сих пор. На их родину приехали русские и иные славяне.

Таким образом нам была наглядно продемонстрирована преемственность русской истории — от царя к коммунистам. Все советские вожди, от Ленина до Горбачева, тайно следуют линии Екатерины II, которую она начала проводить после того, как отказалась от либерального отношения к мусульманам. Это она начала изымать лучшие земли у крымских татар и передавать их русским, а ее советские наследники во много раз ускорили этот процесс, используя типичные для них жестокие, варварские методы. И однажды нацию крымских татар, имеющую долгую и славную историю, просто объявили несуществующей. На этом фоне призывы Гаспринского к русско-мусульманскому сотрудничеству звучат как горькая ирония.

Новый журнал:

**CENTRAL
ASIAN
SURVEY**

The Journal of
The Society for Central Asian Studies
P.O. Box 131, Oxford OX1 2NJ, England

ДИСКУССИЯ

Дарья Ребет

«ДАБЛТОК» — ТРАДИЦИОННО И ПО-НОВОМУ

«Не так тії вороги — як добрії люди»

В 1977 г. в январском номере журнала «Сучасність» Мирослав Прокоп написал статью под названием «„Даблток“, или — комментарии, вызывающие тревогу». Теперь та же проблема, и по сути своей и по выводам, вновь выявила свою актуальность, окрашенную своеобразной спецификой.

Но прежде о слове «даблток», которое наверняка при переводе имеет нюансы. Автор (М. Прокоп) обращал внимание на «политическую ложь», и в частности, останавливаясь на методах большевиков, говорил о «злоупотреблении благородными словами и понятиями с целью прикрыть ими грубое насилие»; и дальше следовало дополнение: «подлую махинацию словами, которой пользуются вожди КПСС, англосаксы называют «даблтоком». По мнению автора, наиболее близкие этому слову синонимы в украинском языке: двуликий, лицемерный, лживый язык. В связи с таким «языком» Прокоп рассматривал тогда позицию и методы действия русских антикоммунистов, и вообще диссидентов по отношению к национальным вопросам в комплексе СССР, иллюстрируя проблему, главным образом, примерами из журнала «Континент» и высказываниями деятелей русской эмиграции.

В том, что касается положения нерусских народов империи, Прокоп выражает общее неудовлетворение позицией русских диссидентов, «за редким исключением», поскольку... «если теоретически и декларативно они заявляют о том, что придерживаются принципа самоопределения, то всегда, когда возникает вопрос практического применения этого права, точнее вопрос о государственной независимости

нерусских народов СССР, об их отделении от России — они начинают изворачиваться, и сквозь благородные фразы и декларации русских диссидентов вылезит империалистическое шило. Дескать, „сегодня мир движется не к раздроблению государств, а к их слиянию”».

Все здесь сказанное можно спокойно перенести и на случаи из наших дней. Конкретно я имею в виду русскоязычный журнал «Форум», который редактирует русский Владимир Малинкович, а субсидирует украинское издательство «Сучасність» в Мюнхене. Но, в отличие от других подобного рода явлений, в случае с Малинковичем есть еще и дополнительная пикантность. Редактор «Форума» и автор известной статьи «О лозунгах и реальности» (N 10, 1985) высказывался с украинской трибуны по поводу украинского вопроса... как деятель украинских организаций, на протяжении нескольких лет проявляющий активность в среде украинской эмиграции. Помимо редакторской работы в украинском издательстве, он, вместе с генералом Григоренко, содействовал организации Общества поддержки Украинской хельсинкской группы, которое было образовано в Мюнхене в 1980 году, и с трибуны этого Общества, да и с трибуны других украинских форумов, выступал всегда с очень приятными для украинского уха докладами по национальным проблемам; а главное — он же член Зарубежного представительства Украинской Хельсинкской группы.

И вдруг «иначе» переосмысленной статьей он приготовил украинцам большой сюрприз. То, что русские, для которых неприемлема идея украинского независимого государства, выступают в эмиграции со своих собственных трибун, — дело привычное, хотя в самом СССР большевистские ставленники Москвы охотно и принципиально используют национальные трибуны. Все же надо подчеркнуть, что в условиях свободного мира чем откровеннее подобный диалог — тем честнее: чище поле для украинско-русских отношений, и, возможно, реальнее перспективы сближения позиций. А вот «кукушкины яйца» в политике — это уж особенно неприятное дело.

Сердечно принятый украинской общественностью в эмиграции как русский демократ и друг украинцев, который

очень декларативно демонстрировал понимание украинской проблемы, Малинкович в течение всего этого времени в своих выступлениях и высказываниях, вероятно, никогда не возражал против украинских государственных притязаний и не выявлял взглядов, подобных тем, что представил в вышеназванной статье. Возможно, потому он и стал редактором «Форума», так как, казалось, — он как демократ относится к антиимпериалистическим движениям угнетенных народов.

Так и возник парадокс — на сей раз «Даблток» вышел из украинского гнезда и под крылом, как видно, неоправданной украинской доверчивости.

Что касается самой проблемы, то автор статьи «О лозунгах и реальности» использует, в конце концов, традиционно-манипуляционный «даблток»: Национальный вопрос? Да, он существует в различных вариантах и аспектах; и поклонник «реальности», плавая в обобщениях чисто гуманистических фраз, там и здесь вставляет кое-что о национальных правах. Но, когда автор высказывается в противовес четким призывам к национальному самоопределению, суверенитету и государственности, язык его становится все более и более выразительным и, наконец, совсем ясным. Ведь «стремление добиваться независимости, не считаясь ни с чем ...не соответствует духу нашего времени». Отставать же от современности («времени») — «нельзя»! Это, видите ли, Говерля так досадил другу украинского и вообще национального дела.

Дело в том, что подпольный публицист с Украины Степан Говерля четко указал на недостаточность только гуманистически-демократических призывов к народам империи, и заговорил о категорическом украинском требовании суверенной государственности. В таком контексте автор одновременно предостерегает украинцев от политических иллюзий, касающихся уступчивости русских демократов или поддержки ими украинских требований: он призывает принципиально рассчитывать исключительно на свои собственные силы.

Очевидно, что решая эту проблему легко тенденциозно свести дело к различного рода упрощениям и обобщениям, что, в конце концов, и делает разными способами

Малинкович. Прежде всего он бьет тревогу — для него это слишком большой «радикализм», который «может толкнуть на действия, не имеющие морального оправдания». Вот так украинский подпольщик, который и мечтать не может о нормальной человеческой жизни на своей земле, напугал русского демократа — ведь может появиться «неравный подход к своим национальным интересам и интересам других народов». Жаль только, что здесь мы не узнали, где, например, украинцы при своем «радикализме» отказывали русским или иным народам в праве на независимое государство и свободу! Автор не только видит угрозу революции, но и национальным устремлениям сразу же подсовывает и макиавеллизм, и русофобию, и воспитание ненависти в народе, который в борьбе за «суверенитет и государственность» (это авторские кавычки!) так и готов «броситься» на русских и т. д. При этом автор знает, что в освободительном движении на Украине и в кругах, в которых вращается автор и работает, не поддерживается никакая «фобия» в освободительной политике и что там давно уже выдвинут лозунг против ненависти к русскому народу в борьбе против русского империализма. А впрочем, очевидно, что всякие проблемы кровопролития очень болезненны, и в частности украинцы имеют в том немалый опыт; и, без сомнения, для всех было бы очень хорошо, если бы не было причин для опасений, которые пробиваются в статье Малинковича.

К сожалению, нельзя перечислить всех тенденций в 24-страничном тексте, насыщенном менторством старшего брата и просто цинизмом по отношению к украинской проблематике в ее сложных взаимосвязях. В анализе есть много правдивого в оценке и общего положения, и политики Москвы (но здесь, мол, не в Москве дело, а прежде всего в тоталитаризме режима!), и украинских слабостей. И это не плохой способ казаться «объективным». А диалектической рутины автору не занимать. Только он «пересластил кутю» так, будто перед ним невежды, которых обязательно надо поучать. Его диалектика — почти классическая, вот только слишком грубо шита. Это особенно видно в длинном трактате о русификации. Мол — да, она есть. Но боритесь — т. е., если все станете вместе, может что-то и получится! Посмотрите на

грузин, литовцев и эстонцев (тоже своеобразие таких сравнений!). Очевидно, риск и неудобства большие (хотя бы с учетом детей!). Но... может быть, придет волна уступок, а впрочем при переходе от борьбы за родной язык к более широким требованиям, очевидно, — придут репрессии. Так уже бывало. Словом, сказать бы проще: все равно «не трать, кума, силы, спускайся на дно»! А кроме того: ведь максимализм повредит защите национальной культуры. И т. д. Читая один абзац, всегда знаете наперед, что сейчас придет «но»...

При всем этом автор с легкостью, в соответствующем композиционном ритме, всякий раз напоминает о приближении гибели наций. А то вновь, обрисовав будущие кошмары, предлагает свои чуть ли не «максималистские» советы: напоминать о конституционных правах; демонстрировать несоответствие нынешней действительности ленинской линии; требовать участия «самостоятельных» республик в международных отношениях и т. п. Но.., видимо по линии всесоюзного цинизма, — все это только в рамках СССР и только средствами правозащитного движения, ничего что его топчут, что все равно придет реакция насильственной власти, а Запад не интересуется национальным вопросом...

Хаотичными выходят эти пояснения?! Да! Собственно такими чередованиями — то иллюзии, то безысходность и запугивания — автор последовательно угощает бедного малоросса; приводит тезисы и антитезисы — вот только логика синтеза довольно-таки произвольна. Такой длинный путь с крутыми тропинками советов, поучений и предостережений Малинкович выбрал для того, чтобы дойти до главного: каким, мол, «пережитком» стала нация в наше время.

Именно в политике весь смысл. Автор очень обеспокоен тем, что после неудач правозащитного движения возрос радикализм оппозиции «русской и национальной», но, очевидно, его основное внимание обращено на национально-освободительные тенденции нерусских народов, особенно украинского. Потому что появляется возможность политических, а то и революционных форм сопротивления, подполья и массовых политических (подчеркнуто автором)

выступлений. В этом контексте Малинкович видит правозащитное движение как феномен, стерильно чистый от «политики», хотя, наверняка, известны ему различные документы УХГ и позиция ее деятелей по отношению к положению на Украине и украинским национальным требованиям; он не обращает внимание на то, что сам как член ЗП УХГ формально представляет эту организацию и это направление на Украине.

При всей своей програмной «аполитичности» Малинкович своей статьей совершил немалую политическую акцию, не только возвращая украинскую проблему к обанкротившимся фантомам ленинизма, но и при помощи всех прочих способов и аргументов стремясь отвлечь украинцев от политики в будущем, если (по его диагнозам и прогнозам) Украина не погибнет вообще.

И наконец — он все-таки оставляет «младших братьев — националов» с пустыми руками, без каких-либо надежд. Ведь: «тема сегодняшнего дня — свобода человека». Здесь вновь подброшены конфетки «национальных прав», но главное то, что «политическая оппозиция устарела, и вряд ли она имеет шансы на успех». Зато современная гуманистическая идеология — как никогда ранее — совпадает с христианским учением, и принципы уважения человека признаны во всем цивилизованном мире. Оптимистически настроенный автор утешает, что солидарность защитников прав человека стала силой, с которой «вынуждены считаться правительства». Правда, «украинскому народу, по всей вероятности, так и не дожидаться открытия американского консульства в Киеве», и вообще мало кто на Западе обращает внимание на языково-национальную дискриминацию в СССР. Но для этого есть объективные причины: информация о национальных проблемах СССР просачивается на Запад с большим трудом, а эмиграция из республик «делает очень мало для того, чтобы заинтересовать ею мировое общественное мнение», а впрочем... трудно заинтересовать!

Так вот, национальный эмигрант, бей себя в грудь за свои грехи, а ты, земляк на родине, не возлагай надежды на эмиграцию и вообще не создавай себе никаких иллюзий; а как у тебя дома — ты и сам знаешь. А все вместе — внимательно слушайте, о чем вас предупреждают с

поднятым пальцем: свои ошибки нужно признавать. «Иначе не придется рассчитывать ни на солидарные действия оппозиции из различных республик СССР (в том числе и русских демократов) в защиту национальных прав народов, ни на поддержку демократической общественности свободного мира» (с. 20-21).

А какие это ошибки, автор, как мы видим, сам решил и все, как следует, перечислил!

Постскриптум

Всем, кто умеет читать, хочется посоветовать хорошо ознакомиться с этой интересной работой. Не такое это большое событие, но симптоматичное; и само по себе — живой пример: это еще одна «реальность», вытекающая из трудностей, к которым не следует относиться легкомысленно, не отрекаясь, естественно (как нам советуют), от принципиальных лозунгов. Нельзя закрывать глаза на то, что, помимо прямого режимного террора, в СССР есть еще своеобразные формы морального террора, давления и оболыщения ложью, клеветой и перекручиваниями (подкрепляемые «общими силами» также и в западном мире) против устремлений украинцев к самостоятельности на Украине и в эмиграции. Осуществляются попытки вообще заглушить украинское свободное слово: постулаты национальных интересов или, хотя бы, четкое освещение материалов истории или современности — все это фальшиво трактуется как проявления украинского шовинизма, фашизма, антисемитизма и всякой ксенофобии. К этому делу и автор приложил свои усилия, в особенности направляя их на украинскую редакцию радио «Свобода». В условиях «консолированного» рафинированного натиска со всех сторон украинской эмиграции следует остерегаться психоза боязни говорить откровенно о своих делах — чтобы, мол, не дразнить и не «обижать» приятелей. Выступление Малинковича, к сожалению, — не лучшее выражение мнения кругов русских демократов. Но он не представляет их всех, и нет основания вообще исключать возможности взаимопонимания и несколько более конкретного понимания русскими демократами национальных проблем в рамках прав человека и движения к подлинной демократии в политике.

ВМЕСТО ОТВЕТА

(*Маленькая справка и несколько примечаний к статье Д. Ребет «Даблток — традиционно и по-новому»*)

«Форум» — *независимый* журнал (в противном случае я не взялся бы его редактировать) демократического и правозащитного направления, что означает *безусловное* признание как *права наций на самоопределение и независимость*, так и права каждого *свободно выразить свое мнение*.*

Примечание I

В статье «Даблток...» сказано:

«он (Говерля) призывает (украинцев) принципиально рассчитывать только на собственные силы.»

Возражая против такого подхода Говерли, я высказываю не свое личное мнение, а точку зрения членов Украинской хельсинкской группы.

Из статьи члена УХГ Юрия Литвина, погибшего в советском концлагере:

«Украинская группа координирует свою деятельность с Московской группой и выступает за самый тесный союз и солидарность всех правозащитных групп СССР и видит в этом залог успеха правозащитного движения в Советском Союзе».

* Уверен, что издательство «Сучасність» издает журнал «Форум», в котором *впервые на русском языке* откровенно обсуждаются национальные проблемы народов СССР и постоянно публикуются статьи, доказывающие, что существование последней на земле империи — зло для всех живущих на ее территории народов, в том числе и для русского, потому, что считает такое издание *объективно полезным* для дела будущего освобождения Украины, а не потому, что рассматривает «Форум» как украинский партийный журнал на русском языке.

Если это не так, то «неоправданными» будут не только «доверчивость» издателей, но и доверие редактора «Форума».

Примечание 2

В статье Д. Ребет сказано:

«автор... предлагает *свои* (подчеркнуто мной — В. М.) чуть ли не „максималистские“ советы: напоминать о конституционных правах; демонстрировать несоответствие нынешней действительности ленинской линии; требовать участия «самостоятельных» республик в международных отношениях и т. п.»

И здесь хочу напомнить, что все это не мои предложения, а требования Украинской хельсинкской группы.

Из Меморандума N 31 УХГ:

«Где, в чем именно следует искать корни тех ужасов, которые лавинно обрушились на украинский народ? По нашему мнению, ответ можно найти в том, что за три десятилетия сталинской диктатуры права человека, которые провозглашали Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и Декларация прав народов России были сведены на нет.»

Из Декларации об образовании Украинской хельсинкской группы:

«Украинская группа содействия ставит перед собой такие цели:

...3. Добиваться, чтобы на всех международных совещаниях... Украина как суверенное европейское государство и член ООН была представлена отдельной делегацией.

4. С целью свободного обмена информацией и идеями добиваться аккредитования на Украине представителей зарубежной печати, создания независимых пресс-агентств и т. п.»

Примечание 3.

В статье есть такой вопрос (по-видимому риторический):

«...где, например, украинцы при своем «радикализме» отказывали русским или *иным народам* (подчеркнуто мной — В. М.) в праве на независимое государство и свободу»

Из книги Валентина Мороза «Лекції з історії України» (в переводе на русский):

«Было время, когда Данило Галицкий завоевал Люблин, когда он ссорил и мирил, как хотел, польских князей и даже участвовал в чешских и силезских событиях (с. 104)...»

Святослав понимал, чтобы Киев был империей... он должен прочно оседлать причерноморские территории (с. 105).

Чудесно сказал Юрий Липа в своей книге „Черноморская доктрина“.. : Черное море — это луковица ... центр, где находятся корни луковицы, — это Босфор и Дарданеллы. И каждый, кто проводит черноморскую политику, естественно должен стремиться либо завоевать, либо контролировать черноморские проливы (с. 106)..»

Я думаю, что мы 50-миллионная нация, а крымских татар 500 тысяч... Мы должны дать им понять: «Вы должны к нам приспособливаться, а не мы к вам; вам в той или иной комбинации придется жить в сфере украинских интересов»... (с. 116).

Я вовсе не считаю, что точка зрения В. Мороза или, скажем, Донцова типична для украинцев. Нет, я хорошо знаком с демократической национальной программой Украинской народной республики, публиковал в «Форуме» статью О. Горнового о различном отношении Украинской повстанческой армии к русскому народу и к российскому империализму. Я хочу лишь сказать, что не разделяю мнение, будто среди украинцев нет и никогда не было империалистов и шовинистов.

Примечание 4

К фразе из статьи «Даблток...»:

«Малинкович видит правозащитное движение как феномен, стерильно чистый от „политики“, хотя, наверняка, известны ему различные документы УХГ и позиция ее деятелей по отношению к положению на Украине и украинским национальным требованиям; он не обращает внимание на то, что сам как член ЗП УХГ формально представляет эту организацию и это направление на Украине.»

Из Декларации Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений:

«Группа в своей деятельности руководствуется не политическими, а только гуманитарно-правовыми мотивами.»

Из статьи Юрия Литвина «Правозащитное движение на Украине, его принципы и перспективы»:

«Группа ведет и будет вести борьбу против всяких политических тенденций в правозащитном движении».

Из заявления руководителя Зарубежного представительства УХГ Петра Григоренко:

«Группа (Украинская и Московская) не являются партиями или политическими организациями».

Мне как члену Украинской хельсинкской группы не хуже, чем г-же Ребет, известны принципы УХГ и «позиция ее деятелей». Именно приверженность идеям правозащитного движения (принципиальная, а не тактическая) и побудила меня написать статью «О лозунгах и реальности». Надеюсь, читатель это заметил.

РУСИФИКАЦИЯ — ОРУДИЕ ГЕНОЦИДА

Исключительное положение «Форума» (украинское издательство издает русский журнал) возлагает на него исключительно важные обязанности. «Форум» должен стать платформой украинско-русского диалога. Он крайне необходим. «Форум» имеет целью организовать диалог не только украинско-русский, но намного более широкий: обмен мнениями между русскими и нерусскими о наболевших проблемах национальной жизни нерусских народов. Главная проблема здесь — геноцид. Из уже опубликованных материалов видно, что редакция «Форума» понимает важность этой темы.

Основным орудием геноцида, проводимого вождями КПСС, — является русификация. Объектом, жертвами русификации являются нерусские народы СССР. Они страдают от русификации. Вожди КПСС делают русский народ инструментом русификации. Нерусские народы страдают от русификации сегодня, а русский народ будет страдать завтра: его язык станет суржигом, вульгарной смесью разных языков. Сейчас я не берусь во всей полноте, рассматривать вопрос: какая культура, в частности литература, получится из этой вульгарной смеси. Но ясно одно — это будет антикультура. Осознают ли это современные деятели русской культуры? Так или иначе, но русификация является проблемой и русского народа.

Но русификация — проблема более широкая. Вновь должен ограничивать себя. И потому минуя аргументацию, подхожу к выводу. Проблема русификации выходит за пределы Советского Союза, даже за пределы советского блока. Русификация стала проблемой универсальной. Мы живем в эпоху, когда старые исторические империи уже ликвидированы. Осталась только одна: империя русского коммунизма, империя компартии Советского Союза. Она стала главной угрозой миру между народами и одновремен-

но угрозой благосостоянию сотен миллионов людей. Вожди КПСС сделали русский язык одним из главных средств, которым хотят укрепить эту империю, отвратительнейшую из всех известных в истории. Сто лет назад Владимир Соловьев писал в своей работе «Русская идея»:

«Эта тираническая русификация, тесно связанная с еще более тираническим разрушением греко-униатской церкви, представляет воистину национальный грех, тяжелым бременем лежащий на совести России и парализующий ее моральные силы.»

Редактору «Форума» известна эта мысль В. Соловьева. Потому я нахожу нужным обратиться к нему с просьбой: это задача «Форума» — донести до сознания культурной элиты русской диаспоры проблему русификации как проблему русского народа.

Министр просвещения в царском правительстве П. Кауфман, в декабре 1904 г. обратился к Императорской Академии Наук с просьбой выразить свое отношение к вопросу о допущении изучения украинского языка в школе. Он хотел опереться на мнение Академии, надеясь, что она его поддержит против главы правительства Петра Столыпина, который был против такого допущения. Таково происхождение известного документа Академии Наук (1905 год) в пользу украинского языка. Академия осудила запрещение украинского языка в 1863, 1876, 1881 годах. Академия признала украинский язык (малорусский язык) как язык самостоятельный, опровергнув официальный тезис, согласно которому украинский язык считали диалектом русского языка. В заключение своей «Записки» Академия процитировала слова Юрия Самарина, политического деятеля, гуманиста, подготовившего освобождение крестьян от крепостного рабства: «Пусть же украинский народ сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои традиции, ... пусть развивает свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее устремлений, пусть учреждения, созданные для него, все более и более приспособляются к его местным потребностям».* Эти слова Самарин написал в

* Слова Ю. Самарина цитируются в обратном переводе с украинского (ред.).

1850 году, когда официальная государственная доктрина не признавала ни нашего народа, ни его имени «украинский». За исключением одного человека, все члены Академии Наук проголосовали за принятие «Записки», выразив тем самым протест против официальной политики русификации.

Какой светлый пример! Пример для подражания современным русским интеллектуалам. Сегодня в свободных странах Запада живут несколько видных представителей русской культурной элиты. Они имеют полную свободу слова. Мы, по-видимому, вправе ожидать, что они выступят против нынешнего русификаторского неистовства на Украине и в других республиках СССР в духе идеалов Самарина и Соловьева.

Post Scriptum

Уже написав эти заметки, я прочитал в газете «Українські вісті» статью Дарьи Ребет «Даблток — традиционно и по-новому». Это реакция г-жи Ребет на статью В. Малинковича «О лозунгах и реальности» в «Форуме» N 10. Статья В. Малинковича, думаю, относится к числу наиболее ценных работ, опубликованных в «Форуме». Впервые я встретил русского автора, который так решительно осудил политику ассимиляции нерусских народов в российской империи. Автор коснулся широкого круга проблем, связанных с борьбой нерусских народов Советского Союза за свою государственную независимость. Следует отметить его насковзь положительное отношение к этой борьбе. Когда он высказывает некоторые критические замечания по поводу методов этой борьбы, это не меняет его в целом позитивного к ней отношения. И поэтому, по моему скромному мнению, он не заслужил такой реакции, как реплика «Даблток...». Но я присоединяюсь к г-же Дарье Ребет в том месте, где она советует украинцам прочитать статью г-на Малинковича. Чтобы это стало возможным, я рекомендую опубликовать статью в украинском переводе.

Критически оценивая вышеназванную статью г-жи Д. Ребет, я одновременно надеюсь, что это не повредит тем дружеским отношениям, что в течение многих лет сохранялись между мной и г-жой Ребет.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

В КОНЦЛАГЕРЯХ

(По материалам Самиздата)

ИЗ ПИСЬМА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО В. КОНОВАЛИХИНА*

...Пренеприятнейший случай произошел здесь. В нашем отряде умер совсем молодой парнишка. И болел-то всего неделю. Увезли его в тюремную больницу с воспалением легких, а скончался он от менингита. Зэки, приехавшие из больницы, говорят, что, после того как сделали инъекцию, его парализовало, а утром он скончался, один сын у матери. За последний месяц это уже второй случай смерти. Несколько раньше умер (тоже от менингита) зэк пятого отряда Паршин. А теперь вот в нашем — Николенко. Вообще, смертность на такую зону, как «восьмерка», значительная. За месяц две или три смерти. И мрут-то молодые! Один зэк рассказывал мне, как местные медики лечили язвы на его ногах. Дают мазь: «Вот помажь — и все как рукой снимет». Мажет. Ноги распухают донельзя, страшно смотреть. Идет в медчасть: «Что же вы мне дали за мазь? — спрашивает. — Так я без ног останусь». Ему в ответ: «Ничего, это мазь не рассосалась. Возьми вот эту, попробуй». Дают другую мазь. Или ожог лечили... На теле большая язва от ожога. Медсестра берет йодный тампон, и прямо в центр язвы!

Мальчишечку, что умер, можно было бы, наверное, спасти, если бы со вниманием и вовремя назначили лечение. А здесь врачи не могут симулянта от больного отличить, вот и страдают больные.

У нас так один в Шизо попал, Галиулин. Он двигаться не мог. Я видел, как ему плохо было, и знаю по себе, что такое

* Вадим Коновалихин был повторно арестован 6.4.1984 г. за то, что добивался эмиграции, и осужден по обвинению в клевете на советский строй на 2,5 года лагеря (*ред.*).

ревматизм. Жаловаться практически некому, а из области жалобы не выпускают. Областной прокурор по надзору за жалобы требует от администрации лагеря наказывать жалобщиков. Я уже писал, что, чувствуя покровительство (круговую поруку), начальник режимной части Погадаев кричал в ШИЗО экам: «Да срать я хотел на ваши жалобы!»...

1985 г.

Учр. ОМ — 216/8-10-102,
Калининград

*ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО П. КАМПОВА В ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР **

По сфабрикованному КГБ обвинению меня осудили в г. Ужгороде к 10 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки, конфисковали мой дом и имущество,.. мою дочь оставили бездомной на улице. Судили за якобы незаконное получение пенсии. В Томском концлагере ВТЭК признала меня инвалидом II группы. У меня хроническое воспаление легких, хронический гастрит, бронхит и астма, сердечная недостаточность, совсем не видит левый глаз, в правом — 8-10 % зрения. Я получал пенсию 86 рублей.

После суда меня 8 месяцев держали в лагере N 30 г. Львова, а потом увезли в Россию...

В лагере ОР-216/3 (начальник — П. М. Жвакин) больше 250 суток меня держали в камерах внутренней тюрьмы, 6 месяцев — в ПКТ на тюремном режиме. Тут меня били заключенные Варшашкин и Попов, с ведома администрации обкрадывали меня. Содержали меня в камере N 5, где со стен и потолка все время текла вода или они были покрыты иномем. 3 месяца Жвакин не давал мне стула, и все это за то, что я в связи с плохим зрением не мог плести нитяных сеток. За это же меня лишили свидания, не разрешили покупать даже зубного порошка, ручку, тетрадь.

Я обращался в Международный Красный Крест. В прокуратуре говорить не смогли, т. к. он не знал украинского;

* Павел Кампов — участник Украинского национального движения. С 1970 по 1977 находился в концлагере по обвинению в «антисоветской агитации». В 1981 г. вновь арестован.

а я русского, и за плохое отношение к начальству я опять был лишен свидания с родственниками. С нами обращаются на «ты», обзывают...

Я убираю территорию лагеря, и при 30-градусном морозе даже не разрешают погреться, не начисляют заработной платы, не оказывают медицинской помощи при приступах. В июле меня будто бы повезли в больницу, но держали 10 суток в карцере, где в камере на шестерых было 22-24 человека. Среди них и больные туберкулезом. В вагонные купе вместо 3 человек помещали 13.

1985 г.

*ИЗ «ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ» ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО З. ЗУНШАЙНА**

Начальнику ИТК-40

...Всю смену 28.08.85 мне пришлось при моем росте 190 см находиться в яме под пилорамой (высота ямы, точнее, ее глубина не превышает полутора метров), т. е. всю смену мне пришлось проработать в положении, когда мое туловище и ноги составляли угол в 90 градусов. Всякий раз, когда я лопатой захватывал опилки, я задевал плечом или головой электрокабель, подводящий ток напряжением 380 вольт к пилораме. Так уж тут заведено, что опилки приходится выгребать из-под пилорамы работающей, а на земле вдобавок еще и вода разлита. (Из спец. одежды мне выдали все старое, грязное, с чужого плеча, мне не по размеру.)

Проработав таким образом в условиях, грубо нарушающих требования техники безопасности, я и написал Вам заявление N 13 с просьбой более не ставить меня на такую работу, где требования техники безопасности нарушаются столь грубо.

* Захар Зуншайн — арестован в марте 1984 г., осужден по обвинению в клевете на советский строй на 3 года лагеря; лагерь (учр. УК-272/40) расположен в пос. Бозой в Бурятии.

Однако на другой день, 29.08.85, меня вновь, и притом явно намеренно, поставили на ту же самую работу. По указанным причинам я был вынужден от этой работы отказаться. Чувствуется по всему, что скоро дело дойдет до того, что мне предложат работать, предварительно повязав на шею кабель с током напряжением 380 вольт...

Сегодня, 30 августа, выйдя на работу на лесосклад, я в присутствии дежурного контролера обратился к бригадиру лесосклада с просьбой обеспечить меня работой, любой другой работой, где бы требования техники безопасности не нарушались столь чудовищным образом. Однако в этом было отказано...

30 августа 1985 г.

*ИЗ ПИСЬМА ЗАКЛЮЧЕННОГО УГОЛОВНОГО
ЛАГЕРЯ В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ
ГАЗЕТЫ»*

...Вам, вероятно, покажется, все то, что я сейчас скажу, невыносимым, но, к сожалению, это правда. Дело в том, что в учреждении, в котором я сейчас нахожусь, царит произвол, насилие над личностью; все, кто мыслит не так, как этого хотелось бы администрации, подвергаются жесточайшим репрессиям. Заключенных доводят до того, что они вскрывают себе вены, выпуская кровь, глотают в знак протеста всевозможные предметы, выпрыгивают из окон второго этажа, ломают себе руки и ноги, кончают жизнь самоубийством. Только за этот год в нашем учреждении произошло четыре самоубийства! Четыре!

Баш. АССР,
г. Уфа, п/я УЕ — 349/9

Брызгунов Юрий Васильевич

ПИСЬМО МАТЕРИ ЗАКЛЮЧЕННОГО

Редакции «Литературной газеты»

Посылаю Вам копию письма моего сына Гайдиса Бронислава Осиповича... из концлагеря ЖБИ-3 г. Хабаровска. Прошу прочесть его. Кроме того, прошу Вас прочесть и следующее.

В сентябре месяце 1973 г. я была на свидании с сыном. Свидания этого я добивалась полтора месяца, живя на вокзалах, точнее, ночуя там. Свидания добилась через крайисполком. Сейчас, как видите, снова мне нужно будет ночевать по вокзалам, чтобы 20 марта добиться свидания. Я живу в Петропавловск-Камчатском, а сын находится в концлагере Хабаровска. Сын там оказался изуродованным — мне нужно его видеть!

Находясь трое суток у сына, я многое узнала от окружающих о порядках концлагеря.

9 рублей — сумма денег, отпускаемая лагерем на питание заключенного. Пища — баланда с нечищенным картофелем. Для диетчиков картофельчищенный... В этом разница пищи здоровых и больных. Чесноку в пище нет. У сына выпадают зубы... от цинги... Но бандероль с чесноком возвращают.

Главные средства «воспитания» — изолятор и голод. У сына видны ребра... голод... Сын говорит: «Я здесь еще ни разу сыт не был». Производственные нормы невыполнимы. Так, сыну сразу же по приходе его в лагерь велели работать на 16 станках. Он обслуживать их не мог, его в изолятор. А в изолятор бросают зимой голым... голым... И все вокруг голо... И температура — 4 градуса... Мороз... Лечь нельзя... Все голое. Все ледяное... Все время нахождения там нужно ходить по камере из угла в угол, иначе замерзнешь... После двух-трех таких «сеансов» люди получают туберкулез... Лечебница лагерей Бира* переполнена большими туберкулезом... Сын также заболел туберкулезом... А в лагере этом

* Станция Бира находится в Облученском р-не Еврейской автономной области, Хабаровского края.

находится всего 8 месяцев... Начальству лагеря нужно, чтобы заключенные перевыполняли производственные планы пятилетки на голодный желудок, чтобы государство получало прибыли.

Условия существования в лагерях невыносимые. Людей доводят до состояния, когда они уже не могут дышать... Сын пишет: «Создали мне духоту!» И доведенные до отчаяния люди рубят себе руки, пальцы... Что это?

Я разговаривала с работниками концлагеря ЖБИ-3 относительно того, каким образом сын стал инвалидом. Работники лагеря мне ответили: «А что, он один разве себя уродует? Они у нас все это делают. Работать не хотят...» Ну, знаете, чтобы человек сам затолкал части своего тела в станок с целью изуродовать себя, нужно человека до этого довести... и доводят...

Прочитайте мое письмо к Вам. Передайте это все прокурорам. Передайте это все в Партийный контроль ЦК.

Кроме того, прошу Вас найти в ЦК ВЛКСМ мою кассацию (копию), написанную мною еще в прошлом году и переданную Генеральному прокурору на Главпочтамте г.Москвы 26 мая 1973 года, я требую пересуда сыну. Заставьте Генерального прокурора эту мою кассацию прочесть. Очень прошу Вас это сделать. Сын мой невиновен! А здоровье его в лагере гибнет и сам он там гибнет!

И еще прошу Вас помочь мне перевести сына в лагерь города Петропавловск-Камчатского, то есть туда, где проживаю я. Мне 58 лет, я на пенсии, здоровье слабое. Мне тяжело ездить на свидания в Хабаровск. А видеть сына мне необходимо.

Прошу вмешаться в судьбу моего сына Гайдиса Бронислава, прошу помочь мне добыть ему свободу!

С большим уважением к Вам

Гайдис Мария Осиповна,
учительница,

г. Петропавловск-Камчатской,
главпочтамт, до востребования

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Фатима Салказанова

РАССКАЗЫВАЮТ УЧАСТНИКИ АФГАНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

АФГАНЦЫ ОБЯЗАНЫ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ

Во время командировки в Пакистан, специальный корреспондент радио «Свобода» Фатима Салказанова беседовала с директором Информационного центра афганского сопротивления профессором Мажру, известным афганским ученым, д-ром филологических наук, специалистом по французской и немецкой литературам. Через два месяца после вторжения в Афганистан профессор Мажру эмигрировал в Пакистан, в г. Пешавар, находящийся недалеко от границы с Афганистаном. До встречи с д-ром Мажру Ф. Салказанова уже встречалась с советскими перебежчиками, с бывшими советскими солдатами, отказавшимися воевать в Афганистане, и все они говорили о том, что перед отправкой в Афганистан им объясняли, что они будут иметь дело в этой стране с некультурными, необразованными людьми, с дикарями.

Ф. Салказанова: Действительно ли афганцы — дикий народ, а Афганистан — культурно отсталая страна?

Мажру: Можно сказать, что Афганистан — страна бедная, страна развивающаяся, но нет никаких оснований называть Афганистан страной отсталой. Люди знакомые с историей Афганистана, знают, что здесь были крупные центры исламской цивилизации. Самые известные из них — город Балх или, как его еще называют, Вазирабад и Газни. В Афганистане находились известные центры развития науки и литературы. Здесь были крупные университеты. На протяжении многих веков Афганистан был в авангарде прогресса. 60-70 лет назад началась модернизация Афганистана. Это был период быстрого экономического развития, быстрыми темпами шла механизация сельского хозяйства. За последние тридцать лет, сказал профессор Мажру, были

достигнуты большие успехи и в области образования. Я могу засвидетельствовать это лично. Повсюду, даже в самых отдаленных деревнях, были построены школы.

Это были мужские и женские школы. Афганцы хотели, чтобы их дети были образованными людьми, и добивались строительства все новых и новых школ. В Афганистане осуществлялась также программа обучения взрослых. Это были курсы, на которые ходили и женщины, и мужчины. Программа обучения взрослых грамоте осуществлялась в Афганистане под контролем и на средства Организации Объединенных Наций, и курсы по ликвидации безграмотности были переполнены.

Ф. Салказанова: Что же произошло потом? Почему несколько лет спустя эти курсы опустели? Почему афганцы перестали посылать своих детей в школу? Почему афганцы запретили ходить в школу своим женам и детям и сами перестали посещать эти курсы?

Мажру: Как только коммунисты пришли в Афганистане к власти, они, первым делом, начали менять учебники. До этого тексты, по которым люди учились читать и писать, были нейтрального содержания. Коммунисты заменили эти тексты на тексты, содержащие пропаганду идей партии. Когда афганцы увидели, какие книги заставляют их читать в школе, они перестали ходить на эти курсы. Тогда их начали загонять насильно. И это не могло не вызвать всеобщего возмущения и всеобщего сопротивления. Сейчас даже в самом Кабуле многие родители не пускают своих детей в школу, потому что не хотят, чтобы их детей воспитывали в коммунистическом духе. Это правда, что школы подвергаются постоянным атакам афганских повстанцев-муджахиддинов, но дело в том, что буквально во всех афганских деревнях коммунисты превратили школы в свои штаб-квартиры, школы превращены в пропагандистские центры и центры по сбору информации о повстанцах. Естественно, что они стали мишенью муджахиддинов.

Система преподавания как таковая прекратила свое существование четыре года назад. Это значит, что у нас будет целое поколение безграмотных людей. Процент умеющих читать и писать катастрофически упал после советского

вторжения в Афганистан. В местах, находящихся под контролем советско-кармалевских войск, люди отказываются ходить на курсы и посылать своих детей в школу, и только сейчас повстанцы начали открывать школы в районах, освобожденных от оккупантов, но у повстанцев недостаточно средств для этого. Советское вторжение в Афганистан свело на нет усилия шестидесяти последних лет. Из-за оккупации Афганистан вернулся на 60 лет назад и в области экономики, и в области культуры, и в области образования. За годы оккупации объем сельскохозяйственной продукции сократился на 25-30%. Коммунисты пытались осуществить распределение земель среди крестьян, но из этого ничего не вышло, потому что они распределяли земли, им не принадлежащие. Да и как они могут распределять земли, если они не смеют высунуть носа из своих генеральных штабов? А из казарм они выходят только на военные операции. Во всех крупных городах правительственные учреждения оцеплены армией, охраняющей их от нападений повстанцев. Люди, работающие в этих учреждениях, не имеют никакого контакта с населением своей страны.

Ф. Салказанова: Советская пропаганда утверждает, что советская армия несет Афганистану цивилизацию, что советские военнослужащие строят в Афганистане школы, дороги, больницы, детские сады. Насколько верно это утверждение?

Мажру: Какой бы цивилизацией ни обладал какой-либо народ, разве это дает ему право навязывать свою цивилизацию другим народам, уж не говоря о том, что страна может быть технически высокоразвитой, но отсталой в области культуры, морали, этики? То, что говорит советская пропаганда, не имеет ничего общего с действительностью. Я не уверен в том, что восемнадцатилетние советские солдаты намного культурнее и образованнее тех, с кем они воюют, кого они убивают.

Ф. Салказанова: А как обстоят сейчас дела в области промышленности? В советских газетах можно нередко встретить репортажи о работе заводов и фабрик, о реконструкции афганской промышленности с помощью советских специалистов.

Мажру: Промышленности просто больше нет. Строятся только военно-стратегические объекты. Например, посадочные площадки для военных самолетов. Единственное, что продолжает действовать, как и раньше, это добыча газа, да и то только потому, что советские привезли с собой рабочих из Средней Азии. Да и как могло быть иначе, ведь советско-кармалевские власти смотрят на всех трудоспособных афганцев, как на людей *боеспособных*? Устриваются настоящие облавы, и всех, кого удастся поймать, насильно либо забирают в армию, либо заставляют вступать в милицию. Одни афганские заводы и фабрики закрыты, другие работают в четверть нагрузки.

Ф. Салказанова: Как складываются отношения между советскими и афганцами в оккупированных районах страны?

Мажру: Если говорить о чисто человеческих контактах и отношениях, они складываются по-разному. В первое время после советского вторжения в Афганистан в оккупационных частях было много узбеков и таджиков. Советские надеялись на то, что афганцы, познакомившись с советскими таджиками и узбеками, поверят, что к ним пришли не чужеземцы, а братья. Ведь в Афганистане тоже много таджиков и узбеков. Оккупанты рассчитывали на то, что советские таджики и узбеки станут в Афганистане проводниками советской идеологии. Но эти расчеты не оправдались. Таджики и узбеки действительно вступали в контакты с местным населением, с афганцами, но в контакты особого рода. Они покупали Коран, интересовались мусульманской религией, в разговорах с афганцами эти советские солдаты говорили: «Держитесь, сопротивляйтесь, а то вас ожидает такая же судьба, как и советских таджиков и узбеков». Между советскими солдатами и афганцами не было языкового барьера. Прямой контакт был возможен и был установлен. И тогда советские власти значительно сократили число солдат — уроженцев Средней Азии.

Ф. Салказанова: Я хочу к Вашим словам добавить следующее. Будучи в командировке на границе между Пакистаном и Афганистаном, я встречалась с афганцами, которые рассказывали мне, как советские узбеки и таджики спасли им жизнь. Высокие чины оккупационных войск и

кармалевские коллаборационисты вели в Кабуле постоянные заседания, на которых обсуждались методы укрепления коммунистической власти в Афганистане. Одним из основных методов укрепления этой власти в Афганистане, как и во всех других странах, были репрессии, аресты, расстрелы. Переговоры эти велись с помощью переводчиков из Средней Азии — узбеков и таджиков. И очень часто эти переводчики после собрания тайком предупреждали афганцев о том, что они попали в список людей, подлежащих аресту. И вот сейчас от Вас я узнала, что спасенные ими афганцы помнят их, вспоминают о них с глубокой благодарностью.

Недавно я прочитала несколько сообщений ТАСС. Это были депеши, очень похожие одна на другую по содержанию. В каком-то районе Афганистана разбита банда наемников, в другом районе — банда душманов; там разбили бандитов, здесь разбили бандитов. Господин профессор, прокомментируйте, пожалуйста, эти сообщения.

Мажру: Если послушать «Радио Кабул» и прочитать депеши ТАСС, то можно подумать, что советско-кармалевские войска уже целиком и полностью разгромили афганское сопротивление во всех провинциях Афганистана. В некоторых даже по нескольку раз. В действительности же, советским не удалось поставить под свой контроль ни одной провинции. Иногда в некоторых районах им кажется, что победа близка, что население смирилось. Так было, например, в районе Кунара, недалеко от Джелалабада. Здесь в последний год даже действовало нечто вроде местного коммунистического управления. Повсюду стояли местные милицейские военные посты. Обстановка была довольно спокойная, и вдруг сопротивление возобновилось в районе Шива и охватило близлежащие районы. Из тридцати укрепленных пунктов двадцать перешли в руки повстанцев. От афганской милиции в этом районе почти ничего не осталось. Подавляющее большинство милиционеров присоединилось к муджахиддинам.

Советские солдаты сидят в нескольких укрепленных пунктах и боятся выходить за их пределы. В депешах ТАСС, которые Вы мне показали, часто встречается название: провинция Пактия. Согласно этим депешам, там все время разбивают банды душманов. На самом деле происходит

следующее: повстанцы нападают на советское военное укрепление и захватывают его. Через некоторое время приходит большой отряд советских войск и нападает на этот пункт. Муджахиддины отступают. Появляется советская депеша о крупной победе, а через несколько дней муджахиддины снова нападают на этот пункт и снова захватывают его, но об этом ТАСС уже ничего не сообщает. Вот почему в разных сообщениях ТАСС часто говорится о советской победе в одном и том же укрепленном пункте.

Ф. Салказанова: А откуда у афганских крестьян оружие? Получают ли они оружие из Америки?

Мажру: Они забирают оружие у врага. Они устраивают засады и нападают на советские военные колонны, и это — главный источник, из которого они получают оружие и продовольственные продукты. Что касается Америки, я расскажу о разговоре, который был у меня с командиром одного из афганских повстанческих отрядов. Он сказал мне следующее: «Если Вы увидите американцев, передайте им, пожалуйста, привет и поблагодарите их от нашего имени за зерно, которое они продали Советскому Союзу. Оно благополучно дошло до нас». Действительно, отряд, которым руководил этот командир, отбил у советских сорок вагонов американского зерна. Повстанцы раздали это зерно населению и небольшую часть оставили себе на пропитание. У муджахиддинов нет самого необходимого, не хватает даже легкого зенитного оружия.

Ф. Салказанова: В чем заключается сила и в чем заключается слабость советской армии в Афганистане?

Мажру: Сила советских — это исключительно военная сила. Они способны совершать массовые убийства. Они способны стирать деревни с лица земли, уничтожать мирное население. Сколько людей уже покинуло Афганистан?! Миллион беженцев в Иране, три миллиона в Пакистане, и люди продолжают бежать. Афганские деревни разрушены — это советские умеют. А теперь посмотрим, в чем заключается их слабость. Они были уверены в том, что сопротивление плохо организованных и плохо вооруженных людей не может быть продолжительным. Они никак не могут понять,

почему им не удастся сломить это сопротивление. И советские войска, конечно, давно уже сломили бы его, если бы, как они утверждают, оно не было организовано из-за границы, если бы, как утверждает их пропаганда, это сопротивление не действовало с территории Пакистана. Им не удастся и не удастся сломить сопротивление афганского народа потому, что в этом сопротивлении участвует весь народ. Главная проблема повстанцев — не недостаток людей, а нехватка оружия. У них не хватает оружия для всех, кто хочет сражаться. Командиры военных отрядов уговаривают людей не присоединяться к муджахиддинам, потому что у них нет оружия для всех. Если бы у повстанцев было оружие для всех желающих сражаться, то завтра их ряды утроились бы. Советские оккупанты знают, что повстанцы, в основном, — жители деревень. Вот почему они в первую очередь терроризируют деревенских жителей. Вот почему они заставляют их покидать Афганистан. Сопротивление не может действовать в опустошенных районах, поэтому советские оккупанты сжигают урожай и бомбят деревни. Другая слабость советских оккупантов в том, что им так и не удалось за годы оккупации привлечь на свою сторону достаточно людей, чтобы обеспечить работу местных партийных органов. Поэтому советским советникам приходится заниматься всеми вопросами, в том числе и мелкими административными проблемами. Советские оккупанты потерпели поражение и в своем стремлении создать афганскую армию, которая была бы способна обеспечить безопасность коммунистической власти, бороться с повстанцами и выполнять на Востоке роль, которую играет в Латинской Америке и Африке кубинская армия.

Ф. Салказанова: В советской печати нередко можно встретить интервью крупнейшего современного афганского поэта Сулеймана Гаека. Он занимает в Кабульском правительстве пост министра, активно сотрудничает с оккупантами и объясняет читателям советских газет, как приятно и как полезно, когда твоя родина оккупирована войсками иностранной державы. Удалось ли коммунистическому режиму Афганистана привлечь на свою сторону многих выдающихся деятелей афганской культуры — таких, как Сулейман Гаек?

Мажру: Им не удалось привлечь к себе интеллигенцию. Из видных представителей афганской интеллигенции на их сторону перешел только Гаек. Многих из тех, кто верил что коммунистическая идеология — идеология прогрессивная, коммунисты в разные периоды чисток либо расстреляли, либо арестовали. Другие разочаровались в коммунистической идеологии, увидев, какими методами она насаждается в стране.

Что касается Сулеймана Гаека, то с ним произошла грустная история. Когда-то, когда он был в оппозиции, он писал замечательные стихи и песни. Но с тех пор, как он находится у власти, источник его вдохновения иссяк. Сулейман Гаек был прекрасным поэтом, но сегодня поэзия, творческое вдохновение находятся по эту сторону баррикады. Поэты и писатели, все люди творческой мысли находятся в оппозиции. Советско-кабульский режим пытается привлечь афганскую интеллигенцию на свою сторону путем подкупа, но подкупленные поэты, даже лучшие из них, как, например, Сулейман Гаек, перестают быть поэтами.

Ф. Салказанова: Каким представляется Вам политическое урегулирование афганской проблемы?

Мажру: Мы надеемся, что настанет день, когда советские поймут, что марксизм не может прижиться в Афганистане, что эпоха больших завоеваний прошла и что больше невозможно легко завоевать соседнюю страну и легко проглотить ее. Они поймут, насколько им выгоднее, чтобы Афганистан был независимым, неприсоединившимся государством. У Афганистана с Советским Союзом общая граница, протяженностью почти 2000 километров, и мы знаем, что в наших интересах поддерживать дружеские отношения с могучим северным соседом. Мы не можем позволить себе враждебное отношение к сверхдержаве. Советские руководители должны это понять и увести свои войска домой.

Ф. Салказанова: Не опасаетесь ли Вы, что Советский Союз сможет аннексировать Афганистан?

Мажру: Нет, я не верю в опасность аннексии, я не думаю, что советские руководители решаться присоединить

к советским мусульманским республикам такой источник смуты как Афганистан. Средняя Азия и без Афганистана очень неблагонадежный для них элемент. Там очень сильны национальные идеи и идеи ислама. Я думаю, Советский Союз не совершит столь грубую ошибку.

Ф. Салказанова: Каковы шансы возвращения к власти в Афганистане бывшего короля Захир-шаха?

Мажру: Захир-шах сделал одну очень умную вещь, которая многим понравилась. Он заявил, что не собирается восстанавливать монархию, что он хочет всего лишь способствовать объединению сопротивления. Это был хороший призыв, и он многим понравился. Многие относятся с симпатией к Захир-шаху не потому, что он — представитель монархии, а потому, что он может сыграть важную роль. Знаете, в начале движения сопротивления многие афганцы относились к бывшему королю очень критически за то, что, будучи у власти, он пассивно наблюдал за проникновением советских в Афганистан. Многие считали, что именно он открыл советским двери Афганистана. Но в последнее время все начинают понимать, что нам нужен единый, общий для всех политический лидер. И у нас нет другого политического деятеля такого общенационального масштаба, как Захир-шах. Я думаю, что его кандидатура приемлема для руководителей всех политических партий афганского сопротивления. Другая сила, которая окажет важное влияние на будущее Афганистана, — это командиры военных отрядов, действующих в Афганистане. Их политическое влияние растет, и кто бы ни был в будущем у власти в Афганистане, он сможет управлять страной только при поддержке этих командиров, пользующихся огромным авторитетом.

Однажды командир одного из отрядов повстанцев рассказал мне такую историю. Его отряд сидел в засаде. Мы ждали появления советских солдат, сказал он, и вот они появились. Они не заметили нашего присутствия, вышли из своих танков. Это были молодые, красивые, полные жизни люди. Я думал о том, что каждого из них ждут дома — мать, отец, что у них вся жизнь еще впереди. Я никак не решался дать своим бойцам приказ стрелять. И тогда советские

солдаты первыми открыли огонь. Несколько бойцов моего отряда заплатили своей жизнью за мою нерешительность, мои колебания, мою жалость к молодым советским солдатам. Мы убили всю эту группу советских солдат, хотя мы знаем, что вина за эту войну лежит не на них, а на руководителях их страны, но они выполняют приказ и стреляют в афганцев, и афганцы обязаны защищать свою родину. И будут защищать ее до последней капли крови.

МЫ НИКОГДА НЕ СМОЖЕМ СМИРИТЬСЯ С ОККУПАЦИЕЙ

(Интервью с партизанским командиром Амином
Вардаком)

Весной 1984 года специальный корреспондент радио «Свобода» Фатима Салказанова в районе границы между Афганистаном и Пакистаном встретила с командиром одного из отрядов афганского движения сопротивления Амином Вардаком и попросила его ответить на несколько вопросов.

Ф. Салказанова: Не могли бы Вы рассказать о том, как шло установление коммунистической власти в вашей провинции — провинции Вардак?

Амин Вардак: Сразу после установления в Афганистане коммунистической власти, коммунисты, первым делом, пообещали дать крестьянам землю. Крестьяне нашей провинции, конечно, очень этому обрадовались, но вскоре после того, как коммунисты приступили к осуществлению своей реформы, началось сперва всеобщее разочарование, а потом и всеобщее возмущение. Дело в том, что коммунисты начали раздавать неимущим крестьянам земли, конфискованные у других крестьян, вместо того, чтобы раздавать крестьянам никем не занятые, т.е. никому не принадлежащие, земли. Но ислам запрещает мусульманину присваивать чужое добро, и наши крестьяне отказались занимать участки, принадлежащие другим крестьянам. Короче говоря, коммунисты пытались, прикрываясь призывами к раскулачиванию, посеять рознь среди афганцев. Попытки провалились.

Следующим шагом коммунистов, который вызвал в Афганистане настоящую волну гнева, было открытие вечерних курсов в мечетях.

В мечети мусульмане не имеют права курить. Они не имеют права входить в мечеть в обуви. Мечеть — это место для молитвы. Это не место для дискуссий и для политических собраний. Но пришли учителя-коммунисты, повесили в мечетях портреты Ленина и Тараки. Они начали устраивать в

мечетях собрания и объяснять людям, что вера в Бога — глупости. Потом коммунисты арестовали в нашей провинции вождей нескольких племен, людей, пользующихся всеобщим уважением. И вот после этой так называемой «земельной реформы», после оскорблений религиозных чувств афганцев, после арестов вождей племен — афганцы поняли, что несет им коммунистический режим. И тогда началась борьба с коммунистами. Когда афганцы начали активное сопротивление коммунистической власти, кабульское радио объявило, что в Афганистане возникло контрреволюционное движение, которое возглавили китайские, американские и арабские интервенты.

В нашей провинции состоялись собрания во всех деревнях и народ решил начать вооруженную борьбу с коммунистическим режимом, но у нас не было никакого оружия и тогда мы пошли на хитрость. Мы послали в Кабул делегацию, которая заявила представителям кабульского режима следующее: «Мы слышали по радио, что на Афганистан напали арабские, китайские и американские капиталисты и империалисты. Наши предки сражались с английскими интервентами, мы тоже готовы сражаться, но у нас нет оружия».

И тогда нам дали 18 000 ружей, и как только мы получили оружие, мы восстали. В течение нескольких недель мы заняли в своей провинции все укрепленные пункты коммунистов и освободили свою провинцию.

Ф. Салказанова: Итак, провинция Вардак восстала против коммунистического режима еще при власти Тараки. А что было дальше? Что было, когда к власти в Афганистане пришел следующий советский ставленник, следующая марионетка — Амин?

Амин Вардак: Однажды при Амине они, т. е. коммунисты, предприняли против нас наступление. У нас погибло тогда 32 человека, погибли очень известные муджахиддины-повстанцы, которые пользовались большим уважением. Это наступление продолжалось две недели. Нападающие потеряли около 400 человек.

Когда советские обнаружили, что афганские повстанцы уже освободили от коммунистов 90-95% территории

Афганистана, они ввели в Афганистан свои войска, свергли Амина и посадили на его место Бабрака Кармаля. И вот уже более четырех лет советские войска оккупируют Афганистан. До прихода советских войск афганские муджахиддины сражались с афганскими коммунистами, которые нарушали наши обычаи и оскорбляли чувства верующих. После оккупации Афганистана началась народная война с иностранным захватчиком.

Афганистан — страна с многовековой историей. Во все времена предпринимались попытки завоевать Афганистан, но все они провалились, потому что афганцы не могут, не способны мириться с иностранным присутствием в своей стране. И когда советские войска вторглись в Афганистан, афганцы сказали себе следующее: «Наши предки проливали свою кровь, чтобы мы жили в свободном Афганистане, теперь пришел наш черед бороться за то, чтобы Афганистан был свободен».

В борьбе с афганским народом советские войска применяют самое совершенное оружие, применяют самые разнообразные методы, и все же они никак не могут добиться успеха. Нигде советские войска не могут чувствовать себя в безопасности.

Ф. Салказанова: Как известно, действиями повстанцев руководят несколько политических партий. Как Вы к этому относитесь?

Амин Вардак: Существует один ислам. Он неделим. Все народы Афганистана — народы мусульманские. Зачем нужно шесть политических партий? Если бы мы добились настоящего единства, нам было бы легче освободить Афганистан. Этими политическими партиями руководит интеллигенция. Но чьи интересы представляет эта интеллигенция? Далеко не все афганцы умеют читать и писать. Политические партии представляют интересы меньшинства населения. Кроме того, среди интеллигентов есть и такие, что бросили народ в беде, эмигрировав из Афганистана после советского вторжения. Советская авиация совершает налеты на мирные афганские деревни. Раненых афганцев лечат французские врачи-добровольцы, которые работают в Афганистане, рискуя из-за нас своей свободой и жизнью, а

тем временем афганские врачи работают в Западной Европе, в Америке, Канаде. А наши офицеры, окончившие военные академии, живут теперь в Пакистане, где они согласны на любую работу. Они нам нужны в Афганистане.

Ф. Салказанова: Как афганские повстанцы относятся к советским солдатам, оккупировавшим Афганистан?

Амин Вардак: Мы понимаем, что многие советские солдаты недовольны тем, что их послали воевать с афганским народом. Я думаю, что в мире вообще очень мало людей, которые любят убивать. Но у них в стране диктаторский режим. Их заставляют воевать с нами. Советские солдаты убивают наших жен и детей. Но мы знаем, что приказ убивать дали коммунисты, а не простые солдаты.

Однажды, когда я был во Франции на одном из собраний, маленький французский мальчик спросил у меня: «Сколько вы уже убили советских солдат?» Я ответил ему: «Никто не любит убивать людей, но мы обязаны защищать свою родину от советских солдат. Когда гитлеровцы оккупировали Францию, — сказал я этому мальчику, — твой папа или твой дедушка тоже воевал и тоже убивал. Ни одна страна в мире не любит, чтобы ею командовала другая, чужая страна».

Все народы в мире хотят быть свободными, все народы любят свободу. У советской армии в Афганистане есть на вооружении «МИГи» и вертолеты. Советские солдаты применяют в Афганистане химическое оружие и напалм, а у нас — простые винтовки и советские автоматы «Калашников». Силы очень неравные, и поэтому советская армия убила в Афганистане уже миллион человек, а советские потери в Афганистане — тысяч 20, не больше.

В Афганистане гибнут восемнадцатилетние советские подростки. Как нам их ни жалко, мы вынуждены сражаться с ними. Ведь эти солдаты — бойцы иностранной оккупационной армии, интервенты. О спасении их жизни должен заботиться не афганский народ, а родители этих подростков: их папы и мамы должны делать все, чтобы помешать отправке своего сына в Афганистан, чтобы не допустить его гибели.

Советская пропаганда и «Радио Кабул» постоянно утверждают, что афганским повстанцам помогают американцы и китайцы. К сожалению, никто не оказывает нам никакой помощи. Моральную поддержку оказывает нам весь мир, кроме коммунистических стран, а вот материальную поддержку повстанцам, по существу, не оказывает ни одно правительство мира. Есть отдельные люди, которые нам помогают. Есть частные общественные организации, но все это — капля в море. Нам очень помог только Пакистан — тем, что принял у себя три миллиона афганских беженцев. Нам так нужна помощь всех правительств мира!

Нужно, чтобы все правительства в мире помогли афганскому народу, потому что он борется за свою свободу. Они должны нам помочь еще и потому, что Советский Союз не остановится на Афганистане. Следующей жертвой будет Пакистан. Советской Союз уже ведет подрывную деятельность в Пакистане. Уже не раз в Пакистане арестовывали людей, которых засылают в Пакистан из Кабула, из Советского Союза с бомбами, с взрывчаткой для организации покушений и беспорядков, для дестабилизации Пакистана.

Ф. Салказанова: Вы говорите о том, что коммунисты не уважают религиозных чувств афганцев, что они оскверняют мечети, оскорбляют верующих. В то же время всем известно, что в Афганистане уже есть немало религиозных деятелей, сотрудничающих с оккупантами.

Амин Вардак: В каждой афганской деревне есть мечеть. В каждой деревне есть мулла. Некоторые из них прошли обучение в Советском Союзе. Коллаборационисты есть во всех слоях населения. Нашлись в Афганистане инженеры и врачи, сотрудничающие с оккупантами, нашлись и муллы. Богословие может изучить и коммунист, он может даже преподавать богословие. Молиться с верующими в мечети. Богословие можно изучить и не будучи верующим, но человек, который приобретает знания, но сам в Бога не верует, не может быть муллой. Мулла-коммунист — самозванец.

Сейчас в Кабуле есть муллы, которые дают интервью по телевидению. Рассуждают о религии и одеты правильно, и

чалма у них настоящая, но люди им не верят. Эти муллы говорят, что коммунисты — тоже мусульмане, что Бабрак Кармаль — мусульманин. По телевизору показывают, как Кармаль ходит в мечеть, как он молится в мечети, но все знают, что коммунистическая идеология — идеология атеистическая.

Афганцы знают это, несмотря на то, что советские изменили свою тактику. При Тараки коммунисты подвергали верующих преследованиям. В мечетях висели портреты Тараки и Ленина. Теперь при Кармале коммунисты строят даже новые мечети, показывают их по телевидению. Показывают они и фильмы, как афганские муллы едут в Советский Союз и посещают там советские мечети, но мы знаем, что все это — всего лишь пропаганда. Коммунисты не изменили своего отношения к религии. Они изменили свою тактику, потому что поняли, что бессильны запретить религию в Афганистане.

Ф. Салказанова: Советская пропаганда утверждает, что афганские повстанцы — противники прогресса, что вы разрушаете школы.

Амин Вардак: Мы действительно часто нападаем на школы. Я вам сейчас объясню — почему. В каждой афганской деревне лучшее помещение всегда отводилось под школу. В деревнях, которые находятся под контролем коммунистов, эти помещения были переданы местной партийной ячейке. Там, где раньше были школы, теперь заседают коллаборационисты. Здесь же они встречаются с представителями оккупационной армии. Т. е. бывшие школы превращены одновременно в партком и комендатуру. Вот почему мы совершаем нападения на эти помещения. Что же касается утверждений, что, мол, муджахиддины — противники прогресса, то я могу вам привести точные данные, которые их полностью опровергают. В прошлом году в освобожденном от оккупантов Вардаке действовало десять школ с трехлетним обучением. Нам удалось достать для наших школьников учебники, тетради и карандаши. К нынешней осени мы откроем еще двадцать пять школ. Мы вынуждены строить крошечные школы, потому что большие школы становятся мишенью советской авиации. В школах,

которые действуют на территории, находящейся под контролем партизан, обычно бывает по три класса. В каждом классе примерно по тридцать учеников и, конечно, в школу ходят не только мальчики, но и девочки. Мы думаем о будущем нашей страны: освобожденному Афганистану, свободному Афганистану, нужны будут грамотные люди, нужны будут специалисты.

Ф. Салказанова: На Западе иногда высказывается мнение, что свободный Афганистан может стать вторым Ираном. Ведь во главе афганских повстанцев стоят муллы, являющиеся одновременно не только религиозными, но и политическими, военными руководителями. Существует ли опасность того, что после освобождения Афганистана к власти там придет человек типа аятоллы Хомейни — вождя иранской исламской революции?

Амин Вардак: Ислам существует уже 14 веков. В мире более ста мусульманских стран. Еще шесть лет назад Афганистан был независимой свободной мусульманской страной. Но Западу почему-то кажется, что ислам существует только в Иране, да и то только с тех пор, как там пришел к власти аятолла Хомейни. Мы же считаем, что ислам аятоллы Хомейни — не настоящий ислам. Ислам проповедует справедливое судопроизводство, беспристрастный суд, а по приказу Хомейни тысячи людей были убиты без суда. Война в Афганистане — это джихад, т. е. священная война всех мусульман в мире. Участие в этой войне — священная обязанность каждого мусульманина, но Иран под руководством аятоллы Хомейни, ничем не помогает нам. Когда в Иране появились беженцы из Афганистана, иранские власти заявили им, что они дадут право жить в Иране только тем беженцам, которые изъявят желание получить иранское гражданство. Остальные, мол, пусть уходят в Пакистан. А дальше было следующее: афганцы, получившие иранское подданство, были мобилизованы (в большинстве это были дети) и посланы на войну с Ираком и на войну с курдами. Можно ли считать аятоллу Хомейни настоящим мусульманином, если он не помогает беженцам-мусульманам? Разве можно считать его настоящим мусульманином, если он посылает мусульман-афганцев убивать мусульман в Ираке и

мусульман-курдов? Мы не хотим убивать своих братьев. Мы хотим бороться с советской оккупацией и хотим, чтобы нам в этом помогли все мусульмане мира. Мне смешно, когда я слышу рассуждения западных обозревателей о том, что, мол, Афганистан может стать вторым Ираном, что после победы над оккупантами мы провозгласим исламскую республику типа Иранской исламской республики. Аятолла Хомейни навязал Ирану свои собственные идеи, не имеющие ничего общего с идеями ислама. Афганистан никогда не станет вторым Ираном.

ТЕПЕРЬ СОВЕТСКИЕ В РОЛИ ФАШИСТОВ

(Беседа Ф. Салказановой с бойцом сопротивления,
агрономом Хабибом)

Ф. Салказанова: Вы шесть лет учились в Советском Союзе, окончили Киевскую сельскохозяйственную академию. Вы должны хорошо знать советских людей. Расскажите, пожалуйста, о своем отношении к советским людям и к советскому правительству.

Хабиб: Знаете, советские люди и советские политики — это два различных понятия. Этого нельзя не учитывать. Люди везде бывают хорошие и плохие. Но в большинстве, везде хорошие люди. А что касается советских политиков — то всему миру известно, кто они и чем занимаются, что делали и делают. Советская политика такая: говорят о дружбе, а проливают кровь, убивают, уничтожают. Мы хотим себя освободить. Они хотят нас держать в руках. Справедливость на нашей стороне. Вот мне и хочется, чтобы советские солдаты поняли нас. Не мы их должны понимать, а они должны нас понять. Не воевать с нами.

Были у нас раньше советские специалисты. Куда бы они не приезжали — для них резали баранов, повсюду угощали. Как гостей принимали, в свое сердце их принимали. А теперь они воюют, и увидели — уже шесть лет они знают об этом, — что афганский народ не сложит оружи. Афганцы воюют до последней капли крови.

Ф. Салказанова: Я встретила во время своей командировки с очень многими афганцами, которые по несколько лет жили и учились в Советском Союзе. Им очень тяжело сейчас сражаться с людьми, которых они полюбили. Эти афганцы знают русский язык, любят русскую литературу, любят советских людей. Что испытываете Вы, когда встречаетесь с советскими солдатами? Когда берут их в плен и когда принимают советских перебежчиков?

Хабиб: Когда они в наших руках, мы их жалеем — они теперь это уже знают. Они сами себя жалеют, и мы их

жалеем. Эти молодые паренки пришли сюда, не зная зачем. Они могли бы жить очень хорошо, строить себе хорошие дома. Они пришли сюда убивать, пришли на смерть. Почему советское правительство не понимает этого?

Пожалуйста. Вы, если сможете, передайте всем от нашего имени, я имею в виду советских людей, чтобы они узнали: ни одного журналиста, кроме коммунистов, они не пускают во внутренний Афганистан. Почему не пускают? Потому, что они творят зверства. Они не хотят, чтобы об этом знали другие народы.

Вот когда-то, в 41-45 гг., немцы наступали на советскую землю. И все партии защищали свою родину, и вот их имена с уважением все вспоминают и все говорят: «Слава тем людям». Но теперь, почему они этого не понимают? Не хотят понять, что теперь они в роли немецких фашистов в Афганистане. И афганский народ имеет такое же, как они тогда, право защищать свою родину. И будет защищать. Пожалуйста, прекратите войну! Мы не хотим воевать. Нам не хочется кровопролития!

ЖИТЕЛИ КАБУЛА НА НАШЕЙ СТОРОНЕ

(Беседа Ф. Салказановой с командиром повстанцев в районе Кабула Абдул-Хаком)

Ф. Салказанова: Г-н Абдул-Хак, прежде всего расскажите, где Вы родились, где Вы учились, как и почему Вы присоединились к афганскому сопротивлению.

Абдул-Хак: Я родился в районе Нангархара. Это область, лежащая между Кабулом и Пакистаном, приблизительно в 100 км от Пешевара. Мне 26 лет. Когда я был 14-летним мальчиком и учился в школе, то у нас был учитель истории, который очень красочно рассказывал нам о Советском Союзе, о коммунизме. Он говорил, что при коммунизме не должно быть ни бедных, ни богатых. Что все будут равны, что каждый будет иметь хороший дом, машину, будет хорошо зарабатывать. Для нас, детей бедняков, такие идеи звучали очень привлекательно. Однако, наше мировоззрение формировалось не только под влиянием учителей-коммунистов. Мы имели еще возможность читать другие книги, слушать других людей. И понемногу мы стали задумываться, что такое коммунизм. Особенно, когда прочитав книги по истории, мы узнали: как коммунисты пришли в Бухару и Самарканд, и что они там сделали. И мы поняли, что такое будущее может быть уготовано и нам. Уже тогда, в школе, началось разделение: некоторые склонялись к коммунизму, еще больше — были пассивны к его угрозе, а многие сохранили верность исламу и традициям. Это были времена короля Захир-шаха, который поддерживал с Советским Союзом тесные экономические и политические связи. И мы поняли, к чему это ведет, поняли, что нам надо делать и за что бороться. Затем к власти пришел президент Дауд. Он еще теснее сблизился с Советским Союзом и предоставил коммунистам полную свободу действий. Например, свободно заниматься своей пропагандой, чего они раньше столь открыто не могли делать в исламской стране. Тысячи людей были посланы в Советский

Союз, многие места в государственном аппарате, армии, да и в самом правительстве заняли люди, близкие к коммунистам. И я понял, что может случиться то, что произошло в советской Средней Азии. И я начал сражаться против Дауда. Убежал в Пакистан и присоединился к вооруженному сопротивлению. Мне было тогда 16 лет. Это было трудное время. Немногие понимали грозящую опасность. Но мы уже тогда знали, что коммунисты придут в Афганистан. Нас было очень мало. Семью мою, после моего бегства в Пакистан, арестовали, все наше имущество конфисковали. А затем им удалось схватить меня.

Ф. Салказанова: А как Вы попали обратно в Афганистан?

Абдул-Хак: Я много раз пробирался из Пакистана в горные районы страны, в города. Беседовал там с людьми, налаживал контакты. Во время одной такой миссии меня арестовали в Кабуле. Я провел в заключении 8 месяцев. Из них четыре месяца меня непрерывно допрашивали. Меня пытали. Пытали электрошоком. Заставляли босого по несколько часов стоять на снегу. Били, не давали спать. Они хотели, чтобы я назвал своих товарищей. Студентов, преподавателей, офицеров правительственной армии, которые помогали нам. Несколько раз они хотели меня казнить, но каждый раз им что-то мешало. Первый раз это было в последние дни режима Дауда. Судья сказал, что нельзя казнить несовершеннолетних. Мне было тогда 17 лет. Затем моя казнь не состоялась, потому что произошла смена режима. К власти пришел Тараки. Вскоре после этого меня перевели в одно изолированное место, откуда было невозможно бежать. Нас содержали там в ужасных условиях, но позже один офицер, тайно сотрудничавший с нами, помог мне освободиться, и я опять добрался до Пакистана.

Ф. Салказанова: К этому времени Вы уже были членом организации Хезб-и-Ислами?

Абдул-Хак: Нет, это случилось позже. Вначале Хезб-и-Ислами, «Джамиат» и другие организации работали вместе. Когда я вернулся в Пакистан, муджахиддины уже начали свою борьбу против советского вторжения. Я включился в эту борьбу и действовал в районе Пактии, затем в других

районах; два года назад мы перебазировались в район Кабула и теперь действуем там.

Ф. Салказанова: Вы говорите «мы действуем там». Что Вы имеете в виду? Вот, передо мною французские газеты: они называют Вас командиром партизан в районе Кабула. Они пишут, что Вы отличаетесь от политических лидеров афганского сопротивления в Пешеваре. Они считают Вас представителем «нового афганского сопротивления». Что это за «новое сопротивление» и чем оно отличается от прежнего?

Абдул-Хак: Особо нового в нашей тактике ничего нет. Просто мы научились менять нашу тактику и методы борьбы в зависимости от того, как меняет их Советский Союз. Ведь мы имеем дело со сверхдержавой, которая обладает громадным потенциалом, всеми возможностями для проведения карательной политики. Когда кармалевский режим захватил власть в стране, муджахиддины попросили меня перебраться в район Кабула. Когда я туда приехал, там почти не было сопротивления, лишь отдельные его очаги.

Ф. Салказанова: Значит, это Вы организовали сопротивление в окрестностях Кабула и в самой столице?

Абдул-Хак: Я и другие партизанские командиры.

Ф. Салказанова: Мне говорили в Париже, что Вы руководили операцией, которая была проведена 27 декабря 1983 года. Что это была за операция? Какие операции Вы провели в первые два месяца 1984 года?

Абдул-Хак: Во время операции 27 декабря мы в течение одной ночи одновременно атаковали пятнадцать различных целей. Это было в 4-ю годовщину прихода Кармаля к власти. Кармаль полагал, что мы не решимся на такую атаку, потому что накануне в Кабуле были усилены меры безопасности и туда дополнительно переброшены отборные советские войска.

Ф. Салказанова: А откуда были переброшены эти войска?

Абдул-Хак: Эти войска были переброшены прямо из Советского Союза. Их было пять-шесть тысяч человек, и это

были воздушно-десантные части специального назначения. Район, который мы собирались атаковать, усиленно охранялся. И днем и ночью усиленно патрулировался танковыми патрулями, бронетранспортерами, вертолетами. Я лично принимал участие в двух атаках. Я руководил атакой на кабульскую электростанцию. Это в восточной части города. Одновременно, согласно нашему плану, другие отряды муджахиддинов атаковали город с севера, запада и юга. Одной из целей был кабульский международный аэропорт. В результате нападения было уничтожено много военной техники. Это потом подтвердили западные дипломаты в Кабуле. Кроме этого были выведены из строя две электростанции: они до сих пор не работают. У режима нет возможности заменить уничтоженное оборудование, так как эти электростанции были построены западными фирмами.

Ф. Салказанова: А каковы были потери?

Абдул-Хак: У нас было трое раненых... По нашим данным, противник потерял около двадцати человек. Но нашей конкретной целью на этот раз было — уничтожить электростанцию, нанести серьезный материальный урон, а не людские потери.

Ф. Салказанова: Значит Вы достаточно хорошо вооружены, чтобы проводить такие эффективные операции?

Абдул-Хак: Нет. У нас очень мало современного оружия, а наш успех объясняется тем, что нам удалось очень близко подойти к объекту атаки.

Ф. Салказанова: Вопрос другого рода. Вы, наверное, встречали пленных советских солдат. Каково Ваше мнение о них?

Абдул-Хак: Вы знаете, в начале нашей борьбы мы с трудом сдерживали наши чувства, и Вы, наверное, слышали, что в начале войны многих пленных убивали. Но теперь положение изменилось. Мы объясняем партизанам, что советские солдаты не пришли сюда добровольно, чтобы, рискуя своей жизнью, подавить сопротивление афганцев. Этих солдат прислало сюда их правительство. А значит, эти солдаты не виноваты в том, что они здесь. Вообще, есть

несколько типов советских пленных. Это шоферы, возящие грузы в Афганистан; это дезертиры; это, наконец, те, кого мы захватили в плен. Среди последней группы есть, конечно, и коммунисты.

Ф. Салказанова: Ко всем ли пленным Вы относитесь одинаково?

Абдул-Хак: Когда речь идет о перебежчиках и о шоферах, у нас нет озлобления против этих людей. Наоборот, мы не только даем им кров, пищу, одежду, но и стараемся облегчить их дальнейшую судьбу. Другое дело, когда мы захватываем в плен того, кто перед тем стрелял и убивал наших людей. Тут порой разгораются страсти. В любом случае, таких мы строго охраняем, чтобы они не могли бежать и снова воевать против нас. Но мы относимся к ним лучше, чем коммунисты относятся к нашим пленным. Когда наши бойцы попадают в плен, их мучают, пытаются, связанными давят танками.

Ф. Салказанова: Сколько лет Вы уже воюете?

Абдул-Хак: Около десяти лет.

Ф. Салказанова: А Вы не устали?

Абдул-Хак: Еще бы... Не только устал, но и был 14 раз ранен. Вот, видите, пулевые и осколочные ранения в голову, спину, руки, живот. В 83-м году я несколько раз был в Европе, лечился, отдыхал... Но пока Советский Союз оккупирует мою страну, я буду продолжать сражаться.

Ф. Салказанова: Во французских газетах писали, что население Кабула стало пассивным, и даже начинает сотрудничать с кармалевским режимом. Так ли это?

Абдул-Хак: Конечно, нет. Ведь все продовольствие, одежда, другие виды помощи мы получаем только от населения. Других источников у нас нет. Разумеется, в тех условиях, в которых они живут, когда город переполнен кармалевскими и советскими войсками, жители Кабула вынуждены скрывать свои истинные чувства, но душой, сердцем они с нами. Они на нашей стороне. Они нам помогают, они сражаются вместе с нами.

Ф. Салказанова: Советская пропаганда утверждает, что муджахиддины заставляют население помогать им, а тех, кто отказывается, — убивают...

Абдул-Хак: Это неправда. Как я сказал, Кабул наводнен войсками, милицией, силами безопасности. Как в таких условиях можно заставить кого-то, чтобы нам помогал? Это абсурд. Только если кто-то сам, по своей воле хочет помочь партизанам, то его не остановят даже все эти меры. Население Кабула уже показывало свою храбрость и несколько раз устраивало антиправительственные демонстрации. Один раз девочки-школьницы шли против танков...

Ф. Салказанова: Когда это было?

Абдул-Хак: В 83-м году. Власти бросили танки против школьников. Спрашивается: если бы жители Кабула поддерживали режим, разве они решились бы на такие отчаянные действия? Или другой пример. Когда после атаки на кабульскую электростанцию мы уходили от преследования, мы добрались до одной деревушки, жители которой наперебой стали предлагать нам свою помощь. Каждый из них хотел, чтобы трое наших раненых спрятались в его доме. Я сказал им, что это опасно, что в воздухе вертолеты, преследующие нас. Они заявили, что не боятся смерти, потому что хотят помочь в борьбе за свободу своей страны.

Ф. Салказанова: В советских газетах часто пишут о ХАДе, о том, что эта организация будет помогать защищать афганскую революцию. Что Вы можете сказать об этой организации?

Абдул-Хак: Хад—это правительственная служба безопасности. Но фактически это филиал КГБ, потому что ХАД целиком находится под советским контролем. ХАД запугивает население, проводит репрессии против тех районов, которые поддерживают муджахиддинов. Но у нас есть достаточно людей внутри самого ХАДа, чтобы вовремя узнавать об их планах и принять контрмеры. От своих людей мы узнаем, например, о маршрутах следования конвоев и устраиваем засады. Словом, мы знаем о всех планах ХАДа.

Ф. Салказанова: Значит единственное в чем они могут «отличиться» — это репрессии против населения?

Абдул-Хак: Да.

Ф. Салказанова: Какова сейчас повседневная жизнь в Кабуле?

Абдул-Хак: Не хватает преподавателей в школах и университетах. Многие бежали из страны. Другие достаточно квалифицированы, но недостаточно, с точки зрения властей, лояльны по отношению к режиму. Многим учащимся не дают окончить учебу и забирают в армию. Цены возросли в несколько раз. Жителям Кабула очень трудно. У многих нет работы, а кругом такая дороговизна. На улицах города вы не увидите молодых людей. Всех их забрали в армию. Нет электричества. Перебои с проволочным светом. Каждый день с пяти-шести часов вечера действует комендантский час.

Ф. Салказанова: Какого Вы мнения о кармалевской армии?

Абдул-Хак: Судите сами. Со всей той техникой, которую она имеет, со всеми своими вертолетами, самолетами, танками она не может нанести нам поражения. У нее нет никакого прогресса.

Наша же активность, наоборот усиливается. Наши действия становятся все более эффективными.

ТРУД, РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Вадим Белоцерковский

В ОБЩЕСТВЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ: НАЛОГИ, БЕЗРАБОТИЦА, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ДНЯ

После того, как польское профобъединение «Солидарность» выступило вслед за венграми в 56 г., чехами и словаками в 68 г. за введение самоуправления как преимущественной формы (при полной экономической независимости предприятий от государства), остается мало сомнений в том, что строй самоуправления представляет собой наиболее реальную альтернативу тоталитарному социализму. Поддерживает это убеждение и преуспевание самоуправляющихся предприятий на Западе. И что касается структуры самоуправления предприятия, то тут уже все более или менее ясно. Но при переходе к размышлениям о структуре государства, в котором самоуправление будет господствующей формой, т.е. при переходе к соответствующей большой системе, возникает ряд важных вопросов и проблем. В том числе, вопросы о налогах, безработице и продолжительности рабочего дня.

Однако прежде чем перейти к ним, необходимо вкратце коснуться основополагающего вопроса общества самоуправляющихся коллективов — вопроса о расширенном воспроизводстве. То есть о том, кто должен будет заниматься созданием новых предприятий — самоуправляющиеся коллективы или государство?

Я придерживаюсь взгляда, что этим должно заниматься преимущественно государство*. В противном случае, неиз-

*Подробнее, смотри «Самоуправление» (Мюнхен, 1985 г.) стр. 48-57.

бежно начинается трансформация самоуправляющихся предприятий в капиталистические. При этом всё народное хозяйство в целом приобретает характер архаического и хаотического капитализма, несовместимого с современным уровнем развития производительных сил.

Не запрещая никому (ни самоуправляющимся коллективам, ни кооперативным или частным предприятиям) вести расширенное воспроизводство, государство должно, по моим представлениям, за счет налогов строить новые предприятия и передавать их в полную собственность новым коллективам, создаваемым либо с помощью государства, либо самостоятельно какими-то инициативными группами или лицами. Иными словами, старшее поколение должно будет вскладчину обеспечивать «делом» поколение, вступающее в жизнь.

В этом случае большая часть свободной рабочей силы пойдет на предприятия, создаваемые государством. Люди предпочтут становиться хозяевами, а не наемными работниками, пролетариями. Ведь при самостоятельном экстенсивном расширении любых коллективов, т. е. расширении за счет собственных накоплений, никому не будет выгодно принимать работников во вновь созданные предприятия-филиалы на правах хозяев, с правом на получение своей доли прибылей. В этом случае работники основного предприятия не смогут увеличивать своих доходов, а лишь будут приобретать конкурентов за свой счет!

Между прочим, при самостоятельном расширенном воспроизводстве предприятий, кроме всего прочего, возникнет абсурдное положение, когда «отцы» (т. е. поколение людей, которые первыми возьмут или получат в свою собственность предприятия) сделаются в дальнейшем работодателями-эксплуататорами по отношению к «детям».

Однако, если государство будет строить предприятия в достаточном количестве (приглашая людей «володеть ими и княжить»), то самостоятельное расширение предприятий сделается невозможным: они не смогут найти работников (пролетариев) для своих филиалов.

При таком положении предприятия смогут развивать свое производство, главным образом, лишь за счет

интенсивных методов, т.е. за счет усовершенствования технологии, улучшения организации труда и т. д.

Стимулом деятельности всех членов производственных коллективов будет увеличение их благосостояния и улучшение условий труда. Исчезнет бремя необходимости накапливать, растить *капитал*, так как не будет возможности для *экстенсивного* расширения производства. И не будет конкуренции в накоплении капитала, которую можно назвать *агрессивной* конкуренцией (или агрессивной компонентой конкуренции) и которая ведет к поглощению или разорению мелких и отстающих в накоплении предприятий (при том, что они могут преуспевать по всем остальным показателям и быть полезными для общества), к монополизму и ущемлению свободы рынка, к ухудшению качества товаров, к кризисам перепроизводства и многим другим известным негативным последствиям.

С исчезновением у предприятий возможности самостоятельного экстенсивного расширения производства, исчезнет, наконец, и капиталистический цикл в экономике: *Деньги — Товар — Деньги*, который превращает накопление в цель, а человека — в средство накопления, вне зависимости от его положения в обществе или степени эксплуатации. При тоталитарном социализме цикл этот не только сохраняется, но и усиливает свое влияние, становится предельно жестоким. Только выражается он иными словами: вместо роста *капитала*, говорится о росте *производства*, и всё этому подчиняется.

При государственном расширенном воспроизводстве самоуправляющиеся (кооперативные и частные) предприятия будут конкурировать лишь на рынке, за покупателя (*рыночная* компонента или рыночная конкуренция), путем улучшения качества и ассортимента товаров и услуг и снижения их стоимости. И в экономике установится, наконец, социалистический цикл: *Товар — Деньги — Товар*. То есть производители будут выпускать товары, чтобы, выгодно продавая их, удовлетворять собственные потребности, а также приобретать новое оборудование и т. п. для увеличения производительности и улучшения условий труда. Деньги (их накопление, превращение в *капитал*) перестанут

быть целью, а станут только средством для улучшения жизни.

В то же время в условиях свободного рынка и рыночной конкуренции государство сможет весьма эффективно вкладывать средства в создание новых предприятий — с учетом объективных показателей. Увеличивается, скажем, цена на обувь — надо создавать новое обувное предприятие (или субсидировать инициативную группу).*

Такой механизм расширения существует уже фактически в крупных капиталистических концернах, филиалы которых конкурируют между собой на рынке, но новые филиалы создает, инвестирует капитал центральное правление концерна.

Такой же механизм действует и в испанской федерации самоуправляющихся предприятий «Ульгор» (иное ее название: «Мондрагон»).

Там предприятия создали на паях общий банк для финансирования строительства новых предприятий для подрастающего поколения.

За государственное расширенное воспроизводство высказались и создатели программы профобъединения «Солидарность» в Польше в 81 году. В то же время школа реформаторов Пражской весны, возглавляемая Ота Шиком, высказывалась преимущественно за самостоятельное экстенсивное расширение самоуправляющихся предприятий, считая, что государство не сможет делать это эффективно. В книге «Самоуправление» я уже отвечал на этот довод.

*

Существует, однако, еще один аргумент против государственного расширенного воспроизводства, о котором я хочу здесь поговорить. Речь идет об опасении, что слишком велики будут налоги.

*Разумеется, строить новые предприятия должны будут самоуправляющиеся строительные фирмы по подряду соответствующих госорганов. Это, а также возможный контроль представителей формирующегося коллектива будущих хозяев предприятия, обеспечит хорошее качество строительства. Возможна и система экономического стимулирования строителей будущими хозяевами.

Люди, высказывающие упомянутое опасение, забывают, что ничто не создается бесплатно. Любое расширение производства требует средств, накоплений.

В капиталистическом обществе такое накопление производится, главным образом, в скрытой форме: за счет потребителей, которые переплачивают некоторую сумму при покупке товаров или услуг, и за счет наемных работников, которые недополучают за свой труд некоторую сумму.

При тоталитарном социализме экстенсивным расширением производства занимается государство, и деньги на это оно добывает, в основном, тем же скрытым способом, т.к. средства и продукты производства принадлежат государству. Налоги оно могло бы вообще отменить — ведь не взимают их хозяева капиталистических предприятий со своих рабочих и служащих. И если налоги в так называемых социалистических странах не упраздняются, то, видимо, именно из-за того, чтобы не слишком уж обнажать капиталистический характер «социалистического» государства.

О том, как велики здесь скрытые, «капиталистические» удержания, скрытые налоги, можно судить по тому, как низок жизненный уровень и реальная зарплата трудящихся. В странах тоталитарного социализма (или: государственного капитализма) государству приходится удерживать деньги из зарплат трудящихся не только на расширенное воспроизводство, но и для поддержания нерентабельных предприятий, огромного бюрократического аппарата (не говоря уж о чрезмерных расходах на военные нужды).

Большие средства приходится изымать и для восполнения (или ремонта) безвременно выходящего из строя оборудования, некачественного и недобросовестно эксплуатируемого.

Наконец, и само строительство новых предприятий обходится очень дорого — всё из-за той же некачественности и недобросовестности. Плюс потери от неэффективного или просто ошибочного вложения капиталов: создаются заводы, продукцию которых некому потреблять или для них не оказывается в стране поставщиков необходимых материалов.

В капиталистических же странах, особенно в развитых, агрессивная конкуренция, стремление к максимальной прибыли, вынуждает фирмы часть капиталов вывозить в слаборазвитые страны, где труд дешевле, и там создавать свои филиалы. Это ведет к росту безработицы в собственных странах. Государство же при этом вынуждено увеличивать налоги для поддержания безработных.

При самоуправлении, если государство станет вести расширенное воспроизводство, налоги, возможно, будут действительно несколько большими, чем *открытые* налоги в капиталистических и тоталитарно-социалистических странах. Но зато там не будет *скрытых* налогов и удержаний, и людям, в итоге, будет оставаться больше.

Государству, повторю, не нужны будут колоссальные средства, чтобы восполнять неэффективность экономики или нейтрализовать последствия агрессивной конкуренции, а самоуправляющиеся предприятия, не занимаясь расширенным воспроизводством, не будут, следовательно, удерживать с граждан необходимых для этого сумм.

*

Тема налогов в обществе самоуправления тесно связана с вопросом безработицы.

Посмотрим, каковы главные причины безработицы в современных развитых капиталистических странах.

Первая, это высокое и, главное, неравномерное развитие техники производства, что приводит и к увольнению работающих людей, и к безработице среди молодежи, закончившей учебу. Эта причина будет иметь место и в обществе самоуправления, хотя, как мы это покажем дальше, в меньших размерах.

Вторая причина связана с агрессивной конкуренцией — с разорением и закрытием предприятий, отстающих в накоплении капитала.

Третья причина также связана с агрессивной конкуренцией, под давлением которой фирмы часто вынуждены тем или иным способом экспортировать свой капитал, чаще всего в страны третьего мира, где труд много дешевле и норма прибыли, следовательно, выше. В результате экспорта капитала замедляются темпы развития промышленности в стране, из которой капитал утекает, и растет безработица. В

свою очередь и государство, увеличивая выплаты по безработице, уменьшает свои возможности финансировать развитие частной промышленности или государственного сектора.

С агрессивной конкуренцией связана и еще одна существенная причина безработицы в развитых капиталистических странах. Из-за неравномерного развития промышленности в периоды экономического бума в развитые страны приезжает на заработки множество людей из так называемых развивающихся стран. Большая часть их остается на постоянное жительство в развитых странах, и при наступлении спада хозяйственной активности многие из них первыми лишаются работы.

Всех причин безработицы, связанных с агрессивной конкуренцией, не будет в обществе самоуправления, так как не будет самой этой конкуренции. Развитие экономики пойдет более равномерно, станут редкими случаи разорения предприятий и капиталы перестанут утекать из страны.

Однако первая причина безработицы — развитие техники производства — будет, естественно, существовать и при самоуправлении, хотя и в смягченной форме. Самоуправляющиеся коллективы будут, наверное, реже прибегать к увольнению «лишних» работников, чем это имеет место на частных предприятиях. Чаще будет применяться перекавалификация. При хорошем экономическом положении предприятия и благоприятной конъюнктуре будет возможно, вместо увольнения части людей, сокращение рабочего времени всех сотрудников (по мере повышения производительности труда).

Увольнение будет производиться, конечно, по определенным, устанавливаемым коллективами и законом правилам с учетом социальных моментов (размер семьи, возраст, стаж и т. п.). Сокращаемые работники будут получать большое выходное пособие, равное их вкладу за время работы в развитие производства (минус амортизационный процент). Поэтому иные из сокращенных смогут сами, или объединяясь, открывать собственное дело, создавать частное или кооперативное предприятие.

Однако несмотря на все смягчающие факторы, проблема занятости время от времени будет, вероятно, вставать

перед обществом и властями. Но при самоуправлении с государственным расширенным воспроизводством государственные власти будут иметь эффективный механизм борьбы с безработицей. Этот инструмент — налоговая политика!

В случае появления заметной безработицы правительство с согласия парламента (Совета представителей самоуправляющихся и всех иных трудовых коллективов и объединений), *повышая налоги*, сможет быстро сводить к минимуму количество безработных. С одной стороны, за счет увеличения налогов государство сможет наращивать темпы создания новых предприятий, новых рабочих мест. С другой — будет замедлять темпы развития техники на самоуправляющихся и всех иных предприятиях (кроме государственного сектора): у них будет оставаться меньше средств на модернизацию производства. Повышение налогов будет оказывать, таким образом, двойное воздействие на кривую безработицы в сторону ее уменьшения. На рычаг не нужно будет нажимать сильно.

С ликвидацией безработицы или появлением дефицита рабочих рук налоги соответственно будут уменьшаться. Государство будет несколько меньше строить, а самоуправляющиеся предприятия, соответственно, несколько быстрее развивать производительность труда, высвобождая рабочие руки.

*

Для читателя, не осведомленного о существовании и успехах самоуправляющихся предприятий в странах Запада, всё изложенное выше может показаться сплошной утопией. Но об утопии здесь можно говорить лишь в том смысле, что таковой может сегодня представляться возможность освобождения нашей страны от тоталитарного социализма.

На Западе же почти во всех развитых странах уже давно существуют и множатся самоуправляющиеся предприятия. В США, например, их уже около 8 тысяч. В это число входят крупные и мелкие, промышленные и торговые предприятия, научные и гуманитарные учреждения.

Социальное обследование финансовой комиссии Сената США, проведенное в 1979 г., показало, что по всем основным экономическим показателям самоуправляющиеся предпри-

ятия превышают средний уровень в своих отраслях производства.

По данным журнала «Таймс магазин» (от 28.3.1983) «число банкротов среди коллективных предприятий значительно ниже, чем в среднем по стране.»

Национальный исследовательский центр предприятий, принадлежащих рабочим и служащим (Вашингтон, США) сообщает, что на этих предприятиях «среднегодовой прирост производительности труда в два раза выше и прибыльность на 50 % больше, чем на обычных предприятиях.»

По данным этого центра, в США доля рабочих, занятых на предприятиях, частично или полностью им принадлежащих, составляет сейчас (1985 г.) более 8 % от всех работающих по найму, а к 2000 году она увеличится, по расчетам центра, примерно до 18 %.

*

Мы отмечали выше, что одним из способов сохранения рабочих мест при самоуправлении может стать уменьшение продолжительности рабочего дня и рабочей недели.

Но тут возникает вопрос: до каких пор можно и разумно сокращать рабочий день? И с помощью каких критериев это можно определить?

Критерии дает и биоритм человека, и принцип равенства рабочего времени со свободным.

Согласно этим критериям, оптимальное время для нетворческой работы — 4-5 часов в день.

Как показывают исследования, после 4-5 часов, как правило, начинает заметно падать производительность нетворческого труда, увеличивается число ошибок, брака и несчастных случаев. Интересно, что эти выводы в Советском Союзе избегают публиковать, и я смог получить к ним доступ лишь работая сотрудником отдела науки «Литературной газеты».

В то же время работа менее 4 часов оставляет чувство неудовлетворенности, неиспользованности сил, незавершенности.

4-5-часового рабочего дня требует и критерий равенства рабочего и свободного времени в целях полноценного отдыха, поддержания здоровья и удовлетворения социальных и духовных потребностей. Ведь сегодня, при

8-часовом рабочем дне, такого равенства на деле не существует, если учесть накладные расходы времени. Время на транспорт, на подготовку к работе, а после работы — на подготовку к свободному времени. На всё это в современных городских условиях уходит около 2-3 часов. Плюс время на еду и на подготовку ко сну — еще около 2 часов. И остается на свободное время всего лишь около 3 часов. Недопустимо мало. Нашим потомкам будет так же трудно понять, как могли мы терпеть такую жизнь, как нам трудно понять, как жили, скажем, крепостные крестьяне или рабочие эпохи первоначального накопления капитала, которым приходилось работать по 12-14 часов в день.

Действительно, ведь люди должны *ежедневно* укреплять свое здоровье (спорт и т. п.), проводить время с семьей, отдыхать, не говоря уж о самообразовании, чтении, занятии искусством, хобби. Но что можно сделать за 3 часа, да ещё в конце дня, под прессом усталости? Несделанное и недоделанное за рабочую неделю откладывается на конец недели (вместе с усталостью!), и вот уже нет одного выходного дня, как минимум.

Только при 4-5-часовом рабочем дне (плюс 3 накладных часа в среднем) свободное время может сравниться с рабочим. (Разумеется, не при «социалистическом» уровне бытовых услуг и торговли!)*

Но всё это, разумеется, не относится к творческому труду. Творческий труд сам в себе содержит вознаграждение для человека, и продолжительность рабочего дня здесь в идеале должна определяться каждым человеком индивидуально. Творческий человек работая — живет. При нетворческом же труде («повторительном» — по гениальному определению Андрея Платонова) жизнь начинается после работы.

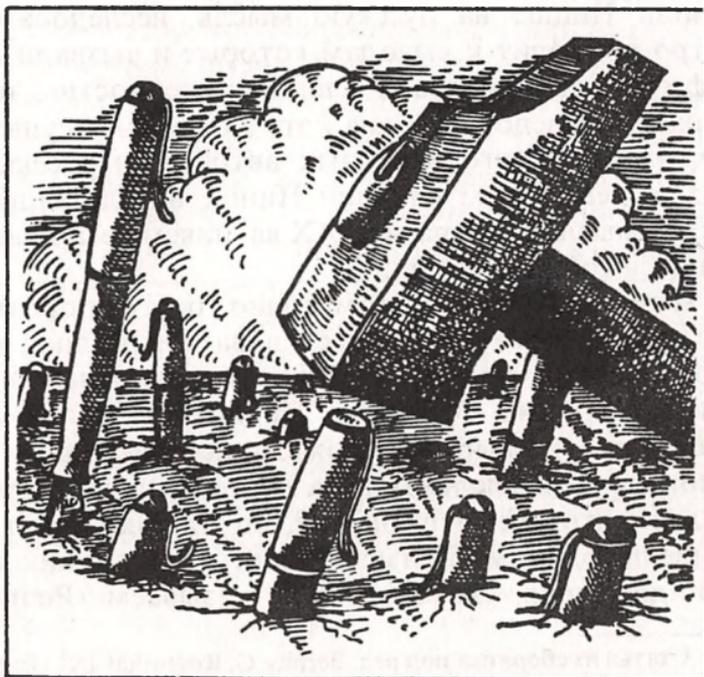
И в этом случае лишь при 4-5-часовом рабочем дне можно будет, наконец, сказать, что люди работают для того, чтобы жить. Пока же наоборот: они живут, чтобы работать.

*Недавно я получил подтверждение этим выкладкам. В 1983 году, перед началом кампании за сокращение рабочей недели в Западной Европе, профсоюзы Голландии объявили своей долговременной целью, к концу века, установление 25-часовой рабочей недели, т. е. 5-часового рабочего дня.

Сокращение рабочего дня до 4-5 часов является, как видим, одним из важнейших условий создания гуманного и здорового общества. Но трудно представить себе достижение этой цели в условиях существующих сейчас в мире социально-экономических систем.

Новая книга:

ФРИДМАН И ХАЙЕК О СВОБОДЕ

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Михайло Михайлов

ВЕЛИКИЙ КАТАЛИЗАТОР: НИЦШЕ И РУССКИЙ НЕОИДЕАЛИЗМ*

«Сверхчеловек» есть путь от человека к Богу.
Николай Бердяев

Приходится повторять слова профессора Штамлера, выступавшего с докладом на эту же тему на симпозиуме в Нью-Йорке: «Согласившись говорить о влиянии Ницше на русских мыслителей так называемого религиозно-философского возрождения начала этого века, я поступил легкомысленно». Дело в том, что приступая к работе о влиянии Ницше на русскую мысль, исследователь очень быстро приходит к выводам, которые и вызвали признание профессора Штамлера в «легкомысленности»: почти что никаких исследований на эту тему не существует, а утверждения многочисленных авторов, и русских и западных, о решающем влиянии Ницше на блестящую плеяду русских мыслителей начала XX вв. ничем не подтверждены и остаются голословными.

И тем не менее симптоматично то, что, проанализировав многие трудности на пути исследователя (полное отсутствие работ, полная противоположность духовной направленности нигилизма Фридриха Ницше и идеализма русских философов) и выразив пожелание увидеть в будущем доскональное исследование на эту тему, профессор Штамлер заявляет, что несмотря на всё, он глубоко верит в то, что Ницше необходимо признать «святым заступником и отцом того движения, которое мы называем Возрождением

* Статья из сборника под ред. Bernice G. Rosenthal «Nietzsche in Russian Literature and Thought», который выходит в Princeton University press в 1986 г.

религиозной и моральной философии в России». Другой американский автор, профессор Джордж Клайн в чрезвычайно интересной книге «Религиозная и антирелигиозная мысль в России» пишет почти то же самое: «Западным мыслителем, более всего повлиявшим на эту плеяду, был Ницше... Влияние мысли Ницше яснее всего видно у религиозных экзистенциалистов Шестова и Бердяева и у марксистов «богостроителей» Горького и Луначарского. Однако и Леонтьев, и Розанов были «русскими Ницше» — так же, как до некоторой степени и Александр Герцен был *avant la lettre*. Вряд ли что-то еще, кроме подобных утверждений, можно найти во всех существующих работах по истории русской мысли, среди которых выделяются исследования В. В. Зеньковского и Н. Лосского.

Единственным, мне известным, большим исследованием на эту тему является диссертация на степень доктора философии Эн М. Лэйн (университет Висконсин-Медиссон) под названием «Ницше и русская мысль 1890-1917», к сожалению еще не напечатанная. В этой объемной и очень содержательной работе, написанной в 1976 году, речь идет главным образом о том, *что* русские философы писали о Ницше, и лишь немного о том, *в чем* выразилось влияние немецкого мыслителя. Создается впечатление, что о влиянии Ницше судят скорее по восторженным отзывам самих философов об авторе «Заратусты», чем на основании сравнения их философских идей и систем. То, что русские мыслители много писали о Ницше, выходит, является важнейшим доказательством его влияния. А не напиши они о нём ни слова — никому и в голову не пришло бы, что такое влияние существует.

И в самом деле, в то время, как марксистских «богостроителей» — Горького, Луначарского, Богданова и Базарова нетрудно признать «ницшеанцами», охарактеризовать так крупнейших «неоидеалистов» — Льва Шестова, Николая Бердяева, Семена Франка, Николая Лосского и Сергея Булгакова — совершенно невозможно. Василий Розанов был «ницшеанцем» до Ницше и духовно опирается на Леонтьева.

Все русские мыслители — религиозные христиане (только Шестов не высказывается до конца, и иногда

кажется, что он ближе к Богу Ветхого Завета). Ницше — антитеист и яростный антихристианин. Что может быть более противоположным провозглашению «Бог умер» Ницше, чем категорическое утверждение Семена Франка «С нами Бог» (так называется последняя его книга)? Что есть общего между призывами Ницше «Будьте верными земле, братья мои», и основной идеей Бердяева, будто любая «объективизация» есть зло, т. е., что всякая реализация духовного в физическом мире (земля) — зло? Как не признать полнейшую противоположность важнейших мыслей Ницше (таких например, как эта: «Моя формула человеческого величия — заключается в словах *amor fati*: не желать изменить ни одного факта в прошедшем, в будущем, вечно; не только выносить необходимость — еще менее скрывать ее: всякий идеализм есть ложь перед лицом необходимости, — но любить ее!»¹) убеждению Шестова, что вся надежда на то, что «Бог может сделать бывшее небывшим». Много ли общего между людьми, открыто поднявшими знамя идеализма в борьбе против позитивизма, и Ницше, выступавшем за полностью противоположные и даже враждебные идеи: «Нам смешны претензии человека отыскать ценности, которые превосходили бы ценности реального мира.»²

И несмотря на все это, по собственному признанию русских мыслителей, Бердяеву Ницше открыл дорогу к религии, Франку — к осознанию духовного мира, а Шестову, больше всего о Ницше писавшему, очевидно, помог поверить в возможность «преодоления самоочевидностей», в том числе и самой непреодолимой «самоочевидности» — уже случившегося. Вот какое влияние имел мыслитель, объявивший «смерть Бога», иллюзорность духовного мира, и «вечное возвращение», то есть вечную самоочевидность.

Ницше — открыватель пути к духовному миру, Богу и религии! Ницше — ведущий к христианскому мистицизму!

1. Ф. Ницше, Дневник 1888 года; цит. по кн. Л. Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Нитше», Петербург, 1900, сс. 187-188.

2. Ф. Ницше, «Радостная наука», с. 279; цит. по кн. Л. Шестова «Добро в учении...», с. 189.

Ницше — «творец целой грандиозной моральной системы!» «Сверхчеловек» как ступенька к Богу!

Однако сомнений нет. Именно так воспринимали русские философы гениального немца. Такими словами заканчивает свою раннюю книгу «Добро в учении гр. Толстого и Нитше» (1900 г.) Лев Шестов: «Нитше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога». А Франк, вспоминая какое впечатление на него произвело чтение «Так говорил Заратустра», писал:

Я был совершенно потрясен глубиной и напряженностью духовного борения этого мыслителя, остротой, с которой он заново ставил проблему религии (как прежде нам казалось, давно уже разрешенную — в отрицательном смысле — всеми просвещенными людьми) и проверкой основоположений нравственной жизни. Под влиянием Ницше, во мне совершился настоящий духовный переворот, отчасти, очевидно, подготовленный и всем прошлым моим умственным развитием, и переживаниями личного порядка: мне впервые, можно сказать, открылась реальность духовной жизни. В душе моей начало складываться некое «героическое» мирозерцание, определенное верой в абсолютные ценности духа и в необходимость борьбы за них.³

Думается, что такое своеобразное восприятие Ницше мыслителями русского неидеализма и создает одну из трудностей, и является причиной почти полного отсутствия работ, посвященных влиянию Ницше на русскую мысль. Насколько велико непонимание роли, которую Ницше сыграл в истории русской мысли, могут проиллюстрировать слова профессора Джемса Скенлона:

Замечательное возрождение русского искусства, литературы, религии и философии в первом десятилетии XX века стало возможным благодаря творческим усилиям группы религиозных бунтовщиков, которые черпали свое вдохновение отнюдь не из двух важнейших источников русской культуры — идей радикальной интеллигенции и православной церкви. Их вел не Николай Чернышевский, а

3. С. Франк, «Биография П. Б. Струве», Нью-Йорк, из-ство им. Чехова, 1956, сс. 28-29.

Фридрих Ницше, указавший им на святость язычества и классической древности...

Земное и Божественное, издавна разделенные в русской культуре, соединялись в странную смесь языческого и христианского. Читая о дважды рожденном Дионисе, они представляли воскресшего Христа. Изучая христианские тексты, они находили там дионисийский праздник плоти, Апокалипсис. В результате возникло новое завораживающее видение мира, его будущего — «новое религиозное сознание», которое не только уравнивает тело с душой, но и предсказывает приближение нового золотого века, где это равенство преобразует мир.⁴

Вряд ли что-либо может быть более неверным: Ницше помог русской мысли открыть дорогу в духовное, религиозное, мистическое, а отнюдь не в телесно-языческое. Оригинальность русской мысли именно в том, что она в лице своих самых значительных мыслителей восприняла Ницше отнюдь не так, как подавляющее большинство «ницшеанцев» и в России и на Западе, вплоть до нашего времени. В произведениях Ницше русские мыслители слышали трагический крик живой души человеческой, распятой в обезбоженном мире и обесчеловеченном обществе. Сила этого крика, еще раньше слышанного в произведениях Достоевского, помогла осознать существование человеческой души, ее реальность, противопоставленную всему «объективному миру». Само же существование нефизической реальности — души, личности — «я», прямо вело к открытию духовного и религиозного. Поэтому и Шестов, и Франк, и Бердяев, даже восторгаясь Ницше, все время подчеркивают его «слепоту», неосознанную основу его идей, трагедию непонимания трансцендентности. Символично, Лев Шестов объясняет, что «вечное возвращение» у Ницше было лишь неосознанной надеждой и верой в «новое небо и новую землю». Короче говоря, Ницше, в глазах русских философов-неоидеалистов является трагической жертвой не только мира космического и социального, но и своей собственной религиозной слепоты. Жертвой позитивизма и духа своего века, духа веры в

4. James Scanlan, «Berdjaev and Merezkovsky»; paper of International conference on Russian Idealism, Aix-en-Provence, 1968 (перевод с англ.).

прогресс и социализм. Так в 1903 г. Сергей Булгаков пишет: «Не нужно разделять сознательно идеи века, чтобы быть тем не менее его сыном; иногда отрицание свидетельствует о гораздо более страстном отношении к отрицаемому учению, нежели равнодушное его принятие. В этом смысле можно, между прочим, сказать, что Ницше, со своей враждой к социализму, является вполне продуктом мировоззрения социализма, незаконным его духовным сыном.»⁵

Принимая во внимание, что почти все крупные мыслители русского неидеализма начинали с марксизма и даже были участниками так называемой «первой марксистской волны» в России, нетрудно понять, что трагический голос Ницше им показался голосом собственной души. Тем более, что слышался голос Ницше как раз в то время, когда самые талантливые, думающие люди в России перестали находить в марксизме ответы на вопросы, которые начинали в то время их мучать. Если Ницше и был трагической жертвой в их глазах, то отнюдь не напрасной. Потрясенные силой его голоса, они двинулись по пути, приведшем их к прямо противоположному тому, о чем вещал Ницше. Так зародилось одно из самых оригинальных философских течений XX века, всё еще малоизвестное и на Западе и в России, по разным, правда, причинам.

Главные препятствия

Анализ трудностей, с которыми исследователь сталкивается, пытаясь определить специфику и степень влияния Ницше на русских мыслителей, парадоксальным путем приводит к пониманию самого этого влияния. Кроме уже упомянутой *основной трудности* — полной противоположности философии русских неидеалистов философии Ницше, существуют еще четыре главных затруднения при исследовании:

Первое. Это уже упомянутое отсутствие (кроме диссертации Эн Лэйн) какой-либо работы, прямо посвященной Ницше и русским неидеалистам.

В то время как в Советском Союзе, совершенно понятно

5. С. Булгаков «От марксизма к идеализму», С-Петербург, 1903, с. 108.

почему, Ницше, а тем более русские немарксистские мыслители. — всё еще тема почти недозванная, отсутствие таких работ на Западе объясняется тем, что самые значительные произведения Шестова, Бердяева, Франка, Лосского были написаны ими уже в эмиграции, в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами, изданы маленькими тиражами и прочитаны очень ограниченным кругом читателей. Те же их книги, что были переведены на Западе, очевидно, не вызывали у исследователей желания уточнить степень влияния Ницше, поскольку оно там незаметно. Статьями и книгами русских мыслителей о Ницше, написанными еще в первом десятилетии 20-го века, занимались, главным образом, редкие историки русской мысли. Лишь в наше время интерес к философско-религиозному ренессансу возрастает и в Советском Союзе и на Западе. Выяснение отношений между Ницше и русскими неоидеалистами — дело чрезвычайно сложное, требующее досконального изучения огромного материала, никем до сих пор не обработанного. Это дело будущего.

Второе. Изучение влияния Ницше на русских мыслителей осложняется еще и тем, что в России задолго до Ницше жили и писали самые настоящие «ницшеанцы». Кроме Константина Леонтьева, с полным правом называемого «русским Ницше», богоборческие идеи, задолго до немецкого мыслителя и почти теми же словами, высказывал Бакунин.

Третье. Еще значительней влияние Достоевского — с одной стороны на Ницше, а с другой на русских философов. После опубликования в 1970-ом году второй книги VIII тома сочинений Ницше, содержащей его подготовительные статьи и черновики, стало несомненным, что влияние русского романиста на Ницше во время его работы над самыми важными книгами было абсолютно решающим. Ницше не только постоянно упоминает Достоевского и ссылается на него, но и конспектирует некоторые его произведения. С другой стороны, практически все крупнейшие мыслители русского неоидеализма тщательно изучали Достоевского, и все очень много писали о нем. Разобраться в том, что идет от Ницше, а что от Достоевского — чрезвычайно сложно. В диссертации Эн Лэйн, к примеру,

большинство из того, что приписывается влиянию Ницше, идет прямо от Достоевского.

Четвертое и самое большое затруднение состоит в том, что сама по себе философия русских неоидеалистов не понята полностью. Причина этого в том, что, несмотря на общую духовную установку, каждый мыслитель философско-религиозного ренессанса шел собственным, отличным от других путем. Русская философия всё еще ждет того, кто выявил бы ту общую основу, на которой произрастали важнейшие идеи и теории Шестова, Бердяева, Лосского, Франка — этих четырех важнейших русских мыслителей первой половины 20-го века. Появление некоторых философских произведений в русском самиздате за последние годы убеждает в том, что завершение постройки русской мысли — не за горами. Основная же трудность в понимании русского неоидеализма состоит в том, что это отнюдь не идеализм классической философии — греческой или немецкой. Совсем не случайно свою философскую систему Франк назвал «идеал-реализмом». Философский идеализм от Платона до Гегеля предполагает решающее доминирование духовного мира, сферы идей над миром физическим, над материей. Материализм во всех его видах, наоборот, утверждает преобладание материального бытия, определяющего мир духовный, мир идей — идеальный мир, существующий лишь иллюзорно, то есть в сознании человека и человечества. Оригинальность русских мыслителей в том, что они (а яснее всего это выражено у Франка и Лосского), увидели *три, а не две*, сферы бытия. Одна сфера — предметный мир, то есть мир физический. Вторая сфера — мир духовный, мир идей, открывающийся человеческому уму и сознанию. И третий мир — *ненаблюдаемая* реальность, в которой оба мира — и материальный и духовный каким-то странным путем объединены. На Западе близко к такой концепции подошел лишь Николай Гартман, однако необходимо подчеркнуть, что свои книги он начал писать после того, как прослушал философские курсы С. Франка в Петербургском университете еще до Первой мировой войны. Думается, что эта оригинальность и полная новизна русской мысли является важнейшей причиной, почему она всё еще не понята. Буквально все, например, американские авторы, уверены,

что речь идет просто о новой форме классического идеализма, начавшегося с Платона, то есть о следовании призыву «назад к Канту». Сразу же нужно сказать, что это совершенно неверно, так же, как неверно ранее упомянутое уже мнение о том, что Ницше, якобы, русским философам открыл глаза на языческую телесность бытия. Речь идет о том, что открытием третьего ненаблюдаемого уровня онтологии, объединяющего мир физический и мир духовный, мир «для нас» и мир «для себя», русская мысль так называемого неоиdealизма полностью преодолела Канта, преодолела разрыв «двух миров». Вот это всё еще не понято.

Пониманию русской мысли мешает также само ее определение, как религиозной философии. На Западе есть теология и есть философия, однако русская мысль является чем-то третьим. В то время, как теология является мышлением, основывающимся на исходной предпосылке существования (несомненного) творца, — русская религиозная философия никакой такой предпосылки не имеет вообще (так же как и западная философия). Однако, в то время как западная философия является таким мышлением о человеке и мире, как если бы Бога вообще не было (вопрос о Творце она оставляет теологии, а сама занимается законами мышления — логикой, гносеологией, моральной сферой бытия — этикой, и так далее), русская религиозная философия (т. е. философия течения, называемого неоиdealизмом), начиная движение, как и западная мысль, без всяких предпосылок, приходит к выводам прямо религиозным и кончает свой путь утверждением веры в Бога, без которой теряют свою основу все философские дисциплины — логика, гносеология, этика, эстетика. В этом смысле символичен путь, пройденный С. Франком: в молодости — марксизм, потом переход (с помощью Ницше) просто к классическому идеализму и попытка «дополнения» Канта идеями Ницше, потом первая книга его собственной мысли «Предмет знания» (именно гносеологию Франка изучал Николай Гартман), потом полное раскрытие третьей сферы онтологии в книге «Непостижимое» и, наконец, — книга «С нами Бог». Путь от марксизма и классической философской гносеологии к неоиdealизму, точнее — «идеал-реализму», и, в конце концов, к полной уверенности в бытии Божьем.

Можно сказать, что в некотором смысле русские мыслители, о которых идет речь, завершили круг европейской мысли. Западная мысль отпочковалась от теологии и в течение трех-четырех столетий независимого развития дошла до марксизма и экзистенциализма, чрезвычайно развила и усложнила логику и гносеологию, потрясла духовно мир такими крупными явлениями, как Кант, Гегель и Ницше, и надолго застряла в логическом позитивизме, структурализме и экзистенциалистском нигилизме. Мыслители русского религиозно-философского возрождения начинали именно там, где закончила свое развитие западноевропейская мысль; и вооруженные всеми достижениями и всем инструментарием западной философии, подошли с противоположной стороны, как бы завершив движение по кругу, к исходной точке и началу европейской мысли нового века — к единству философии и теологии, к осознанию того, что философия, как и всякая мысль, может существовать только потому, что существует Бог.

Вот это истинно духовно революционное достижение русской мысли — по многим упомянутым и неупомянутым причинам — пока что еще полностью не осознано, особенно в кругах профессиональных, университетских философов. До тех пор, пока сама русская мысль не будет усвоена, иллюзорно ожидать серьезных трудов о влиянии Ницше на эту мысль.

«Ницшеанцы» до Ницше

Когда в 1892-ом году Василий Розанов впервые прочел статью о Ницше в одном московском журнале, он воскликнул — «Да это — Леонтьев, без всякой перемены». И Леонтьева и Розанова называют «русскими Ницше», однако Леонтьев написал свои «ницшеанские» работы на десяток лет раньше, чем Ницше начал печататься, и умер до того, как слава Ницше докатилась до России. Так же, как впоследствии и Ницше, Леонтьев был страстным ненавистником европейского мещанства, демократического нивелирования общественной жизни и писал: «Христианская проповедь, и прогресс европейский совокупными усилиями стремятся убить *эстетику жизни на земле, т. е. самую жизнь.*» Хотя в

отличие от Ницше, Леонтьев преклонялся перед византийским христианством (и вообще перед Востоком, с которым хорошо познакомился, будучи дипломатом в Турции), в котором он видел «животворящие силы общественного неравенства», — его своеобразное христианство почти что не отличается от антихристианской проповеди Ницше. Леонтьев воспевал красоту бурных эпох истории, риск, борьбу и даже кровопролитие, и противопоставлял им творчески бесплодное прозябание в удобстве и безопасности европейской цивилизации XX века. Особенно яростно Леонтьев обрушивался на либерализм и социализм, видя в них силы смерти общественного организма. «Эстетический аморализм», «трансцендентный эгоизм», восхваление Возрождения (совершенно так же, как у Ницше прославляются — героизм, трагедия и даже «демонизм» эпохи Возрождения) — всё это определяет Леонтьева как прямого предшественника Ницше. Как верно заметил Джордж Клайн, Леонтьев даже очень близко подошел к идее «сверхчеловека». Вот какие «ницшеанские» мысли высказывал он в 1882-ом году:

«Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арабеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский или немецкий буржуа в безобразной комической одежде своей, благодуществовал бы индивидуально и коллективно на развалинах всего этого прошлого величия... Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки».⁶

Розанов же в Леонтьевском отрицании универсальности морального мерил видел то, что позднее у Ницше и ницшеанцев получило название «поверх добра и зла».

Хотя в свое время Леонтьев был мало известен в России, его влияние на мыслителей русского неоидализма, начиная с последнего десятилетия прошлого века (когда Розанов

6. К. Леонтьев, «Письма к Василию Розанову», Лондон, 1981, с. 42.

первым осознал значение Леонтьева и начал о нем писать), — несомненно. Бердяев даже написал книгу о Леонтьеве. Определить и разделить, где и в чем выражается влияние Ницше, а где Леонтьева, — дело нелегкое. Правда, еще труднее обстоит дело с влиянием Достоевского, которого в наше время вполне можно назвать учителем самого Ницше.

Если, грубо говоря, учение Леонтьева можно назвать «эстетическим аморализмом», учение Ницше — «культурным аморализмом», то учение второго «русского Ницше» Розанова — это «экзистенциальный аморализм».

Розанов на одно поколение моложе Леонтьева и испытал влияние Леонтьева задолго до того, как познакомился с Ницше. Конечно, он так же как и они, не любил европейскую «уравнительную» цивилизацию, а в критике христианства пошел еще дальше Ницше, провозгласив, что христианство — это «религия смерти», и что христиане поклоняются «Богу в гробу». И тем не менее, единственно в чем можно быть уверенным, говоря о влиянии Ницше на Розанова, — это в общности стиля их книг. Розанов, так же как и Ницше, писал главным образом афоризмами. Надо думать, что только после Ницше в России можно было так писать.

В то время как Леонтьев поклонялся «Византийскому христианству», а Розанов — «святой сексуальности» Ветхого Завета, один из основателей и теоретиков анархизма Бакунин, задолго до Ницше, обрушивался на религию и веру в Бога с такой же силой, используя те же слова, что и Ницше впоследствии. Он писал: «Если Бог существует, то человек — раб; но человек... свободен; поэтому Бог не существует... Если Бог — всё, то жизнь и человек — ничто...». Бакунин предвосхитил Ницше и в критике священников, считая, что даже самые гуманные из них «всегда имеют на дне своего сердца... что-то жестокое и кровавое.» Он же писал: «Я переворачиваю афоризм Вольтера и говорю: Если Бог существует, то необходимо его упразднить».⁷

Читая впоследствии у Ницше: «Лучше совсем без Бога, лучше на свой страх устраивать свою судьбу, лучше быть

7. Цит. по G. L. Kline «Religions and anti-religions thought in Russia», The University of Chicago Press, 1968, cc. 17-18.

дураком, лучше самому быть Богом»⁸, как отличить влияние Ницше от влияния Леонтьева, Бакунина, Розанова и даже Герцена, с его критикой западноевропейской цивилизации?

Достоевский, Ницше и неоидалисты

Как мы уже сказали, в 1970-ом году в Германии вышла в свет вторая книга VIII тома Полного собрания сочинений Ницше, в которой впервые были опубликованы черновики и подготовительные работы немецкого философа к некоторым его самым значительным книгам. Постоянные ссылки, выписки, цитаты, конспекты из книг Достоевского уже вызвали широкую волну комментариев, даже в Советском Союзе. Кроме работы Фридендера «Достоевский и Фридрих Ницше» в сборнике Академии Наук СССР «Достоевский и мировая литература», анализу влияния Достоевского на Ницше посвящена интереснейшая книга Ю. Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия».

Правда, еще до опубликования черновиков Ницше были известны его слова: «Достоевский — это единственный психолог, у которого я мог кой-чему научиться; знакомство с ним я причисляю к прекраснейшим удачам моей жизни».⁹ В черновиках Ницше продолжает: «Он принадлежит к прекраснейшим счастливым случаям моей жизни, даже в большей степени, чем открытие Стендаля... Этот глубочайший человек, который был десятки раз прав, презирая поверхностных немцев, воспринял совершенно иначе, чем ожидал он сам, сибирских каторжников, среди которых он долго жил, сплошь тяжких преступников, для которых не было больше никакого возврата в общество, — (убедившись), что они как бы вырезаны из лучшего, прочнейшего и ценнейшего дерева, которое вообще выросло на русской земле.»¹⁰

Особенно усиленно занимался Ницше Достоевским в самый последний период своей жизни, размышляя о проблеме нигилизма. Ницше даже конспектирует «Бесы»

8. Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра».

9. F. Nietzsche, Werke, VIII, S. 158; цит. по кн. Л. Шестова «Достоевский и Ницше», из-дво «Скифы», Берлин, 1922, с. 19.

10. Цит. по Ю. Давыдову, «Этика любви и метафизика своеволия», с. 96.

Достоевского, а Ю. Давыдов убедительно показывает, что «Дневник нигилиста» немецкого философа основывается на простой интерпретации письма Ставрогина перед самоубийством.

Кроме «Бесов», Ницше подробно анализирует и комментирует «Записки из мертвого дома» и «Униженных и оскорбленных». Конечно, проблема преступления, более всего привлекает философа: «Вернуть злему человеку чистую совесть — не это ли является моим произвольным стремлением? А именно злему человеку, поскольку он — сильный человек? (при этом привести суждение Достоевского о преступниках из тюрем)» — пишет Ницше в 1887 году. И дальше: «Достоевский не был не прав, когда говорил о заключенных того сибирского острога, что они образуют ценнейшую и сильнейшую составную часть русского народа.»¹¹

«Записки из мертвого дома» являлись настольной книгой Ницше во время его работы над «Сумерками Богов», а «Бесы» — во время подготовки «Антихриста». Так же явственно влияние «Идиота» Достоевского на эту последнюю книгу. Ницше пишет: «Как жаль, что в этом обществе не было своего Достоевского: действительно вся история (возникновения христианства — М. М.) больше всего годится для русского романа — своей болезненностью, трогательностью, отдельными чертами сублимированной странности, посреди низменно-распутного и грязно-вульгарного... (как Мария Магдалина)». И дальше: «Тот странный и больной мир, в который нас вводят Евангелия, — мир словно из русского романа, где как-будто происходит *gande-vous* отбросов общества, нервных страданий и „детского“ идиотизма, — во всяком случае должен был *огрубить* тип (Иисуса — М. М.)... Пророк, Мессия, будущий судья, моралист, чудотворец, Иоанн Креститель — всё это поводы, чтобы обознаться в типе... Можно пожалеть, что вблизи этого интереснейшего декадента не жил какой-нибудь Достоевский, то есть кто-нибудь, кто умел бы ощутить захватывающую прелесть такой смеси возвышенного, боль-

11. Там же, с. 93.

ного и детского.» А в отрывке под названием «Иисус: Достоевский» Ницше пишет, что Достоевский был единственным, кто «разгадал Христа». Достоевский, по мнению Ницше, «инстинктивно уберется от того, чтобы представить этот тип с вульгарностью Ренана... В Париже верят, что Ренан страдает слишком большой утонченностью! Но можно ли впасть в более глубокую ошибку, чем сделав гения из Христа, который был идиотом?» И еще: «Иисус противоположность гения: он — идиот.» Правда, в окончательном тексте книги «Антихрист» слово «идиот» отсутствует и заменено многоточием: «И какое недоразумение представляет собою слово «гений»! Все наше понятие, наше культурное понятие «ум» не имеет никакого смысла в том мире, где живет Иисус. Строгость психолога заставляет сказать, что здесь было бы уместнее совершенно другое слово...»¹²

Ницшеанскую «переоценку всех ценностей», «по ту сторону добра и зла», его радикальный нигилизм и богоборчество, даже идею «сверхчеловека» — всё это не трудно найти в романах Достоевского, хотя там, конечно, есть и вовсе противоположные идеи. Можно сказать, что Достоевский всю жизнь боролся против «ницшеанских» идей в себе.

Шестов, Бердяев, Франк, Лосский, Булгаков, Розанов, — все они, так же как и Ницше, читали и перечитывали Достоевского, до того, как начали читать в России Ницше. Почти все они написали по книге о Достоевском, и, очевидно, что «ницшеанские» идеи Достоевского им были, до знакомства с Ницше, известны и близки. Так почему же все-таки Ницше был так восторженно воспринят в среде этих мыслителей? Почему Шестов пишет две книги о Ницше: «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Нитше» (1900) и «Достоевский и Нитше — Философия трагедии» (1903)? Почему в чрезвычайно важном сборнике статей «Проблемы идеализма» (1902) Бердяев печатает большую статью именно о Ницше — «Этическая проблема в свете философского идеализма», а Франк огромнейшую статью — «Фр. Ницше и

12. Там же, сс. 114-118.

этика любви к дальнему»? Почему Булгаков в своем известном сборнике «От марксизма к идеализму» (1903) так же не может не коснуться Ницше, и пишет о нем в статье «Иван Карамазов как философский тип»?

Думается, что самой важной причиной восторженного принятия Ницше в среде мыслителей русского религиозно-философского возрождения начала века. был тот факт, что впервые в истории западноевропейский властитель дум и прославленный философ во весь голос повторял то, что уже было добыто русской мыслью в лице Достоевского, тем самым как бы подтверждая правильность и значительность не так уж давно зародившейся оригинальной русской мысли. К тому же, по воле судьбы, Ницше попал в Россию именно в тот момент, когда самые талантливые мыслители русского марксизма стали от него отходить — в поисках других, более глубоких идей, которые давали бы ответы на всё более усложнявшуюся действительность. Им, воспитанным в западноевропейской философской традиции и в то же время на романах Достоевского и Толстого, необходим был авторитетный (а это значит — западноевропейский) уверенный голос, который бы подтвердил, что зародившаяся русская мысль и есть тот выход из духовного и философского тупика, в который попало человечество. Таким могучим и авторитетным голосом для этих мыслителей стал голос автора «Так говорил Заратустра». В Ницше они признали «своего». Бердяев даже писал в книге «Смысл творчества» (1916), что в Ницше «много славянского». Шестов сравнивал Ницше с героем «Записок из подполья» Достоевского, Булгаков с Иваном Карамазовым и Великим Инквизитором из «Братьев Карамазовых».

Однако именно в этом восприятии русскими неоидеалистами Ницше как «своего», «русского и славянского», заключается и ответ на вопрос: почему же все-таки, вопреки восторженному приему Ницше, никто из них не стал «ницшеанцем», зато стали ими к этим мыслителям вражески настроенные марксисты — «богостроители» Луначарский, Горький, Богданов, Базаров? Дело в том, что, с восторгом приняв от Ницше подтверждение правильности пути, по которому пошла независимая русская мысль, эти мыслители отнюдь не приняли философию Ницше, т. к. видели в ней

лишь одну сторону многогранной мысли Достоевского. Могучий голос Ницше подтвердил правильность основного направления русской мысли, а не одной лишь ее ступеньки. Отсюда и парадоксальное, на первый взгляд, постоянное повторение в восторженных статьях о Ницше того, что Ницше — «не понимает», «борется против ложной идеи о Боге, а не против Бога», что он «слепой» и так далее и так далее. Если бы не искренний тон похвал Ницше, то статьи и книги русских неоиdealистов о нем можно было бы принять за решительную критику. Марксистские «богостроители», не принимающие творчества Достоевского, а тем более Владимира Соловьева или Константина Леонтьева, в Ницше воспринимали действительно только его мысль, точно так же, как это делали на Западе, — поэтому-то они и становились настоящими «ницшеанцами».

Короче говоря, решительно все те идеи, которые нередко приписываются влиянию Ницше (например в диссертации Эн Лэйн), перешли к мыслителям неоиdealизма от Достоевского, а не от Ницше. Его же влияние действительно было очень важным, и в тот момент решающим, — но исключительно лишь как влияние катализатора, открывшего дорогу русским мыслителям в совершенно противоположную сторону от той, в которую шел сам Ницше. Идеи о «школе страдания», через которую должен пройти человек, об историческом христианстве, попирающем свободу человека, о «переоценке всех ценностей» (на языке Ницше) и «перерождении всех убеждений» (на языке Достоевского), о том, что «красота спасет мир», о «безгранично глупой наивности ученого» (Ницше) или о «бернардах проклятых» (французский ученый Клод Бернар — по Достоевскому), о «дионисийстве».

О Ницше и «карамазовщине» Достоевского, о «по ту сторону добра и зла» Раскольникова и т. д. — обо всем этом русские философы узнали задолго до Ницше из романов Достоевского. Ничего, решительно ничего нового он им не сказал. Однако сам факт, что Ницше это сказал, и сила его голоса — были решающими. Словами Ницше: «Великие эпохи нашей жизни начинаются тогда, когда мы приобретаем смелость переименовать в добро то, что мы в себе

считали злом»¹³. Таковую эпохальную переоценку, благодаря *моральной* поддержке Ницше, и совершили мыслители русского религиозно-философского ренессанса.

Неоидеализм

Ницше помог бывшим марксистам увидеть реальность личности, «я», души, духовного мира, противостоящих миру физическому, миру «объективному». Даже названия важнейших книг русских философов свидетельствуют о том, что факт осознания духовной, нефизической реальности явился важнейшим событием и исходным пунктом для их мысли: Бердяев — «Я и мир объектов», Шестов — «На весах Иова» (библейская символика в противопоставлении реальности страданий Иова и «объективной» реальности, песка морского), Франк — «Душа человека», Лосский — «О свободе воли». Однако, как мы уже сказали, величайшая оригинальность, и всё еще не осознанная историческая новизна мысли русских философов состоит в открытии *третьего онтологического слоя* — ненаблюдаемой реальности, в которой объединены обе наблюдаемые сферы бытия: физическая и духовная реальности. Яснее всего это выражено у Франка:

Это... начало *непостижимого* мы пытаемся проследить в трех слоях бытия 1) *в окружающем нас мире* или — шире говоря — в том, что предстоит нам, как *предметное бытие* и что нам надлежит проследить в самых его корнях и основах, 2) *в нашем собственном бытии* — как оно, с одной стороны, обнаруживается, как «внутренняя жизнь» каждого из нас, и как оно, с другой стороны, проявляется в отношении к внутренней жизни других людей и к более глубоко лежащей «духовной» основе нашей душевной жизни, и 3) в том слове реальности, которое, в качестве первоосновы и всеединства, как-то объединяет и обосновывает оба эти различные и разнородные миры. Этим определяется расчленение нашего дальнейшего исследования.¹⁴

13. F. Nietzsche, Werke, Band VII, S. 100.

14. С. Франк, «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии», Париж, 1939, с. 19.

У Бердяева трехступенчатость бытия выражается в формуле: Бог, мир и несотворенная свобода, а осознание ненаблюдаемой реальности у него, так же как и у Шестова, выражено менее ясно, чем у Франка и Лосского. Лосский строит логику и гносеологию на признании третьего слоя бытия, объединяющего духовную и физическую сферы. Насколько такой подход оригинален показывает пример квантовой физики, введшей «ненаблюдаемую реальность, как носителя «волновой функции» в свои теории. Как пишет московский математик и философ Виктор Тростников: «Начнем с того, что квантовая теория сделала несомненным и очевидным давно уже созревшее в физике представление о ненаблюдаемой данности, как единственной настоящей онтологии, т.е. сущности, обладающей независимым, объективным статусом. В этой теории состояние физической системы описывается *волновой функцией*, не доступной ни чувственному восприятию, ни фиксации какими-либо приборами»¹⁵. В интереснейшей книге «Мысли перед рассветом», изданной в 1980 году, Тростников, по-видимому не знакомый с философией русского неидеализма, оперируя лишь данными современной науки, приходит к тем же выводам, к которым пришли мыслители русского религиозно-философского возрождения. Парадоксально, что эти мыслители создали философскую основу для современных физики и астрономии, начиная свой собственный путь с осознания реальности человеческого «я». Если одним из постоянных параметров русской философии была идея «всеединства», особенно ярко выраженная у Соловьева и Достоевского, то, как это показывает в своей книге Тростников, в наше время, «в современной физике микромира она является центральным практическим наставлением, без которого нельзя обойтись почти ни в одном расчете».

Однако важнейшее слово русская философия неидеализма сказала на 30-40 лет раньше — после знакомства с Ницше, и нам кажется, что излишне показывать, насколько это слово далеко от того, что говорил автор «Заратустры». Вначале, в последние годы прошлого века и в первое

15. В. Тростников, «Мысли перед рассветом», УМСА-PRESS, Paris, 1980, с. 151.

десятилетие этого столетия, Ницше в России был воспринят главным образом как моралист, и нравственный аспект его мысли вызывал наибольший интерес. Начиная с первой статьи о Ницше (статья проф. Преображенского «Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма» в журнале «Вопросы философии и психологии», 1892 год), в книге Шестова, в статьях Бердяева и Франка в «Проблемах идеализма», в сборнике Булгакова и впоследствии в «Вехах» — все писавшие о Ницше анализировали главным образом этические аспекты его мысли. Главный и основной вывод по существу состоял в том, что «я» человека есть единственный носитель морального начала. И это считалось главной заслугой немецкого философа в борьбе с утилитаризмом. Бердяев даже утверждал, что «общество является частью личности, а не наоборот». Однако, несмотря на всё свое преклонение перед Ницше, он в своей самой «ницшеанской» книге «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916) вот так исправлял Ницше:

Он сгорел от огненной творческой жажды. Религиозно ведомы ему были лишь закон и искупление, в которых нет творческого откровения человека. И он возненавидел закон и искупление. Ницше возненавидел Бога, потому что одержим был той несчастной идеей, что творчество человека невозможно, если есть Бог. Ницше стоит на мировом перевале к религиозной эпохе творчества, но не в силах осознать неразрывной связи религии творчества с религией искупления и религией закона, не знает он, что религия едина и что в творчестве человека раскрывается тот же Бог, Единый и Троичный, что и в законе и в искуплении.¹⁶

Ницше говорил, как религиозный слепец, лишенный дара видения последних тайн. Религия Христа совсем не то, за что Ницше ее принимал. Христианская мораль не рабски-плебейская, а аристократически благородная, мораль сынов Божьих, их первородства, их высокого происхождения и высокого предназначения. Христианство — религия сильных духом, а не слабых. В христианской святости был подбор сильных духом, было накопление духовной мощи. Христианская этика — этика духовной победы, а не поражения.¹⁷

16. Н. Бердяев, Собрание сочинений, т. II. YMCA-PRESS, 1984, сс. 138-139.

17. Там же, с. 295.

Ницшеанской «воли к власти» Бердяев противопоставляет идею, что «у Бога меньше власти, чем у полицейского», и в основу своей философии кладет идею свободы, религиозно освященной — «Бог требует свободы от человека, а не сам человек». Франк и Шестов совершенно так же понимали, исправляли и дополняли Ницше, несмотря на всё свое преклонение перед ним. Ничего, конечно, странного нет в том, что впоследствии их философия стала полностью противоположной философии Фридриха Ницше, особенно в том виде, как ее сейчас понимают. Например, Мартин Хайдеггер:

Мы сможем понять мысль Ницше о несовершенном нигилизме яснее и резче, если скажем: несовершенный нигилизм хотя и заменяет прошлые ценности другими, но он все еще полагает их на старом месте, которое как бы сохраняет свою силу в качестве идеальной формы сверхчувственного. Совершенный же нигилизм должен устранить даже само место ценностей, сверхчувственное как сферу, и сообразно с этим иначе положить и переоценить ценности.¹⁸

Надо ли еще раз подчеркивать, что русская мысль религиозно-философского возрождения прямо противоположна всякому нигилизму? Надо ли повторять, что это так, во многом благодаря парадоксальной заслуге Ницше?

В 1886 году Ницше, описывая происхождение своей книги «Утренняя заря», писал: «В этой книге вы видите подземного человека за работой — как он роет, копает, подкапывается. Вы видите, если только ваши глаза привыкли различать в глубине, как он медленно, осторожно, с кроткой неумолимостью идет вперед, не слишком выдавая, как трудно ему так долго выносить отсутствие света и воздуха; можно, пожалуй, сказать, что он доволен своей темной работой. Начинает даже казаться, что его ведет какая-то вера, что у него есть свое утешение... Ему, может быть, нужна своя долгая тьма, ему нужно свое непонятное, таинственное, загадочное, ибо он знает, что его ждет: свое утро, свое избавление, своя заря».¹⁹

18. Цит. по Ю. Давыдову, «Этика любви...», с. 259.

19. F. Nietzsche, Werke, Band VI, S. 3 («Also sprach Zarathustra»); Цит. по кн. Шестова, «Достоевский и Ницше», с. 137.

Все русские мыслители неоидализма прошли путь подпольного, или подземного, человека, однако, *в отличие от Ницше*, — нашли «свое утро, свое избавление, свою зарю».

Остается только добавить, что влияние Ницше на русскую мысль еще далеко не завершено по той простой причине, что Ницше еще не переведен полностью на русский язык. До революции, в Москве в 1909-12 гг., вышли в свет 4 тома полного собрания его сочинений (тома 1-3, и 9). Некоторые (но далеко не все) работы Ницше вышли в русском переводе в первые годы XX века. Надо думать, что книги Ницше, раньше или позже, будут заново переведены и изданы в СССР.

1984 г.

ИСТОРИЯ

Сергей Максудов

КАК РОЖДАЛСЯ МОНСТР

(ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ ПЕРЕД
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ)

Советскому Союзу принадлежат многие мировые *достижения*. Здесь самое многочисленное (среди развитых стран) сельское население. Здесь обрабатываются самые обширные посевные площади с помощью самого большого парка комбайнов и тракторов. Больше всего удобрений, самые большие капиталовложения в сельское хозяйство, и как итог — самые большие в мире закупки зерна за рубежом. Почему же самые просторные и, как одно время утверждалось, самые плодородные земли на свете не дают жителям страны возможности прокормить себя? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться на 50 с лишним лет назад, к началу преобразований в советской деревне.

В годы коллективизации у крестьян была отнята земля, были высланы все успешно трудившиеся земледельцы, а уцелевших приучили к бессмысленному, почти неоплачиваемому труду. Уничтожение класса кулаков означало исчезновение людей, умеющих работать на земле. Колхозникам все равно, где трудиться: в лесу, на море, на Луне или на фабрике.

В наши дни великий социально-исторический эксперимент подходит к концу. Всем уже очевидно, что колхозный труд тормозит сельское хозяйство, не позволяет в нужном количестве обеспечить население продуктами: мясом, молоком, овощами и фруктами. И несмотря на это, коллективизацию продолжают называть «великой победой».

Так оно и было. Потеряв в производстве, руководители

бесконечно выиграли в контроле над распределением, получили возможность распоряжаться каждым куском хлеба с маслом и без масла, то есть обрели власть над жизнью и смертью каждого жителя страны.

Сейчас, когда стала очевидной необходимость перемен, все больше внимания привлекает жизнь русской деревни, характер сельского производства до коллективизации.

Деревня накануне революции

Как они жили? Ностальгически вспоминают старинный уклад, устоявшиеся столетиями обычаи, размеренную, спокойную жизнь? Это не совсем так. Не следует забывать, что коллективизация была третьей аграрной революцией, обрушившейся на русскую деревню в XX веке, четвертой реформой за какие-нибудь 70 лет. Можно сказать, что село привыкло не к покою и устойчивой жизни, а к постоянным переменам.

Начало изменений было положено великой реформой 1861 года. Крестьянин получил свободу, но не стал владельцем земли в полном смысле этого слова. Распоряжался землей сельский коллектив, мир, община, которая предоставляла каждому жителю деревни земельный надел во *временное* пользование. Община воплощала принцип мужицкой справедливости. Земля делилась по едокам или работникам. Сенокосами, лесами и лугами пользовались совместно, важные хозяйственные решения принимал сход. Недостатки такой системы хорошо известны. Крестьянин не мог продать свой участок и уйти в город, стремление к справедливому разделу заставляло нарезать землю в каждом поле узкими полосками, так что много места занимали межи и много времени уходило на переезды с одного поля на другое. Сельский житель не был заинтересован в использовании удобрений, так как через несколько лет мог получить другой участок и т. д.

Несомненно, однако, что у общины были большие экономические и моральные достоинства. В ней концентрировалась нравственная сила крестьянства, воспитывалось уважение к демократии. Вот что писал, к примеру, один из сторонников Столыпинской реформы — и, следовательно,

противник общины — чиновник министерства земледелия А. Ритих:

«...в массе общин несомненно развиты очень высокие нравственные начала взаимопомощи: маломощным, женским семьям дают землю, освобождая от повинностей, которые мир принимает на себя, снимают подати с погорельцев или пострадавших от падежа скота. Отмечены случаи организованной помощи больным и маломощным: мир наряжает (подводы) вывозить навоз на их полосы, помогает при уборке хлеба. Часто это делается совершенно добровольно «для ради Христа»: косцы или жнецы, оканчивая свои полосы, идут помогать тем, кто издержался «по маломощности»... Наконец, на почве общинных интересов возникает иногда кооперативный труд, в особенности по уборке сена... Распространено общинно-артельное устройство прудов, осушение заболотей, постройка изгородей, общих гумен, овинов, мельниц, покупка машин, племенного скота и т. д.»

Приверженность крестьянства общине видна из того, что она вновь и вновь воссоздавалась переселенцами в Сибири и Туркестане, несмотря на обширные пространства, позволявшие установить любую форму землевладения. Общинами были и казачьи поселения на Дону, Урале, Дальнем Востоке.

Долгое время русская политическая мысль относилась к общине с необычайным пиететом. В ней видели своеобразие страны, коренные основы, залог будущего. Общину равно почитали и Николай I и Николай Чернышевский. Однако в XX веке наступило разочарование. Община больше не устраивает ни монархистов, ни революционеров, ни Николая II, ни Плеханова. Ее стремились уничтожить и Ленин, и Сталыпин.

Начал Столыпин. Преемники Ленина успешно завершили дело, запретив общину в 1930 г.

Реформа Столыпина ставила своей главной целью ликвидацию сельских обществ. Крестьяне получили право требовать выделения земли в полную собственность единым куском. Они становились реальными владельцами, могли продать свой участок и переселиться в город или на восток. Покупателям земли предоставлялся банковский кредит. В результате — за десять лет община потеряла примерно треть своих членов.

Столыпинская реформа была типичной революцией сверху. Она сохраняла неприкосновенными помещичьи земли, предоставляла льготы зажиточным крестьянам (10-15% сельского населения) и лишала уверенности в будущем рядового сельского жителя, подталкивая его к уходу из деревни.

Естественно, сельские массы пытались протестовать. К выехавшим в поле землемерам сбегались толпы вооруженных вилами и кольями крестьян. Вот хроника того времени:

«... в деревне Антоновке Ананьевского уезда Херсонской губернии несмотря на все протесты общинников, землемерные чины выехали в поле для производства межевых работ. Туда явилась толпа женщин и детей, умоляя землемеров прекратить работы и не разорять их. Многие женщины ложились на ленту (землемерную), кричали, плакали, а затем, выбросив колышки и сорвав ленту, подняли землемера на руки и с криком „ура“ вынесли за межу своей земли. Когда явилась полиция, в нее посыпался град камней. В результате — убитые и раненые и массовые аресты... Между прочим, выступления женщин... объясняются не только их большей экспансивностью, но и тем, что крестьяне не прочь были выставить вперед своих жен, рассуждая, что бабам все возможно, с бабы и спросу нет или на бабу суда нет.»

Важно отметить, что все аграрные реформы в России, включая и Столыпинскую, были в первую очередь социальными преобразованиями.

При этом, конечно, предполагалось, что изменения дадут экономический эффект. Однако происходило противоположное: спад производства или снижение его темпов. Так после отмены крепостного права сельское хозяйство более 20 лет топталось на месте. Сбор хлебов в 47 губерниях Европейской России за десятилетие перед реформой Столыпина увеличился на 35%, а за десять лет после реформы — всего на 13%. поголовье крупного рогатого скота выросло с 1895 года по 1905 год на 7 млн., а с 1905 по 1913 — меньше чем на 1 млн. голов. Такая же картина наблюдалась с поголовьем лошадей, свиней, а часто и овец, которое в 1895-1905 гг. увеличилось с 38 млн. голов до 45 млн. голов, к 1913 г. сократилось до 41 млн. голов.

Причины снижения производственных усилий после реформы понятны: сельский житель осваивался с новой

системой, привыкал к иным условиям жизни и труда. Нельзя забывать, что на период 1906-13 гг. приходится и время I русской революции и годы массового переселения крестьян. Можно предполагать, что через несколько десятков лет Столыпинская реформа дала бы плодотворные экономические и политические результаты. Так думают многие историки и писатели. Однако этого времени у страны не было. С началом войны правительство, зная о недовольстве сельских масс аграрной перестройкой и опасаясь вооруженных винтовками крестьян, прекращает проведение Столыпинской реформы.

А еще через несколько лет в ходе гражданской войны деревня перестраивает жизнь по своему вкусу. Земля была отнята не только у помещиков, но и у всех крестьян, расширивших свое землевладение в столыпинские годы. Вновь в деревне восторжествовали принципы равномерного раздела земли между работающими. Можно определенно сказать, что именно этим принципам обязана победой в годы гражданской войны советская власть. Мужик с винтовкой в руках, не желавший возврата столыпинского землевладения, был главной силой многомиллионной Красной Армии.

Община после революции

Мужик с винтовкой, пришедший с фронта, боялся возвращения помещиков, стремился к равномерному разделу земли и потому охотнее сражался в рядах Красной, а не Белой, армии. Буквально за несколько месяцев все десятилетние результаты столыпинской реформы были уничтожены, купленная зажиточными крестьянами земля была отобрана и переделена. Причем главной движущей силой этой аграрной революции были представления сельского жителя о справедливости. Земля должна принадлежать поровну всем на ней работающим. Вот, например, типичное решение сельского схода по разделу помещичьего имущества:

«Удовлетворить в первую очередь солдаток, у которых мужья убиты на поле битвы, одним предметом, дойной коровой или рабочей лошадей. Во вторую очередь инвалидов, не имеющих лошади или коровы, и нетрудоспособных, живущих в одиночестве, удовлетворить одним предметом, лошадей или же телкой. В третью очередь удовлетворить

всех солдат, неимеющих своей лошади или коровы, живущих в одиночестве и пострадавших от войны в имуществе, если останется от первой и второй очереди. В четвертую очередь удовлетворить всех граждан волости, не имеющих своей лошади или коровы, тем более обратить внимание на вдов, если только останется от первых очередной скот»*

Ни большевики, ни другие правительства в этой сельской революции непосредственного участия не принимали. Крестьяне сами решали, кого грабить, а кого пощадить, производить ли прирезку земли или полный передел.

Село расширяло свое землевладение за счет имений, хуторов, сахарных заводов, территорий железной дороги. Возникало множество конфликтов между деревнями, уездами, волостями, порой в дело шли пулеметы. В результате этих захватов полностью исчезло в стране крупное землевладение, произошло «осереднячивание» деревни. К тому же происходили разделы больших семей, опасавшихся раскулачивания, и отделение вернувшихся фронтовиков. Крестьянин обживался по-новому. Осваивал захваченное помещичье имущество, делил землю, обстраивался. Бесконтрольная рубка леса открыла перед селом невиданные возможности. Впервые за многие столетия строили без ограничений — появились миллионы новых хозяйственных построек и изб. В Сибири шло расширение посевных площадей, на Украине удвоилось поголовье коров, на два миллиона (на треть) увеличилось число лошадей.

Правда, набеги продотрядов мешали селу. Дело было не в размерах изъятий. Экспроприации зерна в 1918-1919 гг. составили всего 20-30 млн. центнеров, в три раза меньше, чем заготовило за неполный год Временное правительство, почти в 10 раз меньше товарного производства царского времени. Беда была в способе «заготовок» — бесплатная конфискация всего, попавшего продармейцам под руку. Конечно, при таком подходе крестьянин не спешил расширять посевы. Это привело к катастрофе 1921 года. С одной стороны окрепшая советская власть предъявила повышенные требования на зерно, с другой — засуха в

*Здесь и далее в цитатах сохранены стиль и правописание оригинала.

Поволжье и на юге Украины погубила урожай. При этом накопленные селом экономические резервы сыграли некоторую роль. Число хозяйств без скота, то есть находившихся действительно в тяжелом положении, составило на Украине в 1922 г., в конце голода, 10 % (в 1921 г. их было 6,5 %). Для сравнения укажем, что в 1931 г. их было 15 %, а в 1933 г. — более 55 %.

В середине 20-х годов деревня стремительно реализовала приобретенный экономический потенциал. Урожай зерна, в 1917-1924 гг. составлявший около 500 млн. ц., в 1925 г. вырос до 750 млн. ц. и оставался на таком уровне вплоть до разгара коллективизации. поголовье свиней в 1924-25 гг. выросло с 10 до 16 млн. Число коров и лошадей увеличить не так просто, но и оно быстро росло.

Как уже было сказано, за 70 лет, с 1861 по 1931 гг., сельское население России пережило четыре грандиозных аграрных реформы — отмену крепостного права, столыпинские преобразования, перестройку времен гражданской войны и коллективизацию. Каждая из этих реформ меняла формы землевладения и социальные отношения в деревне и каждая приводила к упадку сельскохозяйственного производства. После отмены крепостного права деревня 25 лет топталась на месте, за десять лет после Столыпинской реформы прирост валового сбора зерновых в Европейской части страны был в три раза меньше, чем в предыдущее десятилетие, и сократилось поголовье скота, которое до реформы постоянно росло. Коллективизация, как известно, привела к упадку сельского хозяйства, ростянувшемуся на десятки лет.

Преобразования эпохи революции тоже значительно сократили производство. Однако любопытно отметить, что период упадка, связанный также с военными действиями, был довольно непродолжительным, а рост в 1925-28 гг. необычайно большим. В этом отношении реформа Октября была, пожалуй, наиболее благополучной. Причина, вероятно, кроется в том, что, в отличие от трех других аграрных преобразований, преобразования гражданской войны в селе не были навязаны сверху. Это было подлинное движение масс, действовавших в соответствии со своими представлениями, — т. е. событие, не противоречащее традициям села.

Большинство жителей деревни в это время увеличило свой экономический потенциал, что и привело затем к быстрому росту производства.

Гражданская война закончилась подписанием мирного соглашения между правительством и крестьянством, получившего название НЭП. Главным пунктом этого договора было прекращение грабежей. Власти отказывались от продразверстки, изъятия так называемых излишков и устанавливали единый продовольственный налог — с десятины пашни, с лошади, с коровы, с поросенка и т. д. Платежи были немалыми. Они заметно превышали дореволюционные поборы и, главное, дополнялись косвенным налогом — разрывом цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами. Жить было не легко, но все-таки можно. Крестьянин начал работать. Он пахал, сеял, веял, сажал, копал, строил, косил, ворошил, возил, носил, рубил, жал, молотил — все это с помощью самых примитивных ручных инструментов (плуг, соха, борона, грабли, серп, топор и лопата, да еще кое у кого пришедшие в негодность из-за отсутствия запасных частей бывшие помещичьи механизмы). Всего лишь несколько тысяч тракторов и молотилок — на бескрайние поля огромной страны. Крестьянин работал сам, своими руками. Это был чудовищно напряженный, невыносимый в наши времена труд. По 14-16 часов в день работали мужчины, женщины, старики, десятилетние дети, здоровые и больные, в жару и в холод, на солнце и в тени, позавтракав и на голодный желудок. Сегодня с этой работой колхозники не справляются, имея четыре миллиона тракторов и автомобилей, миллионы комбайнов и прочих сельскохозяйственных машин. Грандиозный, никем не меренный, непродуцибельный, привычный и в то же время мучительный сельский труд.

Как могли они так работать? Существует мнение, что в доколхозной деревне была распространена жестокая эксплуатация. Это неверно. Наемный труд составлял меньше одного процента. Он создавал всего полпроцента стоимости сельскохозяйственной продукции. Нанимали, главным образом пастухов (элементарная форма разделения труда) и соседских девчонок в няньки на время жатвы и сенокоса.

Распространены были «помочи» — коллективные работы во время строительства, «супруга» — объединение скота и инвентаря при пахоте, «отработки» — помощь при уборке за семена или инвентарь. Но все они не играли в сельской жизни заметной роли. На своем поле крестьянин работал сам.

Да и не могло быть иначе, так как равномерный передел земли уничтожил экономическую основу использования чужого труда. Рабочих рук и земли — у всех поровну. Крестьянин жестоко эксплуатировал самого себя и своих близких. Выжимал все силы, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

«Рабочему куда лучше живется чем крестьянину. Он отработал 8 часов и баста. Слабо кушает чисто одевается хорошо развлекается. Ведь все услуги: театры, кино, лекции, концерты, тир, библиотеки и т. д. и т. п. А если скажем родила жена рабочего или же сам рабочий получил увечье на работе — государство большую деньги платит. Да и свет то рабочий видит совсем другой — городской бурлящий. А крестьянин? Бьется как рыба об лед а толку мало. «Жрет» плохо, ходит в лапях и зипуне, развлекается об этом говорить даже не стоит, а баба его хоть в год по тройке роди шиш государство даст. На работе крестьянин, если даже получит самые большие увечья государству какое до этого дело. Крестьянин живет грязно, неряшливо а виной всему служит бедность. Нет «жисть» крестьянина в десять и больше раз хуже жизни рабочего». (А. И. Прудников, письмо в газету «Смоленская деревня».)

Не удивительно, что многие жители деревни, особенно молодежь, мечтали об иной жизни, стремились к переменам, которые избавили бы их от тяжелого сельского труда.

Кооперация и община

Важным элементом сельской жизни в 20-е годы была кооперация. Эта идея встречала поддержку и у руководителей страны («Ленинский кооперативный план»), и у самого сельского жителя, использовавшего различные формы кооперации еще до революции. Правда, советская власть пыталась насадить в кооперативах классовый подход. Зажиточных заставляли платить более высокие паевые взносы, запрещали выбирать их в правление, порой отказывали им в продаже тех или иных дефицитных товаров.

Все это, однако, не помешало кооперативному движению стать массовым. Много в кооперации было и состоятельных крестьян. Более того, зажиточные хозяйства были особенно заинтересованы в участии в кооперативах. Данные гнездовой сельскохозяйственной переписи 1927 года показали, что хозяйства с высокой стоимостью средств производства были кооперированы на 73%, а с низкой стоимостью — на 20-30%. Отмечалось также, что, при прочих условиях, кооперативные хозяйства получали на 15-30% более высокий доход, чем некооперативные. Естественно, что число членов кооперации быстро увеличивалось. В 1929 году всеми видами кооперации было охвачено, по данным советского историка Данилова, почти 80% сельских жителей.

При этом, формы кооперации были самыми разнообразными. Наиболее массовой была бытовая кооперация, практически монополизировавшая продажу самых разнообразных товаров в сельской местности. В большинстве сел не было иных торговых точек, кроме кооперативных лавок. Хлеб, чай, сахар, сапоги, ситец и водку — все это можно было приобрести, только будучи членом кооператива.

Ну как же при этом в него не вступить!

Распространенной формой кооперации было совместное получение кредитов. Очень часто крестьяне объединяли усилия для продажи своей продукции: молока и мяса, свеклы, табака и других технических культур — все это было удобно сбывать, объединившись в артель. Использовались самые различные формы производственного кооперирования — от совместного наема трактора или других сельскохозяйственных машин до коммун с полным объединением всего производства, потребления и даже условий жизни. Следует отметить, что чем слабее была форма объединения, тем большей популярностью она пользовалась у жителей села.

Все эти формы коллективного объединения все шире охватывали страну. При этом наблюдалось постепенное сокращение доли коммун и роста числа ТОЗ'ов. Совместная работа и распределение доходов по трудовому вкладу и внесенным средствам, несомненно, лучше соответствовали крестьянской психологии, чем полное равенство.

Одной из особенностей этих добровольных объединений была их неустойчивость. Кооперативы создавались, распадались и снова возникали. На Украине, например, в 1928 году в коммуны и артели вступило 64 тысячи семей, а вышла из них 31 тысяча.

Важно отметить, что государство не слишком доверяло кооперативным объединениям и всячески старалось их контролировать. В свою очередь и сельские жители не доверяли властям. Вот один характерный пример — взятая из Смоленского архива запись уполномоченного ОГПУ по Ярцевскому уезду о собрании пайщиков Богородской молочной артели:

«...выступавшие в прениях говорили, что многие из крестьян выдвигали вопрос о снабжении отрубями для корма скота, но эти отруби пойдут не для корма скота, а для употребления в пищу в силу отсутствия у крестьян хлеба. Какие тут отруби, когда хозяйство добито до ручки. Мы на бедноту огчислили не 15 % как нам говорят, а 45 %, мы даем, союз дает, маслоцентр дает, а с голыша не получается ни шиша. Из публики послышались выкрики „не давать говорить, он кулак“. Следующие выкрики: „какой он кулак, он сказал правильно, довольно нас морочить, долой, довольно, а то мы вас погоним“. Из среды крестьян кто-то крикнул, что выступающих берут на заметку, в силу чего раздались голоса „долой Шаурова“ (кандидат ВКП(б), который находился в составе президиума и что-то записывал). Также были выкрики о том, чтобы обыскать весь состав президиума и изъять все заметки по выступлению крестьян.»

Постепенно кооперативы ставились под все более жесткий контроль. Были введены понятия «лжекооператив», «лжеколхоз». К ним, по постановлению Совета Народных Комиссаров, относили объединения, в которых имеют влияние капиталистические элементы или деятельность которых «уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства». (Иными словами, так можно было назвать любую артель, приносящую доходы). Под таким предлогом на Украине в 1927-28 гг. ликвидировали половину товариществ по использованию тракторов. Вслед за этим были уничтожены и другие добровольные объединения. С началом коллективизации были упразднены и все центральные кооперативные учреждения.

Колхоз вовсе не был наследником кооператива или даже коммуны. Это была новая *неэкономическая* организация, построенная на силе административного контроля. Сельские жители это хорошо понимали. Вот выдержка еще из одной докладной записки ОГПУ от 7 августа 1929 года:

«Лопаткино. Бычков Павел, бедняк, который сказал, что советская власть того и знай кормит законами, довела страну, что не стало ни хлеба, ни порядок, что скотину нельзя завести; хотите загнать в коллектив, а сами убиваете тех, кто живет вместе и имеет большое хозяйство, от этого крестьяне стали делиться на мелкие хозяйства. Вот как вы добываете нашу жизнь, — задавили нас, ни хлеба, ни муки; собралась банда, при царе не так душили, как теперь. — «Я больше не стану расширять свое хозяйство, а буду уменьшать, чтоб меньше платить налога».

Новое или старое крепостное право

Многие исследователи отмечали, что установившаяся в 1930-34 годах колхозная система удивительным образом напоминает отмененное за семьдесят лет до нее крепостное право. Обработка помещицей земли за известную плату или льготы, а то и безо всякого вознаграждения, называвшаяся барщиной, практически точно соответствовала обязанности колхозника трудиться не меньше определенного количества дней, трудиться не за вознаграждение, которого может и не быть, а из страха наказания. Сибирь, как угроза нерадивым и непослушным — в сталинские годы их еще называли «саботажниками», — присутствовала в обоих случаях. Введение паспортной системы в 1932-34 годах еще более усилило сходство. При крепостном праве крестьяне обычно не могли отлучаться дальше тридцати километров от собственного жилья без специального паспорта, заверенного губернатором по просьбе помещика.

Многочисленные поставки — мясо, яйца, молоко и прочее, — которые налагались на каждый крестьянский двор независимо от доходов, напоминают и оброчные повинности, и подушную подать, практиковавшуюся в течение столетий.

Даже мелочная регламентация сельского быта и трудовых работ не была советским нововведением, а

соответствовала старой традиции заботливых помещиков. Например, в имениях А. П. Волынского десятские ежедневно утром и вечером обходили вверенные им десять домов, свидетельствовали трезвость их обитателей и отмечали приезд и отъезд посторонних. Без разрешения даже детям не позволялось выходить из деревни.

В. Н. Самарин ввел специальный институт «первостатейных крестьян» и мирских поверенных, которые решали основные вопросы в деревне и следили за порядком. В частности, мирские поверенные должны были обходить дворы и гасить свет по вечерам.

Крупный землевладелец Суворов вставал ранее всех и сам будил мужиков на работу, наставительно объясняя, что «нельзя мужику спать долго: поле проспит, покос проспит и все именье потеряет».

Регулируя сельскохозяйственное производство, этот помещик поступал так не только в собственных интересах — нередко он заботился о действительных нуждах своих крестьян. Например, Суворов отдает следующее курьезное для наших дней распоряжение:

«...У крестьянина Михайла Иванова одна корова... следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванова дожить до одной коровы, но на сей раз, впервые и в последнее, прощается, Купить Иванову другую корову *из оброчных моих денег*. Сие делаю не в потворство и объявляю, чтобы впредь на то же еще никому не надеяться».

Характерные черты подневольного состояния: заботливость, незаинтересованность в результатах труда, низкая производительность, отсутствие инициативы, пьянство, нищета — типичны и для дореформенного, и для колхозного периодов крестьянской истории.

Можно было проследить еще много близких и отдаленных совпадений, но в первую очередь следует остановиться на одном важном различии. Крепостник-помещик был в законодательном порядке *обязан* содержать престарелых и неимущих и иметь достаточно хлеба, чтобы обеспечить своих крестьян в случае неурожая.

Помещики пытались переложить эту обязанность на плечи крестьян, а нередко вовсе ею пренебрегали. Правитель-

ству порой приходилось принимать специальные постановления — против землевладельцев.

Первым из них является, по-видимому, уложение Алексея Михайловича об освобождении холопов, которых господин не кормил во время голода. В 1734 году в местностях, пострадавших от неурожая, была проведена конфискация хлеба у помещиков и продажа его по твердым низким ценам. В 1750 году правительство запрещает в виду неурожая винокурение.

Напоминаю об этих фактах не для идеализации крепостного права. Думаю, сегодня ни у кого не вызывает сомнения чудовищная несправедливость этой системы. Но нужно подчеркнуть, что она включала определенные обязательства землевладельца в случае голода. Отсутствие таких обязательств при колхозном строе оказалось в 1932-34 годах роковым.

Защитники колхозной системы тоже постепенно, хотя и очень медленно, начинают приходить к мысли, что минимальный прожиточный уровень старикам и больным должен быть как-то обеспечен. В 1937 году (через семь лет после начала массовой коллективизации) старикам, не имеющим в семье трудоспособных, было разрешено не платить налоги с приусадебного участка. В шестидесятые годы колхозам было разрешено выплачивать пенсионерам крошечные пособия, а в семидесятые годы эту обязанность взяло на себя государство. К сожалению, на осознание факта, что крестьянин — тоже человек, которому все же нужно питаться, ушло немало времени.

Таким образом, колхозная система — это не просто еще одна форма крепостного права. Это новое, никогда прежде не существовавшее сооружение, возводимое без плана, зато в необычайно срочном порядке. Не было и предварительных теоретических построений, предполагавших именно такую модель. Был лишь чудовищный эксперимент, продолжавшийся несколько лет, в ходе которого была создана двойная система производства: каждый крестьянин работал на государственном поле на государство и на собственном маленьком поле на себя и на государство. Возникший монстр, сочетавший якобы личные и государственные интересы, был не предсказуем, но оказался жизнеспособным.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Владимир Матусевич

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКОМ КИНО В 1985

И было несколько отличных фильмов, и был тяжело-весно, душно безотрадный киногод. Не противоречию ли я самому себе? — Да нет, нисколько, потому что отдельные отважные ласточки весны не делают, особенно если лететь им приходится сквозь плотную зимнюю стужу. Но, если конкретнее, — единичные, достойные кинопроизведения, появившиеся на советских экранах в 1985 году, были вне общенационального кинопроцесса, вне ведущих идейно-художественных тенденций. Оставались явлениями изолированными, рождавшимися с превеликим трудом, прорывавшимися сквозь вязкие идеологические препоны и заслуженной прокатной судьбы не обретавшими. «Парад планет», «Путешествие молодого композитора», «Мой друг Иван Лопшин» — вот собственно и все, если по строгому счету. Тут же в скобках замечу — две последние ленты Госкино СССР упорно отказывается показывать за рубежом, так что я сужу об их незаурядности лишь по отзывам критиков советских и иностранных, которые увидели картины на информационных просмотрах Московского фестиваля.

Там же показали фильм, который во многих отношениях, по многим параметрам — сенсация. Характерно — о событии этом сообщила в июле лондонская газета «Таймс». Советские же средства массовой информации, полнясь в фестивальные дни описаниями кубинских и северокорейских лент, триумфа отечественного кинорежиссера не заметили. Бог с ними. Не в этом суть. Главное — есть новый фильм Сергея Параджанова.

Созданную Параджановым в Армении в 1969 году картину «Цвет граната» по сей день показывают в Париже и Стокгольме, Лондоне и Берлине, практически без перерыва.

Все новые волны кинолюбителей приобщаются к этому странному, строгому, своеобразному шедевру. К числу шедевров мирового киноискусства единодушно относит критика и параджановский фильм 65-го года «Тени забытых предков». Два высоких свершения за 33 года, прошедших с начала профессиональной деятельности. Всего лишь два, и не по вине художника. Его лента «Киевские фрески» уже на съемочной стадии была зверски уничтожена. С полдюжины интереснейших замыслов — были отвергнуты, запрещены на сценарной стадии.

В двух своих лучших творениях Параджанов — неукротимый бунтарь, бросающий дерзновенный вызов общераспространенным идейно-эстетическим нормам. Параджанов-человек, с его грузинско-армянско-украинскими корнями, был тоже бунтарем. Он протестовал против русификации и социальной несправедливости, он возвышал свой голос в защиту инакомыслящих и оскверняемых памятников культуры. И мало кого из непокорных деятелей советского искусства высокие покровители муз встречали такой тупой злобой, преследовали с такой иступленной ненавистью. И в 1974 году осудили на пять лет лагерей. Официальная версия была сообщена в передаче московского радио на английском языке лишь в декабре 1979 года — «приговорен к лишению свободы за содомию и распространение порнографии». Годом позже Сергей Параджанов, уже освобожденный, расскажет сумевшему посетить его французскому журналисту: «Сначала они обвиняли меня в антисоветской пропаганде и хищении государственной собственности. Потом следовательская команда порешила на гомосексуализме. На суде меня обвинили в том, что я изнасиловал члена партии и развратил 80-летнюю старушку порнографическими открытками». В политическом характере травли режиссера и суда над ним на Западе никто не сомневался с самого начала. Ведущие мастера мирового кинематографа и французская компартия, английские писатели и многочисленные зарубежные комитеты в защиту Параджанова боролись за его освобождение. Удалось лишь сократить на год срок его пребывания на Архипелаге ГУЛАГ. В упоминавшемся комментарии московское радио обещало: «Наши законы гуманны, они никому не заказывают будущего. Теперь все

зависит от самого Параджанова и только от него. Вопрос в том, найдет ли он в себе силы служить народу». Была то ложь — работы для режиссера не нашлось. В 1980 году он рассказывал корреспонденту газеты «Монд», приехавшему в Тбилиси: «стучался во все двери — безрезультатно. Мне отказывают в работе. Я написал несколько сценариев. Студия «Арменфильм» была в них заинтересована, но сверху последовал запрет. Мне отказано в любой мало-мальски творческой работе. Остается только один выход — уехать отсюда как можно скорее, лучше всего во Францию. Я свободен, но живу в постоянном страхе. У нас каждый обязан работать, а мне работы не дают. Я не зарегистрирован, я не имею права существовать, я вне закона. Так что меня в любой момент могут арестовать». Двумя годами позже опасения Сергея Параджанова сбылись: его обвинили в попытке подкупа должностного лица и посадили. Новая, еще более мощная волна протестов на Западе — призыв правительства Франции, требования британских профсоюзов, письма западноевропейских и американских кинематографистов на этот раз подействовали: Сергея Параджанова освободили, а позже и совсем уж невероятная новость дошла — ему позволили работать на Тбилисской киностудии.

И вот, «Легенда Суранской крепости» — новая работа Сергея Параджанова, через 15 лет после «Цвета граната». Кинокритик газеты «Таймс» Дэвид Робинсон, увидевший ее в дни московского фестиваля, писал: «Основанный на древней народной легенде, фильм более повествователен, чем предшествовавшие ему ленты. Грузинская принцесса приказывает построить неприступный замок, который преградит путь завоевателям. Но все усилия тщетны до того дня, когда юный воин жертвует собой во имя отчизны, требуя чтобы его замуровали живьем в каменном фундаменте. Лица, свободные от печати времени, монументальная пластика движений, строгая простота одеяний, первозданная дикость пейзажей — все сливается здесь в образах, подобных античным фрескам. После долгих лет страданий Сергей Параджанов предстает художником, не сломленным, не раскаявшимся, непоколебимо стоящим на своем».

Параджанов на 10 лет старше Элема Климова, но как

кинорежиссеры они одного призыва, одного поколения, о котором еще речь впереди. Сейчас же, о том, как и почему 1985-й советский киногод можно, в известном смысле, назвать «годом Климова». По завершении московского международного фестиваля, на котором его новая работа «Иди и смотри» получила главную премию, режиссер, нежась в лучах официальной славы и признания, говорил корреспонденту «Советской культуры»: «Кое-кто на Западе хотел бы забыть кровавые страницы истории преступлений фашизма. Вот и господин Рейган возложил цветочки на могилы гитлеровских головорезов. Мы делали свой фильм, стремясь пропитать каждый его кадр яростью к фашизму, не только потому, что Великая Отечественная война для нас священна. Надо показывать, предостерегая: „Вот, что такое фашизм“. И есть глубокая символика в том, что завершение нашего фильма совпало с сорокалетием великой победы».

Ну, совпадение создания фильма с годовщиной — не столько высокая символика, сколько нормальная конъюнктура. Наконец-то, на 52-ом году жизни и 22-ом году работы на «Мосфильме», Элем Климов попал, что называется, в яблочко. Он никогда не был диссидентом, бунтарем, новатором, подобно Тарковскому или Иоселиани. Но путь его в искусстве оказался столь же торным: ставить фильмы удавалось редко, а поставленные фильмы либо запрещались, либо подвергались прокатным ограничениям. Ему просто до обидного не везло. А мораль, которую можно извлечь из истории его злоключений, такова — пути советской цензуры неисповедимы, и свинцовая длань партназирателей в области искусства подчас не только идейно чуждых разит, а и своих в доску.

Начал Элем Климов в краткую послехрущевскую неразбериху двумя элегантными кинокомедиями с самой малостью общественной сатиры в них: «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен» 1964 года и «Похождения зубного врача» 1967 года. Запоздал, был нещадно раскритикован. «Врач» в широкий прокат не попал. 10 лет назад поставил он историческую ленту «Агония», о Гришке Распутине, — запретили. 7 лет спустя неожиданно прислали на внеконкурсный просмотр в рамках Венецианского фестиваля, начали продавать за рубеж. А дома фильма «Агония»

по-прежнему словно бы не существовало. С созданным в 1983 году Элемом Климовым фильмом по повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой» московское киноначальство играло противоположные по форме, но столь же загадочные по существу, игры. Советскому зрителю фильм показывали, но пускать его на международные фестивали и в зарубежный прокат «Совэксспортфильм» категорически отказывался. Велико же было изумление советской общественности, когда в разгар московского фестиваля телепрограмма «Время», рассказывая об Элеме Климове, уважительно перечислила его все работы, включая «Агонию». Изумление рассеялось несколькими днями позже, когда «Агония» вышла в широкий московский прокат.

Но вернемся к фильму года. Вот, что писал о нем в июле Дэвид Робинсон: «С формальной точки зрения фильм блистателен и впечатляет. Особенно его первая часть, где фашистская оккупация остается невидимым, но всепроникающим злом. Все расплзается по швам, когда Элем Климов приводит на экран немцев, показанных этакими исчадиями ада в худшей традиции наспех состряпанных пропагандных лент начального периода Второй мировой войны. С этого момента фильм „Иди и смотри“ становится не столько антивоенной декларацией, сколько примитивным разжиганием национальной ненависти».

С другим советским фильмом, выпущенным в юбилейный год и тоже громогласно объявленным шедевром, дело обстояло проще: там никаких особых художественных претензий и выкрутас не было, зато был густопсовый неосталинизм.

Я видел этот фильм в мае, на киноярмарке Каннского международного фестиваля. К началу сеанса в довольно вместительном зале, арендованном совэксспортфильмовцами, собралось человек 12, до конца досидело четверо, включая меня. Норвежский кинокритик-ветеран ошалело покрутил головой и заметил: «Просто не верится, полный возврат к дням холодной войны. С той лишь разницей, что тогда такие вещи делались лучше, или нам просто тогда казались они лучше сделанными».

В самом деле, налицо как неукоснительная преемственность, так и полный упадок жанра, изблюбленного жанра

советской литературы и искусства поздних сталинских лет, — когда на книжных полках повсеместно красовались «Поджигатели» Шпанова, на театральных сценах «Русский вопрос» Симонова, на киноэкранах «Встреча на Эльбе» Александрова и «Секретная миссия» Ромма, — жанра злобного, антиамериканского, антизападного пасквиля. Позвольте, какой год на дворе? Неужто 1985-ый? Неужто приснились XX и XXII съезды партии? Неужто никогда не издавались в СССР солженицынский «Один день Ивана Денисовича», бондаревская «Тишина», баклановский «Июль 41-го» и евтушенковские «Наследники Сталина»? Вот он снова выполз на экран, усатый убийца миллионов, кровавый тиран, подобного которому история не знала, и вновь обернулся мудрым, всеведущим батшкой государства российского, вождем прогрессивного человечества, спасающим мир от фашизма и от гнусных происков труменов, черчиллей и прочих «империалистических акул». Позвольте, какой год на дворе? Неужто 1985-ый? Так отчего же фильм «Победа», государственный заказ первой важности, имперский фильм по высшему разряду, сделан так, словно советское киноискусство не знало 30 лет развития и возмужания, так и оставшись полузадушенным гениальным киноведом Иосифом Виссарионовичем там, в незабываемом 1953-ем? Все, решительно все, как тогда. Все штампы и клише оттуда: Сталин — могучий и острый как сталь; Гарри Трумен — мелкотравчатый святоша (злодейское лицо снизу подсвечено, как у вампира в дешевом западном фильме ужасов); маньяк-антисоветчик Черчилль грызет сигару, как бешеная собака; советский журналист — олицетворение благородства, ума и профессиональной совестливости; американский журналист спекулирует часами у Бранденбургских ворот и продает совесть за дурно пахнущие доллары в Постдаме и 20 лет спустя в Хельсинки.

Фильм «Победа» — головной, принципиальный. Юбилейные завывания советской пропаганды, наконец, речь Михаила Горбачева 8 мая с повторением сталинско-молотовской концепции Второй мировой войны, с оскорбительной клеветой на бывших союзников, со всем набором передержек, умолчаний и прямой лжи, — этому подтверждение. Фильму «Победа» предназначено идейно мобилизовать

советских людей, преподать им новый урок ненависти к демократическому миру, и для выполнения такого ответственного партийно-государственного заказа не нашлось новых Михаила Ромма с Константином Симоновым и пришлось поручить его бывшему посредственному актеру, из рук вон несостоятельному режиссеру Евгению Матвееву и графоману Александру Чаковскому. Не пасквиль получился — смешная и убогая самопародия.

Так казалось в мае. Сейчас сказанное нуждается в поправке или дополнении. Дело в том, что 10 декабря газета «Советская культура» опубликовала статью с директивным заголовком «Об объективности в критике», написанную влиятельным партийным киноведом, заместителем директора научно-исследовательского института Госкино СССР Евгением Громовым. И тут, контрастом восторженным одам фильму «Победа», коими полнились советские газеты во время премьеры, говорится следующее: «Мы оказываем медвежью услугу Евгению Матвееву, безудержно расхваливая его фильм «Победа»... Немало споров возникало по поводу актерской трактовки образа Сталина. Но почему для них не находилось места в посвященных фильму пространственных статьях?» Далее Громов в том же духе говорит об истово сталинистском телесериале «Стратегия победы». Не будем торопиться с выводами, но не лишено вероятности, что 1985 год, начавшись в советском кино и литературе во здравие культа Сталина, завершился за упокой. Начавшись, к примеру, публикацией в «Огоньке» и «Молодой гвардии» прославляющего сталинский полководческий гений и государственную мудрость романа Ивана Стаднюка, завершился стихами Евгения Евтушенко о сталинских жертвах на Колыме в «Новом мире» и отрывком из воспоминаний покойного Анастаса Микояна в декабрьской книжке журнала «Новая и новейшая история», где резко критикуется трусость и растерянность Сталина в первые недели войны.

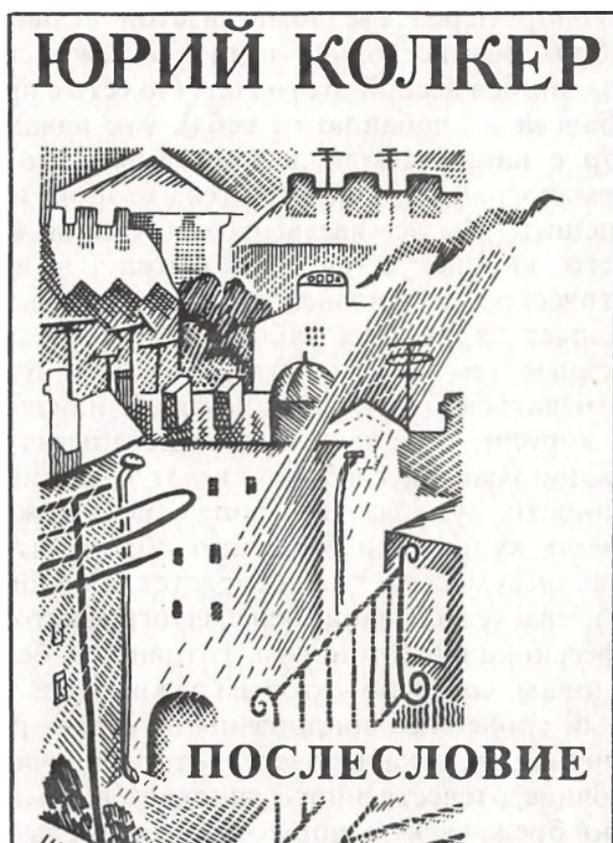
Но если с отношением нового советского руководства к личности и деяниям Сталина, да и с соответствующими указаниями советским издательствам и киностудиям ситуация пока что представляется зыбкой, то одно в последние недели 1985 года стало очевидным: то, что советский кинематограф давно и тяжело болен, начинают понимать в самых что ни на есть высоких кремлевских инстанциях. И

неспроста, конечно, вернули на студию опального Параджанова, выпустили в широкий прокат климовскую «Агонию». Как неспроста тот же Евгений Громов мужественно восклицал на страницах «Советской культуры»: «Перестраховщиков у нас немало! Почему, например, фильм Климова «Агония» свыше 10 лет не выходил в широкий прокат? Пора бы это сказать, а не просто восхищаться его последней работой.»

По странному совпадению и другие московские газеты сочли в конце прошлого года, что пора сказать много чего о неприглядном положении дел в советской кинематографии и бросить в лицо руководству Госкино СССР обвинения тяжкие, какие за здорово живешь, без соответствующих оргвыводов в печати не появляются. Особенно гневно и беспощадно прозвучала статья режиссера Владимира Мотыля «Взывая к совести», опубликованная под рубрикой «Разговор перед съездом» газетой «Советская Россия» 3 декабря. Вот несколько цитат: «Свежий и крепкий ветер, поднявшийся весной этого года (то есть с приходом к власти Горбачева — добавлю от себя), уже начал сдувать пыль и мусор с нашей земли, выкорчевывать то, что омертвело. Кинематограф же пока остается в стороне и перестраиваться не спешит. Мы все явственнее ощущаем, как подает к. п. д. нашего киноискусства, как снижается идеологическое и эстетическое его воздействие на массы. Дезинформация избавляет творческих работников от угрызений совести за пущенные на ветер народные деньги, от необходимости задумываться о причинах неуспеха или даже провала, и «голые короли» предпочитают не догадываться о своей наготе — самообман расслабляет, ведет к пассивности, безответственности, уходят из поля зрения жгучие проблемы времени, художники перестают обременять себя совершенствованием мастерства, воцаряется самодовольство». И еще: «Растлеваются сознание кинематографистов, возвращаются профессиональный цинизм, готовность бездумно угождать шаблонам, согласно которым важна лишь тема, а художественный уровень ее воплощения не играет роли». И наконец, публичная оплеуха человеку, который лично ответственен за состояние отечественного кинодела в томительно длинную, серую брежневскую пору: «Председатель Госкино Филипп Ермаш в 1982 году заявил публично: еще три-четыре года

назад советские фильмы смотрели немногим более 50 процентов зрителей, сейчас эта цифра достигла 72 процентов — советские фильмы вновь завоевали интерес и внимание. Однако с официальными документами названный процент не совпадает. Если в 1981 году советские ленты просмотрело 64 процента зрителей, то в следующем лишь 50. Вот уж, воистину „тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман“, — саркастически заключает автор статьи в газете «Советская Россия».

Новая книга:

НА ПАРИЖСКИХ ЭКРАНАХ

ФИЛЬМ О СТАЛИНЕ

В Париже демонстрируется фильм «Сталин», сделанный по книге Бориса Суварина. В фильме на основании киноматериалов рассказывается биография Сталина, литературный текст сопровождает кадры.

Все мы помним блестящий фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Вышедший на экраны в переходную, между Хрущевым и Брежневым, эпоху, он не особенно охотно показывался новыми властями, но тем не менее интерес к нему был так велик, что по кассовым сборам этот документальный фильм превзошел многие художественные кинокартины.

Фильм Ромма почти целиком состоял из кинохроник, снятых немецкими операторами во времена Третьего рейха. Если Сталина еще при жизни изображали на экране профессиональные актеры (Геловани, Дикий), то Гитлер предпочитал играть свою роль сам, делая это не менее эффектно и профессионально. По подсчетам специалистов, до сих пор ни на одного известного и снимавшегося всю жизнь актера не было потрачено столько пленки, сколько было ее потрачено на Гитлера. (Впервые появившаяся в те годы в Германии цветная пленка также пошла прежде всего на съемки фюрера. Эти недавно обнаруженные бобины составили цветной документальный фильм «Свастика», шедший на Западе.) Снимался почти каждый день фюрера, каждая встреча, выступление, поездки по стране — Ромму было из чего выбирать. Помпезно-парадные съемки, направленные на прославление вождя, превратились с годами в тот сокрушительно разоблачительный материал, из которого и смонтирован фильм «Обыкновенный фашизм».

Создатели фильма «Сталин» (реж. Жан Орель) были в более трудном положении. Недоверчивый и подозрите-

льный, Сталин редко появлялся в общественных местах, плохо переносил нацеленные на него объективы. Известен, например, случай фальсификации кинодокумента: знаменитая речь на параде 7 ноября 1941 года (падающий снежок, пар изо рта) на самом деле была снята на следующий день в Кремле, на быстро сколоченной и раскрашенной декорации, изображающей верх мавзолея — так было безопаснее.

Несколько съемок на похоронах соратников (начиная с Ленина), несколько выступлений в Большом театре или в Кремле — этих эпизодических кадров было явно недостаточно для полнометражного фильма. Выход был найден — вместе с кинодокументами в фильм вмонтированы сцены из игровых фильмов, таких как «Падение Берлина», «Третий удар», «Сталинградская битва». Причем, эта подмена нигде не отмечается, и непосвященный французский зритель под чтение книги Суварина смотрит мизансцены, поставленные режиссерами, как действительно исторические кадры. Сталин — мудрый полководец, склоняющийся над картой, гениальный стратег, дающий приказания рослым и бравым военачальникам — сталинские премии выдавались не задаром.

Вот артист Борис Андреев в роли сталевара пешком приходит в Кремль и, слегка заблудившись в нем, натывается на добродушного человека с усами, окучивающего яблоню. Ну конечно, этот скромный садовод в белом кителе не кто иной, как товарищ Сталин (народный артист Геловани), который тотчас приглашает нашего героя пообедать вместе с Политбюро (вежливо улыбающиеся Берия, Молотов, Каганович, Жданов — тоже заслуженные артисты). Он сам заботливо наливает половником суп из супницы, подцепив вилкой, бросает на тарелку бифштекс и всячески ободряет оробевшего пролетария.

Вот сцены в поверженном Берлине. Артист Геловани, якобы прилетев в разрушенную немецкую столицу, подобно своему прототипу прижимая левую ручку к животу, сходит по трапу самолета. Правой рукой он приветствует ликующие массы, бросившиеся навстречу гению всех времен и народов. Аккуратно останавливаются на указанном режиссером расстоянии участники массовки, загримированные под советских воинов, участников сопротивления и узников

фашистских лагерей. Вот как было дело — констатирует неискнуемый зритель.

Сталин умер, но дело его живет. Апологетические фильмы о Сталине продолжают ставиться в Союзе. На счастье будущих, с подобным же подходом, документалистов — сталиниада продолжает разрастаться.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЧЕМУ?

(О фильме Андрея Тарковского)

Этот фильм хочется выжать, как мокрую тряпку. — в нем слишком много воды. На протяжении всей фонограммы фильма эта вода булькает, хлюпает, журчит, капает, крапывает, льется, низвергается, протекает, моросит, пузырится — в лужах, бассейнах, ручьях, прудах, дождевых потоках, фонтанах, трубах, раковинах и унитазах.

Герой фильма — советский поэт Горчаков (с внешностью стареющего футболиста — артист О. Янковский) — находится в командировке в Италии и собирает материал о русском композиторе 18-го века, который тоже долго жил в Италии, но потом из-за ностальгии вернулся на родину, где вскоре запил и покончил с собой. Советского поэта сопровождает златоволосая, словно сошедшая со старинной фрески, итальянка-переводчица. Если поэт — молчаливый, непонятный, сосредоточенный — символизирует высокую духовную устремленность, то переводчица, напротив, олицетворяет как бы материалистическую приземленность, красоту, зло. Она имеет виды на советского поэта и, перед тем как расстаться, пробует соблазнить его, устраивая сцену истерики, в финале которой обнажает грудь. Но герой, согласно замыслу режиссера-сценариста и советским правилам для отъезжающих за границу, остается на должной моральной высоте и отвергает домогания иностранки. Черной магии секса он предпочитает белую магию алкоголя — московской особой экспортного разлива. Герой пьет и ностальгирует.

О чем же его ностальгия? (Вспомним слова советской песенки: «с чего начинается родина?») В черно-белых кадрах мы видим его жену и детей — но ностальгия ли это?

Госковать по семье можно и не покидая родины, а находясь в отъезде, вдали от дома. Впрочем, показываются в фильме и родные места — дом, вроде барака, лес, туман, традиционная белая лошадь в левом нижнем углу — ретро-пейзаж молодого мосховца или парижского художника Заборова.

Чем вызваны эти иронические замечки о фильме режиссера, которого ты ценил высоко и прежде и которому особо симпатизируешь теперь, после его невозвращения в Союз? В фильме прослеживается идея, распространенная в кругах московской, в том числе оппозиционной интеллигенции, о нашем русском духовном, в общем-то, превосходстве над погрязшим в грехах и материализме Западом. Самоуспокаивающий миф русского человека обычно покоится на слове «зато». Не имея, что возразить тяжелым, унылым и бесславным фактам, простой человек скажет в конце разговора: «Зато мы добрые, мы всем помогаем» (вариант — «всех кормим») или что-то в этом роде. Пресловутое «зато» интеллигенции — миф о нашей якобы высокой, в сравнении с Западом, духовности.

Возможно, слабость «ностальгических» кадров происходит от того, что фильм снимался в Италии, и режиссер был лишен возможности сделать натурные съемки на родине. Ну, а если бы мог? Какие сцены отечественной жизни ярко показали бы зрителю то, чего так не хватает герою на чужбине? Массовый энтузиазм? Повседневная трудовая жизнь? Мелкие детали быта? Конечно, родные пейзажи, красота знакомых мест. Хотя именно о пейзажах (итальянских) говорит герой в самом начале фильма: «Надоели мне эти красоты хуже горькой редьки».

НОВОРЕЧЬ

Субтитры тщательно переводят на французский реплики персонажей советского фильма. Точность достигается не всегда.

«На летучке был», — выворачивается, оправдывая свое отсутствие, герой артиста Куравлева. «Ходил в библиотеку» — читаем мы на экране. И действительно, как перевести в двух словах несуществующее в здешней жизни явление? Нет

на французских предприятиях ни летучек, ни политзанятий, ни лозунгов типа «Вперед, к победе капитализма!»

Не требующие расшифровки для советского городского жителя слова «послали на картошку» нуждались бы здесь в длительном комментарии. Переводчик изменяет: «сздил на рыбалку». Разница большая — «на картошку» именно посылают, и, в основном, подчиненных, на рыбалку же чаще ездит начальство, иногда в личных машинах с шофером.

Не только для изучающих русский язык парижан, но и старым эмигрантам, прекрасно им владеющим, приходится пояснять выражения из ново-советского арго: «не засти», «до лампочки».

«Крокодил Гена» переведен на экране как «Дед Мороз».

Но, пожалуй, наиболее примечателен момент, связанный с началом фильма. В тишине, на фоне лесного пейзажа идут титры с именами участников. Внезапно — в зале оживление, взрыв смеха. В чем дело? Во весь экран фамилия оператора — Калашников. С выходом СССР на первое место по продаже оружия — самая популярная русская фамилия.

Вилен Барский

УДИВИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЧЕРНЯХОВСКОГО

(воспоминания и размышления)

Встреча с Черняховским, с его работами, много значила для меня. Встреча эта была из тех, что остаются с тобой навсегда. Когда Черняховский внезапно умер, у меня появилось желание написать о нем — и это ощущалось мною как своего рода внутренний долг. Написать и опубликовать, скажем, в журнале «Декоративное искусство СССР», где случались неплохие публикации о народном творчестве и о примитивных художниках, или о наивных, как их еще называют. Можно было бы, но мешало одно — невозможность, уже predetermined, сказать *всё*, что знаешь и хочешь сказать. Ведь мне было ясно, что высказываясь о работах Черняховского, вопросы чисто, как говорится, художественные невозможно рассматривать вне связи этих работ с советской жизнью, идеологией и искусством. А об этом в журнале, даже специальном, откровенно высказываться не дадут.

Только сейчас, когда я могу писать так, как хочу, согласно своему пониманию, писать с легкой душой, я решил сделать это, и свое эссе-воспоминание я посвящаю памяти Ивана Черняховского.

Небольшое отступление.

Вот это «с легкой душой» — это, между прочим, как раз то счастливое чувство, которого лишает пишущих наша жестокая родина. Это, безусловно, относится ко всем, кто пишет для публикации в советской печати. Но, я думаю, даже самиздатской литературе и литературе, которая пишется в «стол», ориентированным на бескомпромиссную правду, не знакомо это особое чувство, эта божественная приправа. Хоть рождается это чувство в душе — народом и говорится: «с легкой душой», — но зависит оно от атмосферы свободы,

которой вы дышите, той естественной свободы, о которой даже не думают, как не думают о дыхании.

Первая моя встреча с дедом Черняховским была больше похожа на сон, чем на явь. «Вот пойдешь, посмотри деда, — уговаривала меня приятельница, — не пожалеешь». Дальше следовали странные рассказы о каком-то старике, о картинках, о доме на старой улице. Слушал я эти рассказы, слушал, и пошел-таки.

Это был район старых киевских улочек у Лукьяновского рынка. Небольшая безлюдная улица, именовавшаяся «Володарского». Адрес мне дали более чем неточный — я не знал ни номера дома, ни квартиры, ни фамилии. Но дом, где жил дед, уже снаружи отличался от всех других, стоящих в этой части улицы. Дома вокруг старые невысокие. И этот был старый, деревянный, трехэтажный, с небольшими деревянными же балконами. Но на всех углах крыши, на балконах торчали какие-то странные штуки: флюгера не флюгера, куклы не куклы — непонятно что. Когда я подошел ближе, слева от единственной парадной двери по центру фасада, во втором

этаже, в окне за стеклом (поздняя осень, окна все закрыты) появилось лицо старика, казалось ждавшего моего прихода. — с седыми усами и бородой, с улыбкой как из сказки. Рукой он делал мне знаки, указуя на дверь — зайди, мол, зайди. Я вошел и ахнул: все лестничные стены (лестница старая, с деревянными стертymi ступенями) до верхнего этажа увешаны картинами в несколько рядов. Вот и сам дед появился на площадке второго этажа. Здравуюсь. Рукопожатие у него железное — еще сто лет проживет. После того, как мы познакомились и я посмотрел всё, что висело на лестнице, он повел меня еще и на большую застекленную веранду, выходящую во двор, конечно общую. Все свободные места на ее стенах тоже заполняли работы деда.

Что же это были за картины? Ведь, собственно, в них-то все и дело!

На бумаге, приклеенной к фанере, на картоне, на кусках фанеры — одни в самодельных рамках, сбитых из планок, раскрашенных в яркие цвета, другие же в каких-то старых, темных, подпорченных, но зато «настоящих». Там было всё, что угодно: Чапаев на коне в бою, увеличенный с открытки, Валентина Терешкова с белым застывшим лицом на красном фоне, огромный портрет юного ангелоликого Коперника, увеличенные карикатуры из «Крокодила» и «Перца», пейзажи с цветных открыток, портреты жены, иллюстрации к басням Крылова... В углы многих картин были воткнуты «первоисточники», — в портрете Терешковой, например, ее же маленькая серая фотография из газеты. Почти на всех вещах надписи большими неумелыми, но обладающими прямо какой-то магией буквами. Это словесное свидетельство было излюбленным приемом деда. На картине по басне Крылова, решенной в изумительно красивой серо-черно-белой гамме, была следующая надпись (без заглавных букв, со странной пунктуацией) — вверху: ОДНАЖДЫ. (точка) ЛЕБЕДЬ РАК ДА ШУКА. (точка) — внизу: ДОГАДАЙТЕСЬ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ. На одной из лучших картин крупные буквы, идущие по изображению гласили: ДЕПУТАТ ГОРСОВЕТА — дальше шли Ф. И. О. — С ДОЧКОЙ НА СПЕКТАКЛЕ В ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ, и в углу та же сцена в малом размере, с той же надписью — фото, вырезанное из газеты. Лица главных героев были такими же, как у Терешковой на ее

портрете, плоскими, белыми, что подчеркивалось яркими бантами в волосах дочки и орденами на груди у депутата.

Дед Черняховский был сторожем в трамвайном парке — оттуда и краски трамвайные, которыми он работал. Дед пользовался несколькими простыми красками: белой, черной, желтой, зеленой, синей, красной, иногда коричневой. Применял и серебряную краску. Изредка вставлял в картины небольшие инкрустации из кусочков цветного стекла битых слочных игрушек. Самое удивительное заключалось в том, что этими простыми средствами он пользовался виртуозно, если так можно выразиться, достигая изумительно красивых эффектов цвета и фактуры, — причем совершенно ясно было, что все это вполне интуитивно — как у истинного живописца!

Я смотрел, разглядывал все это, и чем больше постигал, тем больше мне все это нравилось.

Увеличенная в десять раз огромная карикатура из

«Крокодила», в оригинале уныло-профессиональная в своей ловкости, совершенно теряла свой сатирически-назидательный смысл, становясь шедевром наивной живописи. Никакой занудности, старательной выделки. Во всем свобода, граничившая с небрежной грубостью, но получалось сильно, выразительно, непосредственно. Дед, как впрочем многие наивные мастера, работал плоскостно, не стараясь выявлять объемы. Он основывался на большом цветовом пятне и свободном мазке большой кисти. Последнее, кстати, не так уж часто у наивных художников, которые любят тщательность в работе, иногда даже излишнюю аккуратность.

Я говорил себе: это действительно божий дар.

Вот как было сделано лицо на портрете Терешковой: плоское белое пятно; прямо по слою белил обыкновенным карандашом прорисованы тонкими линиями деформированные черты лица. Теплое темно-коричневое пятно волос. Голова контрастирует с фоном алого цвета, наложенного на более темный красный тон, местами проглядывающий. Насыщенный сине-голубой цвет жакета. Сбоку на груди инкрустация из битых стекляшек — не то цветок, не то значок какой-то. Внизу по жакету черными большими буквами: ВАЛЯ. (точка) ТЕРЕШКОВА. (Вспоминается надпись на портрете Пиросмани, о нем дед Черняховский, конечно, понятия не имел: АКТРИСА. (точка) МАРГАРИТА, и тут и там оба слова стоящие рядом разделены точкой.) Всё вместе по интенсивности цвета и простоте трактовки буквально не уступает Матиссу. Но причём тут, собственно, Терешкова?! Это же просто *живопись!*

И вот, когда внутренне, сам собою возникал этот вопрос, прояснялось и многое другое: все эти «удостоверения личности» в виде вырезок из газет и открыток в углах картин — это же просто реакция деда на условия советской жизни с ее господством «разрешенного» и запретом «неразрешенного», — это как бы дедово прикрытие своего живописного таланта и картинного изобилия, «без разрешения начальства» выставленного на обозрение каждого.

Далее осознавался другой план его работ. Независимо от желания деда надписи на картинах взаимодействовали с изображением вовсе не «удостоверяюще» или «оправда-

тельно», как он считал, а напротив — как в картине «Депутат в театре» — их смысл вступал в противоречие с наивным стилем деда. Тавтологическое повторение надписи на

фотографии-образце и на картине деда только усиливало у зрителя чувство абсурдности и фантасмагоричности преобразенных дедом стандартных персонажей советских мифов и канонических сюжетов соцреализма. Наивное искусство деда взрывало их, казалось бы прочную, устойчивость.

Я все же спрашивал сам себя: так ли уж простодушен дед Черняховский? Но даже если мысль о том, что не так уж он прост, сразу же ощущалась как ложная и тут же внутренне мною отвергалась — сами его картины обладали способностью двойного бытия: то, что для участкового уполномоченного милиции, который, конечно, знал о лестничном музее

деда, выглядело почти как удостоверение в лояльности — для умного зрителя выглядело совершенно иначе.

Суть дела заключалась в том, что дед, — который не работал ни с натуры, ни «по воображению», как говорят художники, — за основу своих картин брал жизнь опосредствованную, жизнь, представленную советской изобразительной идеологией, будь-то репродукции с произведений «корифеев» соцреалистической живописи, рутинные газетные фотографии или, скажем, картинки из отрывного календаря. Далее происходило следующее: деду казалось, что он их просто копирует, но, на самом деле, органически свойственный ему наивный стиль *преображал* их и преобразование это было победой над стилем и духом образцов. В одних случаях, в его картинах преобладала чистая красочность; в других — результатом оказывался абсурдный гротеск, усиленный надписями, вписанными в картины. Можно еще добавить работы, сделанные со старых дореволюционных фотографий, — это были вещи явно ностальгические: например, «Автопортрет в форме улана» (Черняховский в молодости служил в кавалерии); а также работы с пейзажных открыток, превращавшиеся в картинку-кич — скажем, был у деда такой пейзаж с озером в камышах, с утками и рыбами.

Кстати о киче. Нельзя согласиться с односторонней и прямолинейно-отрицательной оценкой этого явления в искусстве советскими культурологами и искусствоведами, определяющими кич, как торжество пошлости. Картина-кич может вызвать у зрителя ощущение пошлости, но вместе с тем может обращаться к его чувству юмора, иронии, к его чувству ностальгии, намешки и даже презрения по отношению к какой-либо эпохе, может поставить зрителя перед мифами и стереотипами поведения, бытовавшими в то или иное время, и так далее. Возникающая многозначность восприятия рождает у зрителя сложную эстетическую реакцию.

Здесь я хочу перенестись на 18 лет вперед, в наши дни. Я хочу сказать о том, как удивительно свежо и интересно выглядят сегодня для меня все эти «приемы» деда, основанные на сочетании надписей с изображением, столь близкие моим собственным художественным поискам

(начиная с конца 60-х годов) и, к примеру, поискам московских неофициальных художников-концептуалистов. Работы Черняховского обладают редким качеством — они ничуть не устарели, напротив — время, которое прошло с тех пор, и новации в искусстве, которые оно принесло, помогают сейчас увидеть в его работах то, что не очень ясно виделось тогда. И эта неожиданная переключка, эта дружеская рука, протянутая к нам из прошлого, еще больше убеждают меня в том, что Черняховский был истинным и редким самородком. В изданном в 1975 году альбоме «Народное самодеятельное искусство», где представлено больше трех десятков наивных художников с разных концов советской империи, нет ничего похожего на картины деда — в том смысле, в котором я только-что о них говорил. Аналогиями к его работам могут быть, в каком-то отношении, украинский и русский лубок XVIII века, изображения казака Мамая со вставками текста, городские вывески конца XIX начала XX веков и упомянутый уже ранее Пиросмани. Естественно, у деда Черняховского были и не очень удачные вещи, но я в своих оценках, опираюсь на его лучшие картины, и думаю, что поступаю правильно.

Вернусь еще раз к первой встрече с Черняховским, к впечатлению от этого лестничного музея в целом, которое осознавалось не сразу. Это было то, о чем мы художники, отошедшие от официального искусства — а было нас тогда в Киеве не больше, чем пальцев на одной руке — могли только мечтать. Свобода делать вещи и свобода вешать их на стены, чтобы их свободно смотрели люди, — разве это не вечный миф, который дремлет в нас, бессознательно движет нами, и который мы мечтаем реализовать. Все, что я тогда увидел, было своеобразной метафорой искусства, живущего среди людей, в пыли жизни. Проходя, мы толкаем его локтем, обтираем плечом, на него летят брызги мокрого веника, которым подметают мусор.

Как далеко всё это было от официального искусства, которое заполонило выставки, надоевшие всем, кроме чиновников из Министерства культуры и боссов из Правления Союза художников.

А тут всё, что видят мои глаза, сделал старый, «неученный» в академиях и художественных институтах

человек, который и рисовать-то начал только лет в семьдесят.

Это был урок, что называется, «снизу».

Ведь такие же простые люди испокон веку вышивали великолепные орнаменты на своей одежде, расписывали свои хаты, посуду, резали по дереву, украшая жизнь так, как привыкли, как любили, а не так, как прикажет начальство. Конечно, между ними и дедом Черняховским была и разница. Они были мастерами, работавшими в народной сельской традиции, дед же был «испорчен» городом и работал в безвоздушном пространстве советских изобразительных штампов, — иначе и быть не могло в его случае. Но именно этим он и был интересен, именно этим и отличался от украинских народных мастеров, таких, например, как Приймаченко, которые сформировались в сельской традиции украинской народной декоративности и продолжали ее. Необыкновенно одаренная, Приймаченко, чистая в своем творчестве в первой половине пути, став известной и попав в орбиту Союза художников, иногда все же (при том, что ее искусство, взятое в целом, надо оценить очень высоко) проявляла склонность плыть по течению. В ее послевоенных работах нет-нет да проскальзывала некоторая сухость, скука, а иногда, во времена Хрущева, просто появлялись «кукурузные» апофеозы, которые особенно горько было видеть на ее персональных выставках, где подобные вещи можно было сравнивать с хорошими.

Черняховский же сохранял полную самобытность и независимость, хотя бы уже потому, что начал писать картины в старости и просто не успел стать широко известным; и поэтому не добрались до него прожженные искусствоведы-развратители из Союза художников, которые, возможно, попытались бы обучить его, как зарабатывать деньги, делая то, что «нужно».

Но по логике творчества Черняховского, думаю, ничего бы у них с дедом не вышло — может и захотел бы он угодить, да не смог бы. Ведь он работал вне традиций народного декоративного стиля (оказавшегося достаточно эластичным, чтобы иногда изменять самому себе), а опирался именно на эти взлелеянные вышепомянутыми искусствоведами советские изобразительные штампы, но при этом он бессозна-

тельно деформировал и разрушал их «переложением» на свой наивный пластический язык.

Однако, несмотря на все различия между мастерами народного декоративного стиля и дедом Черняховским — как творческая личность, он вливался в этот ряд простых людей, умельцев-художников, стоявших обычно вне искусства ориентированного на академии и министерства культуры, но также и вне искусства художественного авангарда, хотя именно у искусства авангарда безусловно имеется кровное родство с этим длинным рядом наивных мастеров.

Также и в этом заключался для меня «урок» Черняховского.

Напомню, что этот выламывавшийся из всех рамок художник и уникальный лестничный музей его картин были почти невероятны — но, тем не менее, действительно существовали — в Киеве середины 60-х годов, в городе, где в официальном искусстве, дозволенном властями, царил полный и образцовый советский порядок.

Дед Черняховский с удовольствием показывал свои картины всем, кто приходил, покупать же не предлагал; но если спрашивали, то охотно продавал, и очень дешево: по 5, по 10 рублей. Я купил у него две картины и флюгер. Флюгер представлял улана на коне, странно напоминавшем сказочного серого волка. Всё это было сделано из дерева и жести, ярко раскрашено, с остроумными деталями — шлемом, например, служила блестящая металлическая крышка от чернильницы. На пластиковых вращающихся крыльях надпись: **МЫ ЗА МИР. НО К БОЮ ГОТОВЫ!** Сочетание нелепого балаганного улана «на сером волке» и «незабвенного», знакомого каждому из нас с детства, советского лозунга, было совершенно абсурдным, воспринималось как своего рода скульптура-анекдот, и это еще одна иллюстрация к тому, что я говорил о неповторимом искусстве Черняховского.

Когда я уезжал из Киева на Запад, я очень хотел увезти и картины деда и флюгер. Комиссия по вывозу художественных ценностей оценила картины деда в десять раз дороже, чем он сам их ценил. Всё-таки! Я был рад за деда, которого уже не было в живых. Флюгер же, хотя надпись

предусмотрительно замазал, не был выпущен — по причине того, как было сказано, что «из дерева»! Что сия формулировка означала, до сих пор мне не совсем ясно.

Великий Сергей Параджанов еще до меня купил у деда несколько работ. Лучшая из них — великолепный большой автопортрет во весь рост в форме улана, наверняка сделанный со старой дореволюционной фотографии. Долго он стоял на лестничной площадке, прислоненный к стене у всегда полуоткрытой входной двери квартиры Сергея. Самая большая картина деда — традиционное озеро в камышах, с плавающими утками и рыбами в воде — истинный кич — висела у Сергея на кухне, и на гладкой серо-голубой воде озера он бесцеремонно записывал номера телефонов.

Заглядывал я к деду Черняховскому изредка, раз месяца в три. Однажды я уговорил знакомого молодого кинорежиссера снять про деда документальный фильм. Режиссер отправился со мной к деду знакомиться. Когда мы вошли в парадное, меня поразила пустота стен — картины были сняты. Позвонили. Никто не открывал. Но из двери напротив вышла соседка и сказала, что Черняховский внезапно заболел, отвезли его в больницу и он вскоре умер. Жены его дома не было. Соседка добавила со вздохом, что вот, мол, когда дед был жив, в доме не очень жаловали его и его картины, — «а как умер, так сразу все поняли, что хороший человек был дед Черняховский».

Так неожиданно он умер, а ведь казалось мне, что нас всех переживет, такой был крепкий.

Виктору Платоновичу Некрасову я много рассказывал о деде и его работах. Уже после смерти деда в один серый зимний день Виктор Платонович выбрался со мной посмотреть, что осталось. Мы приехали на машине. Вдова объявила нам, что все работы деда сложены в сарайчике во дворе. Пришлось нам откапывать дверь от глубокого снега, чтобы открыть ее. Собрали мы всё влажное, полуприсыпанное снегом, сложили в багажник. Виктор Платонович заплатил вдове за все вместе и мы уехали. Несколько вещей Виктор Платонович повесил в своей огромной кухне, кое-что

раздарил друзьям, мне вот портрет Коперника, который в свою очередь я, уезжая, подарил своим друзьям вместе с флюгером-уланом.

Известно мне, что какие-то картины деда еще до его смерти попали в Москву к любителям наивного искусства. Две работы Черняховского находились у литературоведа и коллекционера С. Григорьянца, коллекция которого была конфискована в первой половине 70-х годов, при его аресте. В году примерно 75-м позвонил мне фотограф из Москвы, сказал, что работает для издательства «Аврора», и попросил разрешения сделать цветные слайды с принадлежавших мне дедовых картин — непонятно, как он узнал о них. Слайды были сделаны на самом высоком профессиональном уровне.

Я привожу эти может быть не очень увлекательные данные, так как хочу в меру своих возможностей помочь тому, кто заинтересуется картинами Черняховского, а, значит, и им самим. Ведь этого не сделают те, кому у нас на родине положено делать это по долгу службы. Власть предрержащие там обычно сами определяют — тех, о ком людям положено помнить, и понятно, почему их выбор чаще всего не совпадает с истинной шкалой ценностей. Конечно, известность и слава везде и всегда были счастливым билетом в лотерею, но в той ситуации, в которой находится судьба культуры на нашей родине забвение, уготованное тем, кто не признан властями, становится противоестественным, принимает катастрофические размеры. Если не сохраним мы сами, те, кому дорого всё интересное и ценное, что рождается в нашей современной культуре независимо от мнения «центральной прессы», — в национальной памяти неизбежны будут провалы и потери, которые потом восстановить уже будет невозможно.

10. 83.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *Георгий Давыдов*. «Международная Амнистия».
- 8 Свободный мир глазами эмигранта. (*Игорь Бирман, Борис Вайль, Юлия Вознесенская, Петр Егидес, Зиновий Зиник, Лев Круглый, Сергей Солдатов, Михаил Хейфец*.)
- 47 *Илья Зильберберг*. О воспитании и демократии.
- 62 *Махмет Кулмагамбетов*. Социал-православие: цели и методы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 81 *Эдуард Беккер*. Возвращение на круги своя.
- 102 *Александр Беннигсен*. Исмаил-бей Гаспринский и начало движения джадидов в России.

ДИСКУССИЯ

- 117 *Дарья Ребет*. Даблток — традиционно и по-новому.
- 124 *Владимир Малинкович*. Вместо ответа (*Маленькая справка и несколько примечаний к статье Д. Ребет «Даблток...»*)
- 128 *Михайло Добрянский*. Русификация — орудие геноцида.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 131 В концлагерях (*Самиздат*).

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 137 *Фатима Салказанова*. Рассказывают участники афганского сопротивления.

ТРУД, РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 165 *Вадим Белоцерковский*. В обществе самоуправления: налоги, безработица, продолжительность рабочего дня.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 176 *Михайло Михайлов*. Великий катализатор: Ницше и русский неоидализм.

ИСТОРИЯ

- 198 *Сергей Максудов*. Как рождался монстр (трудовые отношения в деревне перед коллективизацией).

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 212 *Владимир Матусевич*. Заметки о советском кино в 1985.
221 *Игорь Шелковский*. На парижских экранах.
226 *Вилен Барский*. Удивительное искусство Черняховского.

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:

Англия — 3 фунт.

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

Годовая подписка:

10 фунт.

50 н. м.

25 ам. долл.

135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: **Ukrainische Gesellschaft für Auslandsstudien
e. V., für «Forum».**

**Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.**

**Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.**

Представители «Форума»

В Англии **Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9**

в Израиле **Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 877451**

